

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1890.

№ 20.

ОКТАБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Слово произнесенное въ Спасовомъ Сниту 17-го октября. О благодарности къ Богу. Преосвященнаго *Амеросія* 471—481
- Письма натолина въ журналъ „L'Union Chrétienne“ съ отвѣтами на нихъ о. Вадимира Гетте (продолженіе). *И—на*. 482—507
- Религіозно-нравственное развитіе императора Александра I и идея свящоннаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета *В. Надлера*. 508—526

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Музей и библіотена Лагидовъ въ Александріи. Культурно-историческій очеркъ. *А. Деревицнаго* 291—329
- О благотѣніяхъ (De Beneficiis). Л. Аннея Сенени на Эбуцію Либералію (продолженіе). * * 330—340

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1890.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени» на Екатерининской улицѣ, въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул. и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, д. № 16, и во всѣхъ конторахъ «Новаго времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3

Дозволено цензурою. Харьковъ, Октября 31 дня 1890 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

СЛОВО

произнесенное Пресвященнымъ Амвросіемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ,
въ Спасовомъ скиту 17 октября.

О благодарности къ Богу.

Непрестанно молитесь. О всемъ благодарите: сія бо есть воля Божія о васъ во Христъ Іисусъ. (1 Сол. 5, 17, 18).

Мы собрались сегодня, братіе, сюда съ тѣмъ, чтобы во вторую годовщину принести благодареніе Богу за спасеніе отъ смертной опасности Благочестивѣйшаго Государя нашего и Его Августѣйшаго Семейства—на самомъ мѣстѣ и въ самый день совершенія этого чудеснаго событія. Какія мысли и чувства управляютъ нами въ настоящемъ случаѣ? Любовь къ Государю, сознаніе величія милости Божіей, явленной намъ въ спасеніи Царя мудраго, кроткаго, твердаго, мужественнаго, любвеобильнаго, Царя, въ рукахъ котораго самодержавная власть въ настоящее трудное время составляетъ незыблемый оплотъ нашего благосостоянія. Наконецъ привлекаетъ насъ сюда и святость самаго мѣста, ознаменованнаго особымъ явленіемъ на немъ всемогущества и благодати Божіей. Всѣхъ этихъ побужденій было бы достаточно для увѣковѣченія народной

памяти о явленной намъ здѣсь милости Божіей, если бы не угрожала намъ человѣческая забывчивость, смѣна событій, при которой новыя силою своихъ впечатлѣній затемняютъ въ умахъ нашихъ давно совершившіяся, и наконецъ измѣнчивость человѣческихъ мыслей и воззрѣній, нерѣдко искажающихъ, какъ свидѣтельствуемъ наше время, самыя свѣтлыя и знаменательныя историческія событія и воспоминанія. Отсюда видно, что несомнѣнно обезпечиваетъ сохраненіе памяти о благодареніяхъ Божіихъ только христіанское настроеніе народовъ, твердая христіанская добродѣтель, основанная на неизмѣнной волѣ Божіей. На такую общую добродѣтель, обезпечивающую благодарную память объ особыхъ Божіихъ благодареніяхъ, указываетъ намъ Апостолъ Павелъ: *непрестанно молитесь, о всемъ благодарите: сія бо есть воля Божія о васъ во Христѣ Исусѣ.* Это значить, что только тотъ, кто привыкъ за все благодарить Бога, не забудетъ съ горячею любовію и усердіемъ принести благодареніе Богу за чрезвычайныя благодаренія Божія, отличающіяся особымъ промышленіемъ Божіимъ о людяхъ по потребностямъ извѣстнаго времени.

Что такое благодарность?

Благодарность вообще есть признаніе оказаннаго намъ благодаренія, или услуги,—выражаемое съ любовію соотвѣтствующимъ чувству словомъ, или дѣломъ. Вѣрная оцѣнка оказаннаго благодаренія дѣлаетъ благодарность сознательною и прочною; глубина чувства—искреннею и велицемѣрною; соотвѣтствующія чувству слова, или дѣйствія закрѣпляютъ добрыя отношенія между благодарителемъ и облагодѣтельствованнымъ.

Благодарность есть одно изъ самыхъ лучшихъ и благородныхъ свойствъ природы человѣческой. Она проявляется въ людяхъ всѣхъ народностей и религій и на

всѣхъ степеняхъ человѣческаго развитія—отъ племенъ дикихъ и до самыхъ образованныхъ. Вездѣ неблагодарный человѣкъ оскорбляетъ своимъ невниманіемъ и черствостію сердца того, кто оказалъ ему услугу, оскорбляетъ и чувство справедливости въ окружающихъ. Напротивъ, общее уваженіе, а иногда и восторгъ вызываетъ благородное дѣло, или героическій подвигъ совершаемые по чувству благодарности къ благодѣтелю.

Таково значеніе благодарности между людьми. Конечно, неизмѣримо высшее значеніе она имѣетъ въ отношеніи къ Богу. Благодаренія людей по отношеніи другъ другу ограничены, временны, а иногда и случайны: благодаренія Божіи неизчислимы и постоянны. Благодарность къ людямъ пріобрѣтаетъ благорасположеніе ихъ въ мѣру ихъ силъ и средствъ: благодарность къ Богу открываетъ путь къ пріобрѣтенію дальнѣйшихъ и высшихъ милостей Божіихъ—въ безконечность. Благодарность къ людямъ требуетъ воздаянія взаимными услугами иногда трудными и долговременными: благодарность къ Богу требуетъ только искренности, теплоты и чистоты этого самаго чувства и отраженія его въ нашей собственной жизни для нашего же блага. Неблагодарность къ людямъ, отталкивая ихъ отъ насъ, сопровождается прекращеніемъ со стороны ихъ услугъ и благодарній частныхъ, касающихся одной какой-нибудь стороны нашей жизни и не всегда необходимыхъ: неблагодарность къ Богу, удаляя насъ отъ Него, заграждаетъ для насъ источникъ всѣхъ необходимыхъ для насъ благъ, ни чѣмъ не замѣнимыхъ и временныхъ и вѣчныхъ.

Судя по этому, благодарность наша къ Богу должна быть глубже, живѣе, чище и постояннѣе, чѣмъ благодарность къ людямъ. Если мы благодаримъ человѣка, который освѣтилъ намъ путь во тьмѣ и избавилъ насъ

отъ паденія, то какъ не благодарить каждый день Бога за ежедневно восходящее солнце? Если мы благодаримъ человѣка накормившаго насъ во время голода, или укрывшаго въ пути отъ непогоды и успокоившаго насъ въ своемъ домѣ: то какъ не благодарить Бога, ежедневно питающаго насъ и дарующаго намъ все необходимое въ этомъ прекрасно устроенномъ мірѣ? Если мы благодаримъ родителей и воспитателей за попеченіе ихъ о насъ во время нашего дѣтства и юности: то какъ не благодарить Бога за непрестанное любвеобильное промышленіе Его о насъ отъ колыбели и до могилы, и за могилу—въ вѣчности? *Непрестанно молитесь. О всемъ благодарите.*

Казалось бы, что не нужно особаго напоминанія о благодарности нашей къ Богу, когда вообще благодарность такъ свойственна природѣ человѣческой, и когда такъ ясна для насъ обязанность благодарить Бога; но мы слышимъ изъ устъ Апостола особую о ней заповѣдь: *сія есть воля Божія о васъ*. Почему же дается эта заповѣдь отъ имени Божія? Потому же, почему даны заповѣди и относительно другихъ обязанностей нашихъ столь же свойственныхъ природѣ нашей, какъ напримѣръ о почитаніи родителей, о любви къ ближнимъ; потому именно, что естественныя требованія нравственнаго закона при развращенности природы нашей забываются нами и отъ невниманія пренебрегаются. Въ этомъ смыслѣ и о долгѣ благодарности требуется для насъ напоминаніе. И въ житейскомъ опытѣ замѣчено, что благодарность есть одна изъ самыхъ трудныхъ добродѣтелей. Почему? По черствости и тупости нашего сердца, по нашей жадности и зависти, побуждающей насъ всегда желать большаго, нежели получаемъ, по той поспѣшности, съ которою спѣшимъ пользоваться благодѣяніемъ, прежде нежели отблагото-

дарили за него, наконецъ по вновь открывающимся нуждамъ, которыя вытѣсняють изъ нашей памяти прежде бывшія трудныя положенія и прежде полученныя благодѣянія. Въ этомъ порокѣ Апостоль Павелъ обличалъ самый образованный изъ древнихъ языческихъ народовъ, Римлянъ: „они, познавъ Бога (изъ природы), не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, а осуетились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце; называя себя мудрыми, обезумѣли“. (Рим. 1, 21. 22).

Еще встрѣчается вопросъ: почему Господу Богу, вседовольному и всеблаженному, нужна наша благодарность, когда она ничего къ Его бытію прибавить не можетъ, и когда Его безконечная благодать изливается въ благодѣніяхъ тварямъ по собственному влеченію, безъ всякихъ стороннихъ побужденій? Этотъ вопросъ легко разрѣшается на основаніи ученія о сходствѣ нашей природы, какъ образа Божія, съ существомъ Божиимъ, какъ съ ея Первообразомъ. Все, что есть въ насъ добраго, честнаго и благороднаго, удѣлено намъ по подобію свойствъ Божіихъ; слѣдовательно все, что мы такого имѣемъ въ высочайшей степени есть и въ Богѣ. Если есть въ насъ проблески безкорыстнаго благожелательства ближнимъ; если мы радуемся ихъ счастію; если ихъ благодарность, давая намъ видѣть, что нашъ даръ послужилъ имъ въ пользу, побуждаетъ насъ къ новымъ благодѣніямъ для улучшенія ихъ положенія: то безъ сомнѣнія всѣ эти движенія любви въ высочайшей степени принадлежать и Богу. Поэтому слово Божіе говоритъ, что Богъ любитъ праведниковъ, благодѣлаетъ благочестивымъ семействамъ изъ рода въ родъ, радуется объ обращеніи заблуждающихся, скорбитъ о развращенныхъ и неблагодарныхъ. Какая скорбь чувствуется въ словахъ Спасителя по исцѣленіи Имъ

десяти прокаженныхъ, изъ которыхъ по полученіи благодаренія, одинъ только Самарянинъ пришелъ воздать Ему благодареніе: *не десять ли очистилися, да девять гдѣ? Какъ не обратишася возвратишася дати славу Богу, токмо иноплеменикъ сей?* (Лук. 17, 17. 18). Не вдаваясь въ праздна и безплодна изслѣдованія о томъ, какъ совмѣщаются въ Богѣ эти чувствованія съ неизмѣнностію Существа Божія, мы послѣдуемъ званію Божію, которымъ открывается намъ таинственный обмѣнъ чувствованій нашихъ дѣтскихъ сердецъ съ движеніями любви Отца нашего Небеснаго: „призови Меня въ день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня“ (Пс. 49, 15).

Очевидно, призывая насъ къ молитвѣ *прошенія* въ нашихъ нуждахъ, и ожидая отъ насъ молитвы *благодаренія и славословія* по полученіи благодаренія, Господь, Самъ ни въ чемъ не нуждающійся, ищетъ только нашего блага, и прежде всего нашего нравственнаго усовершенствованія. Благодарность соединяющаяся съ славословіемъ есть первоначальный, прямой путь къ общенію съ Богомъ, источникомъ всякаго совершенства. Прошенія оказались необходимыми вслѣдствіе грѣхопаденія нашихъ прародителей, за которымъ открылись безконечныя наши нужды. Въ невинномъ состояніи люди, если бы въ немъ остались, всегда принимали бы благодаренія отъ Бога безъ прошеній, по свободному движенію любви Его къ нимъ, и имъ ничего не оставалось бы болѣе, какъ только радостное благодареніе Богу. Теперь оказались необходимыми прошенія, мольбы, слезы. Но Господь, принимая наши скорбныя моленія, желаетъ возвратить насъ къ радости благодаренія, которое должно быть блаженнымъ удѣломъ праведниковъ въ вѣчной жизни. Апостолъ, сказавши относительно благодареній: *сія есть воля Божія*, не на-

прасно прибавилъ: *во Христѣ Иисусѣ*. Иисусъ Христосъ искупилъ насъ отъ грѣха со всѣми его послѣдствіями. Намъ остается не грѣшить по доброй волѣ, и самыя прошенія о необходимыхъ нуждахъ нашихъ будутъ растворены дерзновеніемъ любви, и вмѣсто скорбнаго пути покаянія намъ откроется для общенія съ Богомъ радостный путь благодаренія за благодѣянія сообщаемыя намъ Богомъ, какъ сказалъ Спаситель, *прежде прошенія нашего* (Мат. 6, 8). *Богъ есть любви*, говоритъ св. Іоаннъ Богословъ, *и пребывая въ любви въ Бозѣ пребываетъ* (1 Іоан. 4, 16). А что каждое сердечное благодареніе Богу есть шагъ по пути любви ведущей къ общенію съ Нимъ, это объяснилъ намъ Самъ Иисусъ Христосъ. Въ притчѣ, сказанной Симону фарисею о двухъ неоплатныхъ должникахъ, изъ которыхъ займодавцемъ былъ прощенъ одному очень большой, а другому малый долгъ, Господь спросилъ: «скажи, который изъ нихъ больше возлюбитъ его?» Не сказалъ Господь: возблагодарить, а *возлюбить*. (Лук. 7, 42). Св. отцы, истолковавшіе намъ Священное Писаніе не словомъ только, но и дѣломъ, передаютъ намъ въ своихъ бытописаніяхъ слѣдующій замѣчательный опытъ. Въ одной обители два брата впали въ грѣхъ. Настоятель на великій постъ назначилъ имъ эпитиміи, помѣстивъ ихъ въ отдѣльныхъ келліяхъ для покаянія. Предъ Пасхою онъ получаетъ отъ Бога повелѣніе выпустить изъ затвора падшихъ братій, такъ какъ они прощены. Призвавъ ихъ къ себѣ, настоятель былъ удивленъ ихъ внѣшнимъ видомъ: одинъ былъ изможденный, исхудавшій, другой свѣжій и здоровый. Объявивъ имъ прощеніе отъ Бога, онъ спросилъ у нихъ объясненія этой разности въ ихъ внѣшнемъ видѣ: что вы дѣлали въ вашемъ уединеніи? Одинъ, исхудавшій, сказалъ: «я все плакалъ о грѣхѣ моемъ», а другой, имѣвшій здоровый

видъ: «а я все благодарилъ Бога, что Онъ не попустилъ мнѣ погибнуть во грѣхѣ моемъ». Мы видимъ изъ слова Божія, что Господь призываетъ насъ къ Себѣ двумя путями: наказаніями за грѣхи, и благодѣяніями за исполненіе Его заповѣдей. Не трудно понять, что всеблагодарному Отцу нашему Небесному пріятнѣе видѣть наши радостныя сердца и лица, нежели наши слезы. Потому Онъ и направляетъ насъ на путь благодаренія, чтобы мы, испытавъ это радостное чувство, вводящее въ любовь Божию, удалялись отъ грѣха плодящаго скорби и болѣзни. Потому и Церковь, наша руководительница въ дѣлѣ спасенія, непрестанно влагаетъ въ уста наши вмѣстѣ съ молитвами покаянія и молитвы благодаренія за всѣ Божіи къ намъ благодѣянія: за искупленіе насъ Сыномъ Божіимъ, за чудныя дѣла Божественнаго домостроительства для нашего спасенія, за блага временной жизни, за семейныя радости, за благополучно проведенный день, за мирный сонъ, за успѣшно оконченный трудъ, за пищу и питіе, — чтобы мы всѣмъ сердцемъ возчувствовали, что живемъ въ любви Божіей, и отъ всего сердца возлюбили Отца нашего Небеснаго. Изъ этого видно, какъ преступно и для насъ вредно это безчувственное отношеніе къ дарамъ Божіимъ и къ благодѣющему намъ Богу, какое мы нынѣ видимъ въ христіанахъ развращенныхъ и даже, повидимому, образованныхъ. Къ послѣднимъ особенно можно отнести слова Апостола Павла, сказанныя древнимъ Римлянамъ: «осустились въ умствовапіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце; называя себя мудрыми, обезумили».

Если таковы отношенія Господа Бога къ каждому человѣку, памятующему Его благодѣянія и благодарящему за нихъ: таковы же и даже болѣе милостивыя должны быть къ цѣлому народу. Если движеніе одного

любящаго человѣческаго сердца видимо съ небесъ: то, безъ сомнѣнія, большее благоволеніе Бога и небожителей обращается на тысячи и милліоны возносящихся къ небу сердець. Если примѣромъ одного человѣка славится имя Божіе въ небольшомъ кругу, гдѣ онъ живетъ: то примѣромъ цѣлыхъ народовъ, торжественно благодарящихъ Бога, славится имя Его въ цѣломъ мірѣ. И какъ ничто столько не оскорбляетъ Бога, какъ всенародное уничиженіе имени Его: такъ ничто столько не привлекаетъ благаго промысленія Его о преуспѣяніи народовъ, какъ торжественное свидѣтельство ихъ вѣры и любви, являемое въ общественныхъ и всенародныхъ молитвахъ. Объ этомъ свидѣтельствуется вся исторія народа Израильскаго.

Много нынѣ разсуждаютъ о міровомъ значеніи народовъ, объ ихъ призваніи, объ историческихъ задачахъ предстоящихъ каждому изъ нихъ. Сколько въ этихъ разсужденіяхъ произвола, противорѣчій, горделивыхъ мечтаній, которыя разрушаются событіями нерѣдко на нашихъ глазахъ! Одно призваніе обезпечиваетъ преуспѣяніа каждаго народа и объединяетъ народы въ общій братскій союзъ, — это призваніе быть вѣрными Богу истинному и покорными святому закону Его. Какъ вѣрное средство опредѣлить и убѣдиться въ томъ, не уклоняется ли народъ отъ этого призванія, есть установленіе благодарственныхъ торжествъ въ память полученныхъ въ извѣстное время Божіихъ благодѣяній. Въ этихъ торжествахъ воспоминаются печальныя или радостныя событія бывшія раньше насъ и пути Божія промысленія въ избавленіи предковъ нашихъ отъ постигавшихъ ихъ бѣдствій. Таковы были древніе праздники еврейскіе, установленные Богомъ въ память избавленія народа Божія отъ рабства Египетскаго, странствованія въ пустынь и вве-

денія его въ землю обѣтованную. Предъ вступленіемъ въ предѣлы этой земли Господь далъ такое повелѣніе Мойсею: « въ праздникъ Кущей собери народъ мужей и женъ и пришельцевъ твоихъ, которые будутъ въ жилищахъ твоихъ, чтобы они слушали и учились, и чтобы боялись Господа Бога вашего и старались исполнять всѣ слова закона сего. И сыны ихъ, которые не знаютъ сего, услышатъ и научатся бояться Господа Бога вашего (Втор. 31. 12, 13). Тому же учить насъ наша православная Церковь всѣми праздниками установленными въ память какъ міровыхъ событій, относящихся ко всему человѣчеству, такъ и мѣстныхъ, имѣющихъ значеніе только для нашего отечества. Будьте внимательны къ ея молитвамъ при воспоминаніи помощи Божіей, явленной предкамъ нашимъ въ борьбѣ ихъ съ татарами, два вѣка державшими ихъ въ порабощеніи, въ освобожденіи отъ бѣдствій междупарствія и польскаго нашествія, въ сокрушеніи полчищъ дванадцати языкъ въ 1812 г. и т. п.,—изъясняйте, кто можетъ, значеніе этихъ празднованій людямъ неграмотнымъ,—и всѣ подобныя событія будутъ для народа путевыми столбами, указующими имъ прямое направленіе къ его назначенію—быть вѣрнымъ завѣтамъ Христа Спасителя нашего и уставамъ святой Его Церкви. Частныя задачи, подлежащія народу нашему относительно внутренняго благоустройства отечества нашего, защиты отъ враговъ, просвѣщенія племенъ невѣдущихъ имени Христова, освобожденія единовѣрныхъ братій угнетаемыхъ чуждыми народами, Господь Самъ не только научитъ насъ уразумѣть, но и поможетъ исполнить.

И спасеніе великаго Государя нашего отъ смертной опасности, чудесно совершенное на этомъ мѣстѣ, будетъ имѣть навсегда такое же значеніе не только для современниковъ, но и для отдаленныхъ потомковъ. И они

чрезъ сохраненіе этого празднованія, которое мы нынѣ совершаемъ, научатся бояться Господа Бога нашего, указавшаго намъ чудомъ спасенія Царя нашего, — на кого намъ надѣяться въ трудныя времена невѣрія и развращенія народовъ, отъ какой земной власти ждать защиты при всемірныхъ смутахъ и перемѣнахъ въ правительствахъ, какихъ Царей просить у Бога для нашего отечества, и какъ намъ чтить и любить такихъ Царей, какаго даровалъ намъ Господь въ Лицѣ несравненнаго Государя нашего Императора Александра Александровича. Аминь.

ПИСЬМА КАТОЛИКА ВЪ ЖУРНАЛЪ „L'UNION CHRÉTIENNE“

съ отвѣтами на нихъ о. Владиміра Гетте.

(Продолженіе *).

Пятое письмо католика.

Господинъ Редакторъ,

Когда Богъ удостоиваетъ человѣка сообщенія Своей воли чрезъ посредниковъ, которыхъ Ему благоугодно избрать; то кто осмѣлится вносить въ это дѣло анатомическій ножъ критики? Философы ли, протестанты ли? Но поставляя себя внѣ католической церкви, они становятся осужденными напередъ, ихъ погибель совершилась.

Но и католики, принимающіе всю совокупность ученія и подвергающіе сомнѣнію частности, впадаютъ въ опасность потерять благодѣянія своей вѣры; потому что, открывая свой слухъ къ разглагольствіямъ (raisonnements), они кончаютъ тѣмъ, что бывають уловляемы ими и губятъ свое спасеніе.

Откровенная истина проникаетъ въ душу подобно тому, какъ свѣтъ солнца отражается въ глазахъ. Кто сталъ бы отвергать солнце, воспринимая всѣ его лучи, тотъ объявленъ былъ бы глушцомъ; равно и тотъ, кто будучи воспитанъ въ христіанствѣ, не захотѣлъ бы признать его божественнаго превосход-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1889 г., № 16.

ства, становится виновнымъ въ смертномъ грѣхѣ и вѣчно будетъ наказанъ за это.

Разумъ, предоставленный самому себѣ, обладаетъ въ дѣлѣ познанія истинъ относительныхъ только опытомъ и предположеніями; но онъ не иначе можетъ познать истину абсолютную, т. е. Бога, какъ только при посредствѣ откровенія. Одно только откровеніе, при посредствѣ догмата человѣческаго паденія, покажетъ ему также противорѣчіе между добромъ и зломъ, а при посредствѣ догмата искупленія укажетъ ему средство ко спасенію. И подобно тому, какъ существуетъ одна только истина, точно также существуетъ одно откровеніе, т. е. откровеніе католическое, коего священнымъ залогомъ владѣетъ римская Церковь.

Итакъ къ Церкви надобно обращаться въ случаѣ сомнѣнія и колебанія. Тертуліанъ сказалъ: «кто ищетъ истину, тотъ еще не владѣетъ ею или же потерялъ ее. И кто ищетъ христіанство, тотъ еще не есть христіанинъ; кто ищетъ вѣры, тотъ не есть вѣрующій. Мы не имѣемъ уже надобности въ изысканіяхъ, послѣ ученія преподаннаго намъ Іисусомъ Христомъ, ни въ изслѣдованіяхъ послѣ наставленій, содержащихся въ Евангеліяхъ. Первый членъ нашей вѣры состоитъ въ признаніи того, что въ Евангеліи нельзя найти ничего». Отцы положительно запрещаютъ употреблять философскіе доводы или разсужденія для изслѣдованія тайны откровенія; эту тайну надобно усвоить, но въ нее не должно углубляться, потому что именно въ этомъ скрывается подводный камень, о который натолкнулись величайшіе учителя, между прочимъ, Оригенъ и Тертуліанъ; и именно этотъ камень лишилъ ихъ счастья быть причисленными къ лику святыхъ.

Удивляются, что божественное откровеніе, т. е. абсолютная истина, нѣчто совершенное, подпадаетъ однакоже искаженію отъ времени и отъ людей, такъ что оставила очень слабыя слѣды въ первоначальной исторіи всѣхъ народовъ, за исключеніемъ однихъ лишь евреевъ. Но это потому, что первоначально Богъ, вмѣстѣ со всѣми наставленіями, необходимыми человѣку для счастливой жизни здѣсь, на землѣ, даровалъ ему свободу дѣлать добро или зло, быть вѣрнымъ или не вѣрнымъ

откровеннымъ законамъ, спасаться или погибать,—и человѣкъ широко воспользовался этою свободою. Только одинъ народъ, именно еврейскій, сохранилъ залогъ божественнаго преданія; но при этомъ потребовалось, чтобы Богъ часто удостоивалъ его открывать ему Свою волю для предохраненія его отъ склонности къ идолопоклонству.

Наконецъ, когда испорченность людей, вслѣдствіе первороднаго грѣха, достигла крайняго предѣла, Богъ послалъ Своего Сына для возрожденія міра, и Христосъ уполномочилъ католическую церковь продолжать Его дѣло искупленія.

Человѣкъ и теперь пользуется свободою и можетъ свободно сохранять или отвергать всѣ тѣ откровенія, которыя Богъ ежедневно подтверждаетъ голосомъ Своихъ священниковъ и чудесами, каковы напримѣръ чудеса: Пресвятой Дѣвы Риминской, Салеттской и многихъ другихъ. И кто отказывается вѣрить всему этому, тотъ является болѣе виновнымъ, чѣмъ язычникъ; потому что онъ не имѣетъ уже возможности оправдываться невѣдѣніемъ, подобно имъ. Подъ какою бы географическою широтою кто ни жилъ, къ какой бы близкой или отдаленной націи ни принадлежалъ, но съ того момента, когда католическій миссіонеръ открываетъ ему этотъ свѣтъ, онъ обязанъ подъ опасеніемъ осужденія принять свѣтъ и подчиниться ему; между тѣмъ какъ невѣдѣніе невѣрующихъ, рожденных въ странахъ, куда не проникалъ католическій свѣтъ, извинительно; и если оно не спасаетъ человѣка отъ послѣдствій первороднаго грѣха, то и не увеличиваетъ тяжести его.

Сальвианъ, упоминая о варварахъ, сказалъ: «Они—еретики, но они не знаютъ этого; они находятся въ заблужденіи, но чистосердечно, не изъ ненависти къ Богу а изъ любви къ Нему, думая, что почитаютъ и любятъ Его. Хотя они не имѣютъ чистой вѣры, но полагаютъ, что обладаютъ совершенною любовію. Какому же наказанію они подвергнутся въ день суда, за свои заблужденія? Никто не можетъ этого знать, кромѣ верховнаго Судіи».

Николь доходитъ до крайности, когда говоритъ: «всѣ тѣ, которые не по своей волѣ и безсознательно принимаютъ схизму и ересь, составляютъ часть истинной церкви». Если бы это

было такъ, то надобно было бы признать преимуществомъ состояніе схизматика; потому что тогда можно было бы быть свободнымъ отъ многочисленныхъ частныхъ обязанностей, которыми подчинены католики; тогда не было бы надобности ни въ какомъ говѣніи, ни въ какомъ пощеніи, ни въ какомъ покаяніи, ни въ какихъ Богослужебныхъ дѣйствіяхъ и молитвахъ! Тогда люди были бы свободны отъ всякихъ стѣснительныхъ обязанностей потому только, что пребываютъ въ невѣдѣніи.

Святой Августинъ различаетъ невѣдѣніе вольное отъ невольнаго: «Не должно причислять къ числу еретиковъ тѣхъ, говоритъ онъ, которые держатся ложныхъ и превратныхъ мнѣній безъ всякаго упорства, преимущественно же если не измышляютъ ихъ съ дерзкимъ предубѣжденіемъ, а приняли ихъ отъ своихъ родителей, обманутыхъ и влывшихъ въ заблужденія; и если они старательно ищутъ истину, будучи расположены исправиться, когда найдутъ ее». Наконецъ Священное Писаніе допускаетъ необходимость ереси для лучшаго выясненія истины католической религіи и для умноженія заслугъ тѣхъ, которые останутся ей вѣрными. Когда Божественное Откровеніе становится принятымъ нами; тогда вѣра развивается совершенно естественно, потому что она есть расположеніе души вѣрить всеѣмъ откровеннымъ истинамъ. Она есть сверхъестественный свѣтъ, даруемый человѣку Богомъ, для просвѣщенія его разума; она есть Божественная благодать, сообщаемая въ крещеніи и очищающая его отъ первороднаго грѣха.

Научныя истины для своего принятія нуждаются въ фактахъ и доказательствахъ, часто опровергаемыхъ дальнѣйшими открытіями; но истина откровенная имѣетъ надобность только въ вѣрѣ, безъ какихъ-либо доказательствъ, или разсужденій. «Вѣра, говоритъ святой Павелъ, есть основа вещей, которыхъ мы должны ожидать и полная увѣренность въ томъ, чего не видимъ».

Вѣра проявляется въ неопустительныхъ дѣйствіяхъ Богомоленія, любви и въ слѣпомъ подчиненіи непогрѣшимой власти Церкви. Ибо по Боссюэту, «счастіе тѣхъ, которые родились въ нѣдрахъ истинной Церкви, состоитъ въ дарованіи имъ Бо-

гомъ такого авторитета, по которому они вѣрятъ прежде чѣмъ Церковь предлагаетъ имъ вѣру, и по которому вѣра предшествуетъ у нихъ, или лучше, исключаетъ изслѣдованіе... Между истинными христіанами вѣра появляется съ самаго начала: такимъ образомъ они не переходятъ, какъ происходитъ это съ нашими реформатами, отъ состоянія сомнѣнія въ состояніе достовѣрности, или отъ вѣры человѣческой къ вѣрѣ Божественной. Божественная вѣра открывается съ самаго начала первоначальными церковными установленіями и продолжается непрерывно. Непогрѣшимый авторитетъ Церкви предшествуетъ всѣмъ нашимъ сомнѣніямъ и всѣмъ нашимъ изслѣдованіямъ. Нѣкоторые католическіе писатели пытались доказать вѣру, какъ доказываютъ алгебраическую проблему; они старались убѣдить невѣрующихъ доводами, заимствованными или изъ первоначальнаго откровенія, или чудесами Ветхаго и Новаго Завѣта, или священнымъ и достопочитаемымъ характеромъ патріарховъ, апостоловъ, отцовъ церкви, мучениковъ, или исполненіемъ пророчествъ и пр. и пр. Но эти попытки остались желаніемъ доказать вѣру самою же вѣрою; потому что невѣрующій могъ отвѣчать, что онъ не вѣритъ ни откровенію, ни чудесамъ, ни пророчествамъ, ни Божественному посольству апостоловъ. Что же касается повѣствованій объ удивительныхъ преданіяхъ, сверхъестественныхъ событіяхъ, пророчествахъ, мученичествахъ и пр., то и другія религіи, говорятъ невѣрующіе, могутъ понасказать еще больше, и такимъ образомъ могутъ подобными же доводами подтверждать себя, чтобы быть принятыми безъ всякихъ пререканій. Въ самомъ дѣлѣ, вѣра не можетъ доказать себя, она можетъ только показать себя тѣмъ, которые по дѣйствию благодати расположены принять ее.

Я гдѣ-то читалъ одно сочиненіе подъ названіемъ: «Philosophie catholique (католическая философія). Какъ могутъ сопоставлять эти два слова, выражающихъ двѣ идеи, совершенно противоположныя? Философія имѣетъ задачею изслѣдованіе истины; католицизмъ же означаетъ истину уже обрѣтенную.

Такимъ образомъ, это названіе означаетъ ли исканіе католической истины? Но имѣютъ ли надобность искать то, что уже держатъ въ своихъ рукахъ?

Когда солнце сіяетъ предъ нашими глазами, ищемъ ли мы свѣтъ? Достаточно одного простаго желанія, чтобы видѣть его.

Если вѣра можетъ быть доказана, тогда она не будетъ имѣть ничего Божественнаго, чудеснаго, необычайнаго; тогда католическая религія ниспадетъ въ повседневный рядъ нашихъ нравственныхъ мнѣній, которыя подъ вліяніемъ воспитанія видоизмѣняются, перерабатываются и совершенствуются.

Вѣра не приобрѣтается, а открывається въ различныхъ степеняхъ, сообразно съ даромъ Божественной благодати вѣрующимъ: апостолы среди другихъ людей получили особенную благодать быть причастными ко всей власти Іисуса Христа, какъ-то: творить чудеса, говорить на всѣхъ языкахъ, воскрешать мертвыхъ, заклинать демоновъ, и сообщать эти же разнообразныя дары другимъ. Кто пожелаетъ выяснитъ эти факты, тотъ подвергнетъ ихъ сомнѣнію, а сомнѣніе прямо приведетъ къ невѣрію.

Когда Ламене въ своемъ «Essai sur l'indifférence» (Опытъ объ индифферентизмѣ) сказалъ, что истинность католицизма утверждается на общемъ смыслѣ, на традиціонномъ авторитетѣ человѣческаго рода, на всеобщей вѣрѣ въ откровеніе: тогда мнѣніе это справедливо было отвергнуто выдающимися членами епископата.

Въ самомъ дѣлѣ, если вотъ уже 1800 лѣтъ, какъ христіанская вѣра открыта и едва только третья часть міра приняла ее, то это потому что Богъ не судилъ благовременнымъ награждать ею всѣхъ людей въ одно и то же время и безъ всякаго посредства. Онъ обязалъ Свою Церковь продолжать дѣло искупленія, начатое Іисусомъ Христомъ; но Онъ не далъ всѣмъ людямъ познанія вѣры инстинктивнаго, которое не требовало бы съ ихъ стороны никакого усилія и которое слѣдовательно не сообщало бы имъ никакой заслуги.

Такимъ образомъ Ламене, признавши, что онъ далъ ложную опору католицизму, подумалъ, что разрушилъ все зданіе, и онъ оставилъ его, какъ оставляютъ зданіе, о которомъ думаютъ, что оно глубоко подкопано. Этимъ онъ скрыто выразилъ хвалу единству и однородности католической вѣры, въ которой ничто не должно подпадать пререканіямъ подъ опа-

снїемъ впасть въ сомнѣніе. Именно подѣ вліяніемъ желанія объяснить то, что само по себѣ необъяснимо, онъ увидѣлъ, что самое откровеніе мало-по-малу испаряется въ тигель его силлогизмовъ, и онъ сдѣлался фѣлософомъ.

По ученію католической Церкви, разумъ дарованъ человѣку для того, чтобы руководить его инстинктъ къ предметамъ наиболѣе соотвѣтствующимъ его матеріальному бытію, и приводить его душу къ мыслямъ и дѣйствіямъ наиболѣе сообразнымъ съ откровенною вѣрою.

Но подобно тому, какъ человѣкъ оставленный въ жаркой пустынѣ напрасно напрягалъ бы свой разумъ для изысканія или приготовленія необходимой для жизни пищи; подобно этому и человѣкъ, рожденный внѣ католической Церкви, сколько угодно можетъ предаваться гипотезамъ, самымъ остроумнымъ, и вести нравственную жизнь, самую образцовую, но онъ будетъ совершать одно только пустое дѣло. Это слѣпецъ, который въ надеждѣ достигнуть цѣли ошупью проходитъ дорогу, находимую его стопами, но въ концѣ концовъ впадаетъ въ пропасть.

Если бы разумъ былъ достаточенъ для человѣка безъ откровенія, то онъ могъ бы признавать все, что ему внушаетъ онъ, какъ наиболѣе предпочтительное; и такимъ образомъ всѣ ереси были бы оправданы; потому что ереси черпаютъ свои основанія въ естественномъ правѣ каждаго человѣка рѣшать, сообразно съ своимъ частнымъ авторитетомъ, что истинно и что ложно,—правѣ, на которое революціонеры указываютъ въ своихъ конституціяхъ.

Церковь не возстаетъ противъ разума; она только порицаетъ его примѣненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ служитъ преступнымъ орудіемъ въ дѣлѣ объясненія явленій природы и фактовъ исторіи, вопреки откровеннымъ преданіямъ; когда онъ вдается въ нечестивыя предположенія о началѣ и концѣ человѣка, расходясь съ ученіемъ Священнаго Писанія; но Церковь авторизируетъ его примѣненіе единственно при изслѣдованіяхъ, способныхъ укрѣпить вѣрованія.

Средъ того свѣтоноснаго потока, какой св. Церковь изливаетъ на вѣрующихъ, какимъ образомъ могутъ находиться ка-

толики, настолько непослѣдовательные, что довольствуются каплями современнаго знанія и успокоиваются результатами, столь мало согласными съ книгами, которыхъ непререкаемый авторитетъ они однакоже признаютъ? Удовольствіе отъ споровъ, польза отъ разнообразныхъ познаній, углубленіе въ явленія природы, все это возвышается ли надъ благомъ вѣрова- ній безъ разсужденій?

«Тогда какъ тайны разума, говоритъ Альб. Брولي, исполнены тяжелыми сомнѣніями и недоумѣніями, которыя отдають предающагося имъ въ добычу нравственной неизвѣстности всякаго рода, всѣмъ сожалѣніямъ о своей прошлой жизни, всѣмъ опасеніямъ жизни будущей, — догматы предлагаемые вѣрою, даже самые таинственные, суть утвержденія утѣшительныя, ясно показывающіе человѣку принимающему ихъ, и путь, которымъ онъ долженъ идти, и надежду, которую онъ можетъ питать».

Ломенё, когда еще признавалъ вѣру, развивалъ ту мысль, что человѣкъ отдѣляющійся отъ католической Церкви неизбѣжно есть или еретикъ, или деистъ, или атеистъ; ибо преклоняясь предъ верховною властію человѣческаго разума, онъ надѣется посредствомъ него открыть всю истину, и во всякомъ случаѣ признаетъ достовѣрными только результаты, добытые имъ.

Такимъ образомъ истина, съ точки зрѣнія человѣческой, есть только предположеніе, то есть образъ пониманія, подчиненный времени, странѣ, въ которой живутъ, или учрежденіямъ и событіямъ, среди которыхъ находятся; по съ точки зрѣнія вѣрующихъ людей истина обладаетъ несомнѣнною достовѣрностію.

Бональдъ сказалъ: «при мнѣніяхъ возможна ошибка или истина; но въ догматахъ должна существовать одна только достовѣрность».

Философія нуждается въ доказательствахъ для большаго или меньшаго обоснованія своихъ гипотезъ; прежде признанія она разсуждаетъ, она сравниваетъ, она изслѣдуетъ; религія же чуждается этихъ средствъ, она потеряла бы даже свое превосходство, если бы прибѣгала къ человѣческимъ разсужденіямъ; она допускаетъ ихъ только, чтобы стать доказанной предъ

сильными умами; но она не имѣетъ во всемъ этомъ надобности въ отношеніи къ тѣмъ людямъ, которые расположены вѣровать.

Догматы суть тайны, которыхъ достовѣрность должна быть признана на основаніи свидѣтельства преданія, ученія Церкви и чудесъ; если бы они были очевидны сами по себѣ, то какую заслугу вѣрующіе могли бы находить отъ своихъ вѣрованій?

Человѣкъ, отказывающійся вѣрить въ свѣтъ прежде пріобрѣтенія полнаго объясненія этого феномена, очень рискуетъ во всю свою жизнь остаться при своемъ невѣріи; потому что наука не смогла еще проникнуть во всѣ частности.

Надобно сохранять очень простое правило при сужденіи о всякой философской доктринѣ, нравственной ли то, или научной; надобно сравнивать ее съ откровеннымъ преданіемъ, и если она отличается отъ него даже въ одномъ пунктѣ; то можно съ полною увѣренностью и безъ дальнѣйшаго изслѣдованія объявлять ее еретическою.

«Еретикъ, говоритъ Боссюэтъ, есть человѣкъ, который руководится своимъ собственнымъ мнѣніемъ, который слѣдуетъ внушеніямъ своей собственной мысли и своего частнаго чувства. Католикъ же, напротивъ, безъ колебанія слѣдуетъ внушенію Церкви вселепской».

Когда въ крещеніи даруется благодать, тогда со стороны христіанина не требуется другого усилія, кромѣ вѣрованія ученію, которое Богъ сообщаетъ посредствомъ голоса Церкви. «Ибо Онъ училъ, говоритъ Лактанцій, какъ верховный Всевидѣцъ всѣхъ предметовъ, которому приличествуетъ не доказывать, а только высказывать истину».

Слѣдующія слова: «Внѣ Церкви нѣтъ спасенія» означаютъ: внѣ Церкви нѣтъ религіи, ибо если бы для спасенія было достаточно имѣть неопредѣленную идею о Богѣ, отказываясь отъ откровеннаго преданія и отъ таинствъ; то христіанство не содержало бы въ себѣ никакихъ мотивовъ превосходства сравнительно съ другими культами; быть можетъ даже, оно имѣло бы ихъ меньше, по причинѣ своихъ религіозныхъ обязательствъ.

Но возможность покорнаго предоставленія себя водительству руки Церкви, съ твердою увѣренностію при этомъ непогрѣшимомъ руководствѣ достигнуть вѣчнаго спасенія, не составляетъ ли величайшаго нашего преимущества?

Въ свою очередь и Церковь имѣетъ право требовать безусловнаго повиновенія.

«Я хочу имѣть учениками своими мертвыхъ, а не живыхъ», говоритъ св. Францискъ Ассизскій.

Вѣрующій долженъ быть подобенъ солдату, этому рабу дисциплины, и долженъ повиноваться всѣмъ мановеніямъ, которыя сему передаются голосомъ священника.

Въ этомъ отношеніи онъ сообразуется съ Божественными предписаніями Іисуса Христа, Который говоритъ: «Кто идетъ ко Мнѣ и не возненавидитъ своего отца и свою мать, свою жену, своихъ дѣтей, своихъ братьевъ и своихъ сестеръ, и свою жизнь, тотъ не можетъ быть Моимъ ученикомъ».

По толкованію Бержье, эти жесткія слова означаютъ, что христіанинъ долженъ быть готовымъ оставить своихъ родителей для проповѣданія Евангелія.

Отцы Церкви своимъ ученіемъ подтверждаютъ это толкованіе; такъ, св. Августинъ говоритъ: «Сынъ не долженъ повиноваться отцу, если онъ приказываетъ ему что-либо противоположное вѣрѣ; и отецъ не долженъ гнѣваться, говоритъ онъ, если его сынъ желаетъ повиноваться Богу больше, чѣмъ ему».

Св. Бернадъ идетъ еще дальше: «Презирать мать, говоритъ онъ, есть дѣйствіе нечестивое; но презирать ради Христа есть дѣйствіе въ высшей степени благочестивое».

Невѣрующіе называютъ это фанатизмомъ; но католики, которые не согласны съ этимъ ученіемъ, отрекаются отъ своей вѣры и пренебрегаютъ своимъ спасеніемъ; во всякомъ случаѣ, священное преданіе представляетъ имъ безчисленные примѣры подобнаго самоотверженія и преданности.

Св. Иеронимъ утверждаетъ, что величайшая слава Авраама состояла въ готовности принести Богу въ жертву своего сына.

«Ісаакъ, присовокупляетъ онъ же, принеси въ жертву свою дочь дѣвицу, и за это причисленъ къ лику святыхъ».

Если любовь родительская и любовь сыновняя не должны пересиливать любви къ Богу; то еще съ большею основательностію надобно отвергать другія земныя привязанности.

Напримѣръ, пожертвованіе любовію къ себѣ есть величайшее средство ко спасенію; и именно для облегченія и для большей дѣйствительности этого жертвованія, съ самаго начала христіанства были введены пребываніе въ монастыряхъ и умерщвленіе плоти, во исполненіе словъ Іисуса Христа: «Если кто хочетъ прійти ко Мнѣ, да отвержется себя, понесетъ крестъ свой во всѣ дни и слѣдуетъ за Мною; ибо кто хочетъ спасти свою душу, тотъ погубитъ ее; а кто погубитъ свою душу изъ любви ко Мнѣ, тотъ спасетъ ее.

Писанія отцовъ исполнены совѣтами въ этомъ же родѣ. Св. Іеронимъ говоритъ: «Ты долженъ бороться съ самимъ собою и въ тѣлѣ жить безтѣлесно».

Писатель *Подражанія Іисусу Христу*, вдохновленный наиболѣе строгими наставленіями Св. Писанія, тоже говоритъ: «Чѣмъ болѣе гдѣ-либо естественное бываеъ побѣждаемо и сдерживаемо, тѣмъ болѣе тамъ является Божественная благодать».

Да и что значуть всѣ наши семейныя привязанности, всякая дружба,—что означаютъ мимолетныя удовольствія, все великолѣпіе этого міра сравнительно съ величайшимъ и нескончаемымъ блаженствомъ, которое ожидаетъ, послѣ кратковременнаго существованія въ настоящей жизни, человѣка, вѣрнаго закону Божію и требованіямъ Его Церкви?

Такъ объясняется великое число монашескихъ общинъ, стекавшихся подъ строгое управленіе монастырской жизни.

Непослѣдовательные католики не одобряютъ этого, подѣ тѣмъ предлогомъ, что монахи трудятся только для самихъ себя, отказываясь отъ своихъ обязанностей въ качествѣ отцовъ семействъ, гражданъ, членовъ общества.

Но не болѣе ли справедливо предпочитать вѣчность мимолетной настоящей жизни? Не болѣе ли достойно служить Богу, чѣмъ людямъ?

Надобно ли ради суетнаго осуществленія любви родительской, сыновней или патріотической подвергать опасности безконечное будущее? И могутъ ли сказать, что отреченіе отъ

всего, кромѣ Бога, есть эгоизмъ? Напротивъ, это самопожертвованіе превыше всѣхъ героическихъ жертвъ, прославляемыхъ исторіей; потому что оно должно простираться до презрѣнія къ самому себѣ и до желанія оставить эту жизнь, какъ можно скорѣе.

Тертуліанъ говоритъ: «Здѣсь, на земли, особенно важно для насъ то, чтобы оставить ее какъ можно скорѣе».

По ученію св. Кипріана, для христіанина нѣтъ ничего полезнѣе, какъ оставленіе этой печальной жизни; но увы! присовокупляетъ онъ, мы съ большимъ удовольствіемъ слушаемъ язычника Ювенала:

Orandum est ut sit mens sana in corpore sano.

(Надобно просить Боговъ, чтобы здравый умъ пребывалъ въ здоровомъ тѣлѣ).

И въ самомъ дѣлѣ, всѣ молящіеся преимущественно просятъ у Бога благъ земныхъ, здоровья, дѣтей, успѣха въ предпріятіяхъ, всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые современемъ они потеряютъ, но не спасенія.

Пріймите и пр.

Отвѣтное письмо о. Владимира Гетте.

Милостивый Государь,

Въ вашемъ пятомъ письмѣ вы, сколько возможно болѣе, унижаете разумъ и возвышаете вѣру.

Въ этомъ двойномъ отношеніи вы согласны съ Церковію ультромонтанскою, которая стала теперь Церковію римскою. Однакоже надобно сознаться, что даже въ Церкви римской вы встрѣтите многихъ людей, противорѣчащихъ вамъ. Ваша Церковь, которая столько тщеславится своимъ *единствомъ*, вовсе не есть *единая*, даже въ отношеніи къ вопросамъ, составляющимъ основу ея ученія. Большинство продолжаетъ говорить съ Людовикомъ Расиномъ:

La raison, dans mes vers, conduit l'homme à la foi.

(Разумъ, посредствомъ моихъ стиховъ, приводитъ чловѣка къ вѣрѣ).

Вы не желали бы, чтобы это было такъ. Въмѣсто того, чтобы признать разумъ путеводителемъ, дарованнымъ человѣку Богомъ для руководства въ дѣлѣ исканія истины, вы унижаете его, я уже не знаю, до какой-то второстепенной роли. ВѢра сіяетъ какъ солнце, говорите вы. Нельзя доказывать существованія свѣта при полномъ сіяніи солнца; бытіе этого свѣта не доказываютъ, его воспринимаютъ. Человѣкъ долженъ быть, съ точки зрѣнія откровеннаго ученія, *мертвымъ*; вы хотѣли бы, чтобы каждый вѣрующій былъ *мертвецомъ*, какъ этого требовалъ Францискъ Ассизскій; или *трупомъ*, какъ этого требовалъ Игнатій Лойола.

Я понимаю то, когда разумъ преклоняется предъ откровеніемъ, когда онъ принимаетъ откровенное ученіе; но скажите мнѣ, м. г., прежде этого принятія не долженъ ли онъ доказать, что это ученіе дѣйствительно есть откровенное ученіе, что оно происходитъ отъ Бога? Вы не хотите этого доказыванія и вы доходите до порицанія церковныхъ писателей, которые рѣшались подтверждать откровенное ученіе, т. е. устанавливали то, что Богъ говорилъ съ человѣчествомъ. Такимъ образомъ ваше письмо сводится къ слѣдующему положенію: каждый христіанинъ, то есть каждый крещенный человѣкъ получаетъ вѣру вмѣстѣ съ крещеніемъ; онъ долженъ закрыть глаза; долженъ принимать все то, что папа, органъ Божій, преподаетъ ему, какъ откровенное ученіе, и не долженъ позволять себѣ никакихъ разсужденій. Онъ долженъ совершить полное отреченіе отъ своего разума. Если бы онъ захотѣлъ пользоваться имъ для испытанія того или другого ученія; то онъ сдѣлался бы сектантомъ и не заслуживалъ бы уже названія христіанина.

Нельзя отвергать того, что вашъ образъ воззрѣнія находится въ полномъ согласіи съ современнымъ папистическимъ ученіемъ; но нельзя также отвергать и того, что онъ приводитъ къ скотоподобию (*abrutissant*) и антихристіанству; что онъ доказываетъ ложность вашей Церкви. Папизмъ есть не что иное, какъ примѣненіе іезуптизма къ христіанскому обществу. Папа, какъ и Лойола, желаетъ только имѣть *труны*; онъ хочетъ только командовать, а всѣ должны повиноваться ему безъ

всякихъ разсужденій; онъ есть земной Богъ и предъ его словомъ всякій разумъ долженъ уничтожиться.

Держаться подобныхъ воззрѣній, это значитъ оскорблять Бога, это значитъ отрицать христіанство такимъ, какимъ оно было преподаано Іисусомъ Христомъ, апостолами и всѣми великими христіанами первыхъ вѣковъ.

Если вы, м. г., хотите знать истину, то вы должны различать двѣ области въ отношеніи къ человѣческому разуму: область рациональную и область откровенную. Разумъ дарованъ человѣку для руководства въ дѣлѣ изысканія истинъ естественнаго порядка. Человѣкъ находитъ въ себѣ самомъ, *въ своей природѣ*, элементы этихъ истинъ. Отыскивая ихъ, онъ повинуется Богу и творитъ дѣло поистинѣ религиозное. Достигая предѣловъ природы, онъ встрѣчается съ неизмѣримою бездною, предъ которою онъ по необходимости останавливается, не находя въ природѣ никакого рѣшенія. Тогда онъ спрашиваетъ, не открылъ ли Богъ ученія, котораго человѣкъ не находитъ въ природѣ? Такимъ образомъ онъ переходитъ къ вопросу объ откровеніи, вопросу разрѣшаемому только при посредствѣ внѣшнихъ доказательствъ и историческихъ фактовъ; да и послѣ этого его пониманіе, его разумъ, руководятъ его въ дѣлѣ этого изысканія. Какъ только онъ убѣдится, что Богъ говорилъ, онъ долженъ еще изслѣдовать—какимъ образомъ Божественное слово дошло до него? Когда же онъ узнаетъ, что Богъ говорилъ нѣкогда и гдѣ находится Его истинное слово, только тогда онъ можетъ совершить свое разумное подчиненіе, можетъ принять откровенное ученіе, которое восполнитъ его естественное ученіе, и можетъ укрѣпить свой разумъ среди многочисленныхъ проблемъ, на которые разумъ не можетъ дать ему рѣшенія.

Такимъ образомъ вы видите, м. г., какимъ образомъ вѣра и разумъ согласуются другъ съ другомъ, и что нѣтъ необходимости, какъ это дѣлаете вы, унижать разумъ, подъ предлогомъ возвышенія вѣры, или создавать изъ вѣры теорію, которая является только оскорбленіемъ Бога и христіанства.

Вы признаете интеллектуальный трудъ, приводящій къ вѣрѣ, невозможнымъ для большей части человѣчества. Вы пра-

вы, и вотъ поэтому надобно создать разумную теорію, которая могла бы приводить къ вѣрѣ всѣхъ тѣхъ, которые не могутъ пользоваться своимъ разумомъ.

Представляются двѣ теоріи: ваша, дѣлающая изъ человечества идиотическую и невѣжественную массу, долженствующую уничтожить свой разумъ предъ человекомъ, котораго вы называете папою, и который имѣетъ право провозглашать человечеству свое слово, какъ изреченіе Божественной мудрости.

Другая теорія принадлежитъ Церкви православной, которая *предлагаетъ* человѣческому разуму ученіе, открытое съ самаго начала и переданное, какъ прекрасное наслѣдіе, изъ вѣка въ вѣкъ, безъ измѣненія, безъ всякихъ передѣлокъ.

По этой теоріи, христіанинъ самый неразвитый понимаетъ, что его разумъ уважаютъ; что онъ вѣруетъ тому, чему вѣрили его отцы; что онъ владѣетъ наслѣдіемъ, которое чтити во всѣ вѣка, какъ чтитъ онъ, и что при всемъ своемъ невѣжествѣ, онъ можетъ обладать разумною вѣрою.

Напротивъ того, кто живетъ подъ папскимъ режимомъ, тотъ знаетъ, что онъ вѣритъ слову человека, который можетъ измышлять (*fabriquer*) догматы и навязывать ему ученіе, какъ божественное, которое однакоже не имѣетъ ничего Божественнаго.

Въ Церкви православной вѣра согласуется съ разумомъ.

Въ Церкви папистической вѣра безразсудна.

Вотъ къ чему приводитъ хорошее или дурное употребленіе разума.

Шестое письмо католика.

Господинъ Редакторъ,

Вы отвѣтили на мои письма, которыя я адресовалъ вамъ касательно основъ католической вѣры. Теперь еще не время высказать вамъ, что я думаю о вашихъ отвѣтахъ. Безъ сомнѣнія, вы смотрите на меня, какъ на фанатика, который не отступаетъ отъ ученія Церкви, къ которой принадлежитъ. Въ этомъ вы не ошибаетесь. Тѣмъ не менѣе, я не допускаю, что-

бы у насъ все было прекрасно. Я докажу это въ настоящемъ письмѣ и въ слѣдующихъ, въ которыхъ я принимаю смѣлость высказать истину о нашихъ мнимыхъ католикахъ.

Творцы конституціонныхъ хартій полагаютъ, что даютъ католицизму много, когда громко провозглашаютъ его религіею большинства.

Но къ чему служить это провозглашеніе, если оно не освящено употребленіемъ власти, существенно принадлежащей именно Церкви, власти дѣйствовать именно на это большинство.

Назовете ли вы католиками тѣхъ, которые приняли крещеніе, совершили первое приобщеніе и остановились на этомъ?

Подведемъ счетъ. Во Франціи одна четверть народонаселенія состоитъ изъ религіозныхъ диссидентовъ, евреевъ, протестантовъ и другихъ; другая четверть состоитъ изъ невѣрующихъ, философовъ, индифферентистовъ; третья четверть католиковъ исполняетъ свои религіозныя обязанности, когда вздумаетъ, или по случаю большихъ торжествъ; и наконецъ четвертая часть состоитъ изъ истинныхъ католиковъ, точно исполняющихъ свои обязанности, а сколько и изъ этихъ послѣднихъ приближается иногда къ жертвеннику въ состояніи смертнаго грѣха!

Подведши такимъ образомъ счетъ, оказывается, что католицизмъ, въ отношеніи практическомъ, есть религія слабого меньшинства. Вотъ что невѣрующіе выставляютъ на показъ съ нѣкоторою видимою вѣроятностію, благодаря уменьшенію вліянія Церкви на общество, снисходительно предоставляемому ей конституціонными правительствами.

Въ сочиненіи подъ названіемъ: „*O religioznomъ sostojanii Франціи въ девятнадцатомъ столѣтіи*“ (*De l'État religieux de la France au dix-neuvième siècle*) сказано, что по приблизительнымъ вычисленіямъ, принятымъ министерствомъ исповѣданій, число приобщающихся католиковъ не превышаетъ восьми милліоновъ, что подтверждаетъ предшествующія вычисленія.

Монталамберъ говорилъ въ 1843 году, что истинный католицизмъ едва имѣетъ нѣсколькихъ представителей въ двухъ

палатахъ и что онъ находится въ меньшинствѣ въ избира-
тельномъ собраніи.

Такимъ образомъ слѣдующее выраженіе: „*Религія большинства*“ есть чисто фиктивное и не можетъ стать истиннымъ, если только не возвратятъ Церкви средствъ превратить его въ фактъ.

Многіе католики, люди свѣтскіе, воображаютъ, будто имѣ-
ютъ вѣру, такъ какъ они безъ изслѣдованій и безъ возраже-
ній принимаютъ всѣ наставленія откровенной религіи и подъ
этимъ предлогомъ освобождаютъ себя отъ всякой практики,
продолжая жить въ безопасномъ спокойствіи того мореплава-
теля, который надѣется всегда имѣть вѣрное средство при
опасности караблекрушенія. Да притомъ же, они представля-
ютъ безчисленные предлоги для извиненія своей недѣятель-
ности, каковы: занятія обременительными дѣлами, заботы о
семействѣ, обязанности гражданскія и пр.! Когда же можно
найти время для религіозной практики?

Они почтительно привѣтствуютъ священниковъ, неопустимъ
присутствуютъ при торжественныхъ богослуженіяхъ,
постятся въ страстную пятницу и слушаютъ мессу въ празд-
никъ Пасхи; затѣмъ уже думаютъ, что сдѣлали достаточно и
отдыхаютъ цѣлый годъ послѣ этихъ великихъ усилій.

Эта-то вѣра есть именно та, которую называютъ мертвою
вѣрою, потому что она не сопровождается дѣлами.

La foi qui n'agit pas est ce une foi sincere? (Racine).

(Вѣра бездѣйственная есть ли искренняя вѣра?)

То же самое происходитъ съ писателями и извѣстными пу-
блицистами, посвящающими свое перо на защиту собствен-
ности, религіи, семейства, отвергающими съ негодованіемъ
всякую попытку къ антикатолической реформѣ, произносящи-
ми съ трибуны, когда они стоятъ на ней, великолѣпныя за-
явленія о своей преданности Церкви, и полагающими, что они
исполнили долгъ религіозной совѣсти, когда появляются въ
храмахъ только въ торжественные праздники.

Я покажусь очень нескромнымъ предъ учеными профессио-
рами Сорбонны, предъ выдающимися критиками, которыхъ

краснорѣчивыя разглагольствованія наполняютъ колонны большихъ журналовъ и которые съ ревностію ратуютъ за религію, если я спрошу ихъ, сколько разъ въ году они присутствуютъ при литургіи. Они отвѣтятъ, что не обязаны давать мнѣ въ этомъ отчета; пусть будетъ такъ; но не обязаны ли они дать отчетъ Церкви, которой интересы, какъ они говорятъ, принимаютъ къ сердцу? Лицемеры, которые разсуждаютъ, какъ люди набожные, и живутъ, какъ индифферентисты!

Но во имя тѣхъ самыхъ религіозныхъ началъ, которыя они поддерживаютъ, я скажу имъ: никто не можетъ присвоить себѣ названія католика безъ исполненія самыхъ необходимыхъ обязанностей своей религіи, то есть, не исповѣдуясь, не приобщаясь и не наблюдая дней пощенія.

Соборъ Латеранскій палагаетъ обязанность ежегодно приобщаться подъ опасеніемъ лишенія христіанскаго погребенія. Сколь же многіе были бы лишены его теперь, если бы къ нимъ примѣнили этотъ законъ, строгій и однакоже согласный съ священнымъ преданіемъ!

Многіе люди вовсе не исполняютъ практическихъ требованій религіи; но имъ нравится, чтобы эти требованія исполнялись женщинами, дѣтьми и народомъ; они признаютъ эти требованія необходимою уздою для удержанія ихъ рукъ отъ дурныхъ дѣйствій: они говорятъ съ Вольтеромъ:

Si Dieu n'existait pas, il faudrait l'inventer.

(Если бы Богъ не существовалъ, то Его надобно было бы изобрѣсть).

Ахъ, господа! Если такъ, то лучше уже воздвигните алтарь на публичномъ мѣстѣ; положите на него плеть и мечъ и скажите глупой толпѣ: «преклонись, исправься, будь благоразумна и послушна, или же ты будешь наказана».

Непрерывно показывая народу орудія исправленія и наказанія, какъ нѣкогда для устрашенія злодѣевъ выставляли на видъ позорный столбъ и висѣлицу, вы скорѣе будете увѣрены въ подчиненіи народа, чѣмъ когда будете говорить ему о Богѣ отмстителѣ, котораго ни одинъ наглядный признакъ не показывается глазамъ народа, за исключеніемъ развѣ грома, ча-

сто къ тому же падающаго на Церкви, къ великой радости невѣрующихъ.

Божество *Обычая* тоже заслуживаетъ алтаря; потому что пменно это божество созываетъ въ Церковь индифферентистовъ. Когда ихъ спрашиваютъ, зачѣмъ они присутствуютъ при литургіяхъ, совершаемыхъ при бракосочетаніяхъ или погребеніи умершихъ, зачѣмъ они крестятъ и пріобщаютъ своихъ дѣтей, то они отвѣчаютъ: «таковъ обычай, надобно сообразоваться съ нимъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ, подъ опасеніемъ поколебать нравственность, которая имъ уславливается».

Такимъ образомъ, опасеніе быть наказаннымъ или обязанность поступать такъ, какъ поступаютъ другіе, вотъ два великіе двигателя того благочестія, которыми водятся католики нашихъ дней.

Можно ли также признать истинно благочестивыми этихъ женщинъ, которыя каждое воскресенье ходятъ къ обѣднѣ въ великолѣпныхъ нарядахъ, съ жеманствомъ выставляя, въ своихъ блестящихъ перчаткахъ, богатый молитвенникъ, переплетенный въ бархатъ, съ вызолоченымъ обрѣзомъ, украшенный золотыми зистежками и наугольниками.

Эти дамы почтительно преклоняются предъ алтаремъ, но онѣ не смиряются; онѣ бросаютъ бѣглый взглядъ на своихъ сосѣдокъ, чтобы смѣрить ихъ нарядъ и съ злорадствомъ замѣтить, не тотъ ли онъ самый, который они надѣвали въ прошлое воскресенье, — дабы вечеромъ позлословить надъ этимъ въ салонахъ?

Ахъ! если бы онѣ не побоялись вчитаться въ свою книгу, перелистывая ее, и если бы онѣ удостоили внимательно прочесть нѣсколько страницъ; то онѣ нашли бы въ ней слѣдующее наставленіе Іисуса Христа: «Хочешь быть совершеннымъ? Продай, что имѣешь, и раздай это бѣднымъ».

А въ такомъ случаѣ надобно было бы начать съ самой этой книги, которой богатый переплетъ противорѣчитъ этому наставленію въ отношеніи къ бѣднымъ людямъ.

Какія еще размышленія возбудили бы въ нихъ страницы, подобныя слѣдующей, содержащейся въ книгѣ: «*Благовремен-*

ное *divisio*» (*L'Acte de bon propos*): «Надобно болѣе заботиться о сердечномъ расположеніи, а не о естественной дружбѣ; надобно болѣе обращать вниманіе на свои мнѣнія, а не на свои выгоды; надобно быть болѣе чуткими въ отношеніи къ презрѣнію и пересудамъ людей, надобно заботиться объ уваженіи и внимательности со стороны ихъ».

Или вотъ еще: «Присутствовать при богослуженіи безъ должнаго благоговѣнія, намѣренно являться разсѣяннымъ, безъ всякой скромности, безъ внимательности, безъ уваженія, это значитъ снова подвергать поруганіямъ Голгоѳу и безчестить свою религію».

Вотъ что онѣ нашли бы въ этой книгѣ, изъ которой онѣ создаютъ себѣ предметъ роскоши, а не благочестія.

Наконецъ, когда онѣ появляются въ Церкви въ томъ же самомъ нарядѣ, въ которомъ выставляютъ себя на спектаклѣ или на балѣ, какимъ образомъ могутъ проявлять здѣсь чувства смиренія, самоотверженія, собранности, исключаяющія всякую внѣшнюю пышность? Имъ надобно тщательно позаботиться о томъ, чтобы богатая полнота этого толковаго платья равномерно ниспадала вокругъ колѣнъ; чтобы это кружево не принимало некрасивыхъ складокъ; чтобы ленты этихъ бѣлокурыхъ волосъ сохраняли симметрическую прическу; чтобы эти браслеты сіяли въ глазахъ изъ подъ вышитыхъ рукавичковъ... Какимъ же образомъ можно найти достаточно времени для молитвы?

Великолѣпіе первосвященническихъ одеждъ служить, быть можетъ, объясненіемъ, но не оправданіемъ подобной же роскоши со стороны вѣрующихъ.

На всемірной выставкѣ можно было видѣть нѣсколько большихъ витринъ, сіявшихъ предъ ослѣпленнымъ взоромъ великолѣпными архіепископскими одеждами, сотканными изъ золота и серебра, усѣянными драгоценными камнями, цѣною въ нѣсколько тысячъ франковъ; густая толпа народа окружала эти богатые одежды, которыя скорѣе походили на богатые наряды Перувіанскихъ Инковъ, чѣмъ на скромный хитонъ Іисуса Христа; невѣрующіе, улыбаясь спрашивали другъ друга, какимъ образомъ смиреніе, собранность, презрѣніе человѣческой

пышности могутъ проявляться въ нихъ и преклонять колѣна предъ крестомъ, безъ опасенія помять матерію?

Развѣ нельзя было избѣжать этихъ языческихъ выставокъ, заставлявшихъ лишь шептаться нечестивыхъ и нисколько не назидавшихъ вѣрныхъ? Священническія одежды, равно какъ и другіе священные предметы, должны сіять только въ храмахъ.

Многіе также лица жалуются на безчиніе этихъ частыхъ сборовъ подаяній, совершаемыхъ очень шумно въ срединѣ молитвъ и пѣснопѣній, заставляющихъ вѣрующихъ прерывать свои молитвы, перемѣщаться съ мѣста на мѣсто и заниматься предметами сторонними для богослуженій.

Арендная плата за мѣста въ храмахъ, безъ сомнѣнія, доставляетъ довольно хорошій доходъ, чтобы быть отмѣненной; однакоже нельзя ли найти иной способъ взиманія платы, который далъ бы возможность поступать менѣе неудобнымъ образомъ?

Надобно ли, чтобы протестанты подавали католикамъ примѣръ сборовъ безъ шума и молитвеннаго перерыва; ибо у нихъ нѣтъ опредѣленныхъ мѣстъ (chaises), нѣтъ сборовъ, а слѣдовательно и шума.

Еще большій соблазнъ производить допущеніе въ церквахъ, при годовичныхъ торжественныхъ праздникахъ, музыкантовъ и пѣвцовъ, приглашенныхъ изъ театровъ.

Какимъ образомъ этихъ людей, находящихся по суду Церкви въ состояніи отлученія и потому обязанныхъ стоять въ числѣ оглашенныхъ предъ дверями храма, находятъ однакоже очень пригодными для помѣщенія на хорахъ и для совершенія священнодѣйствій, когда они употребляютъ свои языческіе голоса при пѣніи божественныхъ пѣснопѣній?

Говорятъ: «это суть голоса и вещественные инструменты, принимаемые для сообщенія блеска религіозному великолѣпію».

Но при этомъ забываютъ о святотатственной разсѣянности, которую ихъ присутствіе возбуждаетъ во взорахъ и въ духѣ.

Не суть ли они тѣ самые артисты, которые въ эту же ночь привлекутъ толпу любонитныхъ, погрузятъ ее въ страстный экстазъ, и которые теперь даютъ возможность слышать тотъ же голосъ, при пѣніи псалмовъ?

Перемѣнилъ ли этотъ голосъ свой характеръ съ перемѣною мѣста?

Нѣтъ, но онъ сталъ еще болѣе звучнымъ; онъ разливается съ болѣе томною гармоніею подъ обширными сводами храма. Тѣ же самые слушатели ночныхъ пѣній, еще вполнѣ находящіеся подъ впечатлѣніями оперъ Обера и Галеви, приходятъ сюда слушать григоріанское пѣніе, передаваемое тѣми же самыми артистами, и при этомъ слушающіе наслаждаются страстностію другого рода; за тѣмъ отсюда они возвращаются домой, восхищаясь артистами и предаваясь восторгу отъ чуднаго акустическаго эффе́кта предоставляемаго церковнымъ жертвенникомъ громкому оперному оркестру.

И однакоже существуетъ преданіе, по которому слава воздаваемая человѣкомъ Божеству должна сопровождаться самымъ большимъ великолѣпіемъ, какимъ человѣкъ только можетъ располагать,—какъ возвращеніе Творцу того, что природа и искусство могутъ доставить наиболѣе блестящаго.

Если бы величіе и богатство Соломонова храма были не благоугодны Господу: то Онъ разрушилъ бы его громомъ вмѣсто того, чтобы посылать своихъ ангеловъ для совершенія въ немъ чудесъ.

Сообразно съ этимъ священнымъ преданіемъ, католическая Церковь, вдохновляемая Духомъ Св., устроляетъ свои храмы по образцовой архитектурѣ, посвящаетъ имъ изящнѣйшія произведенія скульптуры, орнаментаціи, живописи и музыки: «Ибо, говоритъ аббатъ Брольи, было бы безразсуднымъ, чтобы у народовъ богатыхъ и промышленныхъ храмы Господа были менѣе роскошны и менѣе украшены, чѣмъ палаты людей высокопоставленныхъ.

Храмъ св. Петра въ Римѣ, эта каѳедра католическаго міра, по художественному великолѣпію долженъ былъ превзойти все, что древность сохранила для насъ въ отношеніи къ великолѣпію храмовъ языческихъ и еврейскаго; всѣ же другіе каѳедральные соборы должны въ свою очередь принимать за образецъ римскій храмъ и подражать ему по мѣрѣ богатства каждаго города».

Такимъ образомъ чудеса искусства послужили средствомъ

сообщенія большого блеска поклоненію Іисуса Христа и преобразовали Его ясли въ палаты и музеи. Было время, когда для назиданія вѣрныхъ и въ подражаніе евреямъ, въ религіозныя церемоніи вторглись было танцы; но ими стали злоупотреблять, а это заставило Церковь рѣшительно запретить ихъ.

Многіе отцы Церкви, свидѣтели соблазнительной пышности язычества, признавали долгомъ своимъ порицать и запрещать все, что могло бы напомнить ее въ новомъ культѣ; Оригенъ порицаетъ тѣхъ, которые больше заботятся объ украшеніи церковей, чѣмъ о перемѣнѣ жизни; Тертуліанъ и св. Кипріанъ осуждаютъ женщинъ, которые въ щегольскихъ нарядахъ посѣщали храмы. Они рекомендуютъ имъ одинъ лишь приличный нарядъ. Что сказали бы они въ наше время?

Но послѣ того какъ язычество было низложено, его храмы и его великолѣпіе были усвоены новому культу, безъ опасенія впасть въ беспорядокъ; тогда-то и искусства были допущены въ религіозныя церемоніи для возвышенія ихъ блеска; народы, уже просвѣщенные христіанствомъ при посредствѣ устной проповѣди, видѣли теперь и глазами наставленіе, которое исходило отъ скульптуры и живописи, и по этому поводу св. Григорій говорилъ: «Живопись для необразованныхъ то же, что Писаніе для ученыхъ».

Надобно однакоже согласиться, что христіанство не имѣетъ надобности въ этихъ вспомогательныхъ средствахъ для своего распространенія, и эпохи самой горячей вѣры не были тѣ, когда искусства наиболѣе блистали въ храмахъ. Преимущественными украшеніями древнихъ храмовъ служили останки страдальцевъ и мучениковъ, нѣсколько несовершенныхъ изображеній скульптурныхъ или живописныхъ, наивные свидѣтельства вѣры, но никакъ не художественнаго таланта. Теперь все это совершается иначе; художники употребляютъ много геніальности для устроенія зданій скульптурныхъ и живописныхъ изображеній; но сознаются, что не вѣра, а именно искусство руководитъ ими; они воздвигаютъ изящныя базилики, поразительно рисуютъ библейскія сцены, скульптурно изсѣкаютъ граціозныхъ дѣвъ, съ такою же заботливостію, какъ строятъ театры, изображаютъ революціонныя сцены, или отливаютъ Венеръ; все это дѣлается какъ будто бы по приказу.

Даже во времена Тертуліана, въ третьемъ вѣкѣ, Іисусъ Христосъ былъ изображаемъ подъ образомъ добраго пастыря.

Этимъ изображеніемъ, а также изображеніями святыхъ вскорѣ покрыты были стѣны первыхъ храмовъ, а самыя изображенія сдѣлались составною частію богослуженія. Соборъ Тридентскій говоритъ, что въ храмахъ надобно сохранять изображенія Іисуса Христа, Пресвятой Дѣвы, святыхъ, и воздавать имъ честь и должное почитаніе не потому, говоритъ онъ, чтобы въ нихъ было нѣчто божественное или нѣкоторая сила, ради которой надобно было бы имъ поклоняться или чтобы надобно было у нихъ испрашивать что-либо, или возлагать на нихъ упованіе, какъ дѣлали это язычники въ отношеніи къ своимъ идоламъ; но потому что честь, воздаваемая имъ, относится къ лицамъ изображеннымъ на нихъ, такъ что цѣлуя ихъ, кланяясь имъ и простираясь предъ ними, мы чтимъ Іисуса Христа и почитаемъ святыхъ, которыхъ они служатъ образами.

ОТВѢТНОЕ ПИСЬМО О. ВЛАДИМИРА ГЕТТЕ.

Милостивый Государь,

Я соглашаюсь съ вами, когда вы говорите, что католики не составляютъ во Франціи большинства. Но я думаю, что предполагаемое вами меньшинство очень велико. Конечно, во Франціи не болѣе восьми милліоновъ *католиковъ приобщающихся*. Ихъ очень мало въ городахъ, а сельскіе жители все больше и больше подражаютъ городскимъ. Если изъ среды *приобщающихся католиковъ* вы выдѣлите лицемѣровъ, то можете съ Массиньономъ написать: «О, Боже! гдѣ Твои избранные и что остается отъ Твоего наслѣдія?»

Вы справедливо бичуете тѣхъ, которыя не вѣря ничему, хотятъ, однакоже, чтобы другіе вѣровали. Вы правы. Это лицемѣры, какъ вы называете ихъ откровенно.

Вы справедливо также порицаете дамъ, заявляющихъ притязаніе на набожность, но которыя приходятъ въ церковь только для того, чтобы выставить свой нарядъ и раскритиковать наряды другихъ. Эти женщины, называющія себя благо-

честивыми, отличаются только суетностію, гордостію, не принимая очень часто въ расчетъ... еще кое чего другого. Меня только удивляетъ, что вы не указываете первоначальнаго происхожденія этого ложнаго благочестія. Тѣмъ не менѣе вы знаете, что это дѣло казуистовъ, которые строго порицаютъ своихъ противниковъ и не стѣсняясь посылаютъ ихъ въ адъ, когда они оказываются не очень снисходительными къ ихъ кліенткамъ, особенно если эти кліентки принадлежатъ къ благородному сословію. Казуистъ это *подтѣмвливающий* римскую Церковь *черог*; благодаря ему, нѣтъ болѣе добродѣтели, нравственности. Ложное благочестіе, отлично поддерживаемое порокомъ и безнравственностію, заняло мѣсто истинно христіанскаго расположенія, среди даже тѣхъ, которые еще любятъ называться *людьми благочестивыми*. Святотатство властно царствуетъ въ той части вѣрующихъ, которую признаютъ частию самую святою въ Церкви. Не замѣтите ли вы мнѣ, что я разсуждаю, какъ янсенистъ? Я не думаю о янсенизмѣ; но я думаю о казуистахъ, которые изъ вѣроисповѣданія создали самую безнравственную практику.

Вы порицаете чудовищный обычай, принятый въ церквахъ при совершеніи музыкальныхъ мессъ, во время которыхъ театральные пѣвцы и оркестровые музыканты исполняютъ оперные отрывки, именуемые ихъ авторами *мессами*.

Вы правы, но вы не указываете первоначальнаго происхожденія этихъ злоупотребленій. Начало всего этого вы найдете въ самой вашей Церкви, которая во всѣ времена искажала литургію, которая, вопреки собственнымъ древнимъ постановленіямъ, допустила тихія мессы, которая въ свои пѣснопѣнія ввела инструментальную музыку, которая создала и узаконила множество злоупотребленій, закончившихся тѣмъ, что называютъ *музыкальною мессою*. Нельзя представить себѣ ничего болѣе соблазнительнаго подобной мессы. Толпа стекающаяся на нее, какъ на спектакль, не обращаетъ никакого вниманія на священника, который тихимъ голосомъ шепчетъ молитвы мессы, она увлекается только музыкою, и среди этой толпы можно встрѣтить *любителей*, или заявляющихъ притязаніе на подобное названіе, которые громкимъ голосомъ выра-

жають свое мнѣніе о такомъ или иномъ отрывкѣ, только что исполненномъ.

Всего этого не было бы, если бы каждая месса сопровождалась пѣніемъ безъ музыки; если бы существовало только литургійное пѣніе, соотвѣтственное молитвамъ священника. Именно это существовало нѣкогда въ Церкви римской; именно это существуетъ еще и теперь въ Церквахъ восточныхъ, которыя не знаютъ музыкальныхъ мессъ, и которыя исключительно сохранили только литургійное пѣніе.

Я могъ бы и еще сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно вопросовъ, затронутыхъ въ вашемъ письмѣ; но полагаю, что я представилъ вамъ главнѣйшія. Этого достаточно.

И—нъ

(Продолженіе будетъ).

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Іоаннъ Г. Фрихъ Юнгъ ¹⁾, получившій впоследствии прозвание Штиллинга, родился 12 сентября 1740 г., въ глухой вѣмецкой деревушкѣ Грундъ, въ княжествѣ Нассау-Зингенскомъ. Грундъ лежала въ очаровательной мѣстности, въ глубокой лѣсной долинкѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ высокими

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 18.

1) Входя въ вѣкоторыя біографическія подробности о Ю. Штилингѣ, считаю своимъ долгомъ замѣтить, что подробности эти отнюдь не могутъ считаться лишними, или неимѣющими прямого отношенія къ главной темѣ нашего изслѣдованія. Если почти всѣ историкѣ приписываютъ такое выдающееся значеніе вліянію Криденеръ на религиозное развитіе Александра и на возникновеніе священнаго союза, и если тѣ же историкѣ согласны между собою, что идеи и все направленіе Криденеръ не имѣли въ сущности ничего самостоятельнаго, а были цѣликомъ заимствованы отъ Ю. Штилинга, то отсюда вытекаетъ само собою, какое значеніе должна имѣть для изслѣдователя занимающаго насъ вопроса жизнь Ю. Штилинга, ибо его ученіе, или лучше сказать, его религиозныя идеи были прямымъ и непосредственнымъ результатомъ его жизненнаго опыта, и могутъ быть оцѣнены только въ связи съ нимъ. Матеріалами для біографіи Ю. Штилинга должны служить его собственныя сочиненія, изданныя въ 1841—42 гг. подъ заглавіемъ Jung Stilling's Werke, 12 томовъ. Далѣе должны быть принимаемы въ соображеніе: Lebensgeschichte J. Stilling's (автобіографія) съ предисловіемъ Капфа: 1857 (важнѣйшій источникъ); лекція Фроммеля о Ю. Штилингѣ, помещенная въ журналѣ Grenzboten за 1858; Leben von Vincke, Бодельшвинга 1858 г., и въ особенности, Pете, Dichtung und Wahrheit. См. также жизнеописаніе Ю. Штилинга въ Allgemeine Deutsche Biographie, т. 14-й, стр. 697 и слѣдующія.

горами, унизанными развалинами средневѣковыхъ замковъ и монастырей. Тихая, величественная природа, богатая историческія воспоминанія окружали колыбель Юнга, съ первыхъ моментовъ сознанія обнаружили сильнѣйшее вліяніе на его мягкую и воспріимчивую душу. Многочисленный родъ Юнговъ искони жилъ въ Грундѣ и его окрестностяхъ. То были люди простые, патріархальныя, почти никогда не покидавшіе своей родины, добывавшіе себѣ хлѣбъ тяжелымъ трудомъ, по ремеслу угольщики, дровосѣки, рудокопы. Новыя вѣянія времени не проникали въ эти забытыя лѣсныя долины. Юнги, равно какъ и всѣ ихъ сосѣди, были люди вѣрующіе, глубоко религіозныя, но въ то же время предприимчивыя, и нерѣдко одаренныя отъ природы большими способностями. Особенно въ родѣ Юнговъ даровитость и изобрѣтательность были явленіями далеко не рѣдкими. Одинъ изъ нихъ Г. Юнгъ, родившійся въ 1711 г. былъ замѣчательный математикъ и механикъ и притомъ самоучка. Еще будучи мальчикомъ, онъ сдѣлалъ изъ деревянной тарелки астролябію, а изъ буковой маляницы компасъ. Сдѣлавшись сельскимъ учителемъ, онъ занимался, безъ всякой посторонней помощи, изготовленіемъ механическихъ и астрономическихъ инструментовъ. Впослѣдствіи, онъ сумѣлъ примѣнить свои знанія на горныхъ заводахъ и достигъ, наконецъ, почетной и выдающейся должности оберъ-бергмейстера. Его сынъ, ровесникъ занимающаго насъ Штиллинга, отличался также своими математическими способностями; подобно отцу, онъ также достигъ должности оберъ-бергмейстера и занималъ въ княжеской комиссіи, завѣдывавшей рудниками и горными заводами, видное мѣсто.

Дѣдъ нашего Штиллинга, Эбергартъ Юнгъ, былъ также человекъ далеко не дюжинный. Честный, неутомимый труженикъ, благочестивый, простой, онъ выдавался впрочемъ не столько своими способностями и знаніями, сколько силою своего характера. Далекое не въ него пошелъ сынъ его Вильгельмъ, отецъ нашего Штиллинга. Слабый, болѣзненный горбачъ, не особенно способный и при томъ раздражительно-нервный, онъ добывалъ себѣ хлѣбъ то въ качествѣ сельскаго

учителя, то портного, то, наконецъ, землемѣра. Его первая жена Доротея, урожденная Фишеръ, дочь какого-то изгнаннаго проповѣдника, представляла рѣзкую противоположность своему мужу. То была нѣжная, глубоко-набожная женщина, натура мягкая, мечтательная. Съ покорностью несла она свой тяжелый крестъ; небо, а не земля была ея настоящая родина. Туда, къ Небесному Отцу стремилась она всѣми силами своей души. Единственное существо, привязывавшее ее къ жизни, былъ ея единственный сынъ, Іоаннъ Генрихъ. Она разсталась съ нимъ навсегда, для лучшей жизни, въ то время, когда ему исполнилось всего лишь два года отъ роду, но она передала всецѣло своему сыну и свою мечтательную, воспримчивую натуру, и свое мягкое, любящее сердце. Юнгъ росъ безъ своей матери подъ надзоромъ своего взбалмошнаго и подчасъ суроваго отца. Онъ былъ живой, бойкій мальчикъ, способный и на проказы, но въ то же время мечтательный и чувствительный. Суровая, неприглядная домашняя обстановка начала тяготить его уже съ первыхъ моментовъ сознательной жизни. Онъ бѣжалъ отъ людей къ природѣ, а природа открыла ему доступъ въ сверхъчувственный міръ. Образъ матери, извѣстный ему лишь съ чужихъ словъ, занялъ вскорѣ главное мѣсто въ его воображеніи. Усопшая сдѣлалась его идеаломъ, олицетвореніемъ всѣхъ добродѣтелей, и прежде всего самоотверженной любви и безпредѣльной покорности неисповѣдливой волѣ Небеснаго Отца. Юнгъ создалъ себѣ цѣлый фантастическій міръ, а постоянное одиночество среди величавой природы придавало этому міру своеобразный печально-таинственный оттѣнокъ. Онъ избѣгалъ отцовскаго дома и проводилъ цѣлые дни и недѣли въ лѣсу у своего дѣда угольщика. Тутъ онъ помогать выжигать уголь, а еще болѣе мечталъ и работалъ надъ сооруженіемъ своего внутренняго, фантастическаго мірка. Развалины сосѣднихъ замковъ и церкви св. Антонія, привлекавшей когда-то массы пилигримовъ, манили его не только своею фантастическою внѣшностью, но и еще болѣе тѣми безчисленными сагами, которые ходили о нихъ у сосѣднихъ поселянъ. По цѣлымъ часамъ сидѣлъ онъ среди этихъ развалинъ, предавался своимъ думамъ и зачитывался та-

кими произведеніями, какъ сказанія о дѣтяхъ Гаймона, о прекрасной Мелюзинѣ, объ Азіатской Банизѣ. Но любимымъ его чтеніемъ сдѣлалась уже въ это время біблія. Онъ зналъ ее почти наизусть и чувство безпредѣльной, безотчетной вѣры и любви къ Творцу овладѣло уже тогда всецѣло его дѣтскою душою.

Жажда знанія проявлялась въ немъ съ теченіемъ времени все съ большею и большею силою. На десятомъ году отецъ отдалъ его въ латинскую школу въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Гильшенбахѣ. Своимъ прилежаніемъ и любознательностію онъ обратилъ здѣсь на себя вниманіе ректора, и тотъ позволилъ ему пользоваться своею бібліотекою. Латынь далась ему очень легко. Уже черезъ два года онъ не только свободно читалъ и понималъ «латинскія исторіи», но уже выучился писать и говорить по латыни. Исторія и математика были также его любимыми предметами, и онъ пріобрѣлъ въ нихъ довольно обширныя познанія. Любимѣйшимъ предметомъ чтенія и изученія оставалась для него, однакоже, книга книгъ. Его біблейскія познанія произвели такое сильное впечатлѣніе на мѣстнаго пастора Зельбаха, что онъ назначилъ его на мѣсто школьнаго учителя, какъ только ему исполнилось 15 лѣтъ отъ роду. Школа, въ которую попалъ Юнгъ, находилась въ деревнѣ Люцель, какъ разъ въ той романтической долинѣ, гдѣ жилъ и работалъ его дѣдъ угольщикъ, гдѣ протекли мечтательные годы его дѣтства. Тутъ онъ могъ свободно предаваться своимъ думамъ, въ любимой обстановкѣ, въ свободное отъ школьныхъ занятій время. Здѣсь же случай свелъ его близко съ какимъ-то старымъ лѣсничимъ, человѣкомъ образованнымъ, и не дюжиннымъ. Лѣсничій былъ, по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, сепаратистъ и мистикъ и пришелся, какъ нельзя болѣе, по душѣ молодому Юнгу. У него была небольшая бібліотека и между его книгами попался въ руки Юнгу переводъ Иліады Гомера. Съ жаромъ ухватился онъ за эту книгу и за ея чтеніемъ онъ забывалъ все остальное. «Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Иліада», писалъ онъ впоследствии въ своихъ воспоминаніяхъ, «никто навѣрное не читалъ ее съ такимъ восторгомъ и съ такимъ чувствомъ, какъ

я». Но на ряду съ Гомеромъ его увлекали и другія книги, найденныя имъ въ библіотекѣ стараго лѣсничаго. Онъ читалъ сочиненія Парацельза, а глубокомысленныя и нерѣдко темныя творенія знаменитаго мистика XVI столѣтія, Якова Бѣма, укрѣпляли его еще болѣе въ его религіозно-мистическихъ убѣжденіяхъ. Уже въ этотъ ранній періодъ его жизни развились въ немъ та непоколебимая вѣра въ Бога и то твердое убѣжденіе въ возможности непосредственнаго, духовнаго единенія съ Нимъ, которая сдѣлалась навсегда незыблемымъ основаніемъ его міровоззрѣнія, которая помогла ему перенести впослѣдствіи самыя тяжелыя жизненныя испытанія. Уже тогда привыкъ онъ искать просвѣтленія, спасенія и помощи въ молитвѣ; уже тогда выработалось въ немъ убѣжденіе, что Небесный Отецъ неустанно печется о благѣ и спасеніи Своихъ дѣтей, что Онъ блюдетъ за каждымъ ихъ шагомъ, что Его помощь всегда близка, что она поспѣваетъ именно въ тѣ моменты земнаго существованія, когда исчерпываются, повидимому, всѣ исходы и возможности, и когда человѣкъ, погрязшій въ суетѣ и невѣріи, склоненъ впасть въ отчаяніе. А молодой Юнгъ нерѣдко попадалъ именно въ такое положеніе.

Его испытанія начались очень рано, можно сказать, съ первыхъ шаговъ на жизненномъ пути. Недолго пришлось ему занимать мѣсто школьнаго учителя въ родномъ Люцелѣ. Какъ ни добросовѣстно работалъ оно въ своей школѣ, какъ ни велики были успѣхи, дѣлаемые его учениками, однакоже, пасторъ Зельбахъ, принадлежавшій къ строго ортодоксальному направленію, и заклятый врагъ всякихъ мистиковъ, началъ относиться съ недовѣріемъ и подозрительностью къ молодому учителю. Ему не нравились связи Юнга съ сепаратистами, онъ не могъ переварить его чисто-сердечнаго мистическаго отношенія ко всѣмъ религіознымъ вопросамъ, и не думая долго, онъ отказалъ отъ мѣста своему бывшему любимцу.

Не легко было юному энтузіасту разстаться съ пришедшею ему по душѣ дѣятельностью и промѣнять сравнительно свободную обстановку на тяжелыя условія, ожидавшія его подъ родительскимъ кровомъ. Здѣсь некогда было заниматься любимыми книгами. Тутъ охватила его сразу пошлая, буд-

ничная проза жизни. Онъ долженъ былъ взяться за иглу и помогать отцу въ его портняжномъ ремеслѣ. Спустя немного времени, отецъ его вступилъ во второй бракъ съ молодою вдовою и нашему Юнгу пришлось удалиться изъ родительскаго дома. Онъ думалъ примѣнить къ дѣлу свои механическія познанія и способности и поступилъ на фабрику стальныхъ издѣлій въ Плеттенбергѣ. Его хозяинъ оказался, однакоже, человѣкомъ крайне грубымъ, несправедливымъ и жестокимъ. Онъ смотрѣлъ на бѣднаго Юнга какъ на простаго работника и наконецъ избилъ его за какую-то неважную провинность. Тогда Юнгъ принужденъ былъ опять возвратиться къ отцу; съ тяжелымъ сердцемъ принялся онъ вновь за ненавистное ремесло и помогалъ кромѣ того отцу въ домашнихъ и полевыхъ работахъ. Онъ трудился изо всѣхъ силъ, но душа его изнывала подъ тяжестью грубаго матеріальнаго труда. Онъ рвался изъ этой жизни, по цѣлымъ ночамъ онъ молился и плакалъ, и какой-то тайный голосъ говорилъ ему, что помощь близка и что часъ избавленія его настанетъ скоро. И дѣйствительно, уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ получилъ неожиданно приглашеніе отъ пастора Гебеля, своего дальняго родственника съ материнской стороны, занять мѣсто школьнаго учителя въ Дрейсбахѣ. Юнгъ поспѣшилъ съ восторгомъ на зовъ. Съ ревностью принялся онъ за исполненіе любимой обязанности и за свое дальнѣйшее образованіе. Въ Дрейсбахѣ онъ занялся съ увлеченіемъ философіею Вольфа, но и тутъ ему не суждено было оставаться долго. Казалось, какой-то злой рокъ шель по пятамъ за нимъ и безжалостно разрушалъ всѣ его надежды. Его мистическое направленіе, его своеобразное школьное обученіе не понравились вліятельнымъ обывателямъ, и по совѣту самого пастора, онъ долженъ былъ сложить съ себя въ скоромъ времени должность учителя. Онъ возвратился домой, и отецъ встрѣтилъ его горькими упреками. Юнгъ отвѣчалъ печально: «Было бы ужасно, если бы Богъ вложилъ мнѣ въ душу влеченія и склонности, а его Провидѣніе навсегда отказало бы мнѣ въ ихъ удовлетвореніи». Но и теперь онъ былъ далекъ отъ отчаянія; по прежнему продолжалъ онъ молиться и надѣять-

ся. Отецъ относился къ нему все хуже и хуже, и наконецъ дѣло дошло до открытаго разрыва между ними.

«Однажды», рассказываетъ Юнгъ въ своей автобіографіи: «Штиллингъ возвратился домой съ работы въ сосѣдней деревнѣ и, не имѣя никакихъ дурныхъ мыслей, вошелъ въ комнату. Едва только увидѣлъ его отецъ, какъ вскочилъ съ мѣста, бросился на него и пытался свалить его на землю. Но Штиллингъ схватилъ своего отца, держалъ его такъ крѣпко, что онъ не могъ пошевелинуться и смотрѣлъ на него съ такимъ выраженіемъ, отъ котораго могъ бы треснуть даже утесъ. И дѣйствительно, если когда-либо, то именно въ этотъ моментъ, вся тяжесть страданій обрушилась съ страшною силою на его сердце. Вильгельмъ не въ состояніи былъ перенести этотъ взглядъ, онъ пытался вырваться изъ рукъ сына, но Штиллингъ держалъ его въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ. «Отецъ», сказалъ онъ кроткимъ, но внушительнымъ голосомъ, «ваша кровь и кровь блаженнаго ангела течетъ въ моихъ жилахъ,—не доводите меня до изступленія! Я люблю, я почитаю васъ, «но», при этомъ словѣ онъ пустилъ отца, бросился къ окну и крикнулъ дикимъ голосомъ, «я буду вопить и вопить такъ, что земля поколеблется на своей оси и задрожать звѣзды!» Но вдругъ онъ затихъ, приблизился къ отцу и сказалъ ему кроткимъ голосомъ: «отецъ, что я сдѣлалъ тебѣ, въ чемъ согрѣшилъ я передъ тобою?» Вильгельмъ не отвѣчалъ, онъ закрылъ лицо руками и рыдалъ, а Генрихъ отошелъ въ уголъ и завопилъ громко».

Понятно, что послѣ этой сцены Генрихъ не могъ оставаться далѣе подъ родительскою кровлею. Онъ примирился съ отцомъ, испросилъ его благословеніе, попрощался съ своею старою, слѣпою бабушкою и съ своими родными горами и пустился въ путь въ качествѣ странствующаго портного. Съ четырьмя талерами въ карманѣ, и съ багажемъ, состоявшимъ изъ трехъ сорочекъ, пары старыхъ чулокъ, ножницъ и наперстка, направился онъ черезъ Зигенъ и Эльбефельдъ, въ Золингенъ. Здѣсь ему удалось пріютиться у стараго, честнаго мастера и онъ принялся усердно за работу. Но въ то время, какъ рука его была за иглою, голова его работала надъ

высшими вопросами бытія, а сердце его было переполнено любовью къ Создателю.

Въ Золингенѣ онъ попалъ въ кружокъ піетистовъ, послѣдователей Шленера и Терстегена. Подъ ихъ вліяніемъ, его религіозное чувство укрѣпилось и развилось еще болѣе, и что самое важное, оно приняло чисто мистическій характеръ. Для него настала пора вдохновенія и восторженнаго экстаза. Наставали моменты, когда казалось, что небо разверзлось передъ его внутренними очами, когда ему казалось, что онъ бесѣдуетъ съ самимъ Богомъ, что онъ заключаетъ съ Нимъ свой личный завѣтъ и отдается всецѣло Его благому, всевидящему Промыслу. Все, что случилось съ нимъ до сихъ поръ, казалось ему лишь испытаніемъ, очищеніемъ его внутренняго существа и подготовленіемъ къ лучшей жизни. Надежда на полное и совершенное избавленіе отъ оковъ, связывавшихъ полетъ его души, мѣшавшихъ его самоусовершенствованію, возрасла въ немъ теперь до твердой увѣренности. Онъ ожидалъ полнаго поворота въ своей жизни и поворотъ этотъ не замедлилъ наступить.

Послѣ нѣкоторыхъ странствованій и неудачныхъ попытокъ найти себѣ подходящее занятіе, Юнгу удалось, наконецъ, поступить на службу къ богатому купцу и землевладѣльцу, Флендеру. Новый его хозяинъ оказался въ высшей степени гуманнымъ и высокоразвитымъ. Онъ сразу замѣтилъ и оцѣнилъ выдающіяся способности Юнга и взялъ его подъ свое особое покровительство. Онъ не только далъ возможность Юнгу ознакомиться основательно съ торговыми, промышленными дѣлами и съ раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ, но и предоставилъ ему время и досугъ для дальнѣйшаго образованія. Юнгъ нашелъ себѣ средства и учителей для изученія греческаго, еврейскаго и французскаго языковъ. Его громадный лингвистическій талантъ, его изумительная способность усваивать себѣ въ самое короткое время чужіе языки, обнаружались при этомъ во всемъ блескѣ. Но онъ не ограничивался одними языками; на ряду съ ними онъ продолжалъ изучать логику и метафизику, и неумоимо изучалъ сочиненія Вольфа и Лейбница. Его хозяинъ посоветовалъ ему за-

няться медициною, и онъ усмотрѣлъ въ этомъ совѣтѣ указаніе свыше. Съ жаромъ занялся онъ изученіемъ естественныхъ наукъ. Во время поѣздки на родину, онъ познакомился съ католическимъ священникомъ Молиторомъ, пользовавшимся среди окрестнаго населенія, репутаціею искуснаго глазнаго врача. Уже послѣ первой бесѣды, Молиторъ полюбилъ восторженнаго, набожнаго юношу и тотчасъ же посвятилъ его во всѣ тайны своего врачебнаго искусства. Благочестивый старецъ отпустилъ Юнга со словами: «Господь, святой, вездѣсущій, да создастъ изъ васъ лучшаго человѣка, совершеннаго христіанина и хорошаго врача». Испытавъ на практикѣ рецепты Молитора и убѣдившись въ ихъ пользѣ, Юнгъ рѣшился отправиться въ Страсбургъ и поступилъ тамъ на медицинскій факультетъ (1770 г.). Передъ отъѣздомъ, онъ обручился съ Христиною Гейдеръ, слабою, болѣзненною дѣвушкою, не изъ плотскихъ побужденій, а по указанію свыше, какъ говорилъ онъ впоследствии самъ.

Въ Страсбургѣ Юнгу посчастливилось во всѣхъ отношеніяхъ. Ему удалось найти средства къ жизни и сойтись близко съ такими выдающимися людьми, какъ Гердеръ и Гете. Съ восторгомъ говорилъ онъ впоследствии объ этихъ геніяхъ; въ общеніи съ ними для него открылся новый міръ. «У Гердера», писалъ онъ тогда, «есть только одна мысль, но эта мысль вмѣщаетъ въ себѣ весь міръ». Съ своей стороны Юнгъ произвелъ сильное впечатлѣніе на своихъ новыхъ знакомцевъ. Его старое, изношенное платье, его грубоватыя манеры, его застѣнчивость, не помѣшали геніальному Гете заглянуть въ глубину его души и оцѣнить, по достоинству, его самобытную, даровитую натуру и его чистый, возвышенный характеръ. Гете тотчасъ же замѣтилъ, что подъ грубою оболочкою скрывалась тутъ безконечно нѣжная, истинно добрая душа. «Его фізіономія выразительная и пріятная», говоритъ Гете, «нисколько не обезображивалась парикомъ, который онъ носилъ по тогдашней модѣ. Его кроткій, нѣжный голосъ принималъ благозвучный и сильный оттѣнокъ, когда онъ говорилъ съ увлеченіемъ, а это случалось съ нимъ очень нерѣдко. Онъ обладалъ здравымъ, свѣтлымъ умомъ, но этотъ умъ опирался

у него на чувство, а отсюда проистекало его увлеченіе склонностями и страстями, но въ то же время его энтузіазмъ ко всему доброму, истинному, справедливому. Основнымъ элементомъ его энергіи была непоколебимая вѣра въ Бога и въ непосредственно исходящую отъ Него помощь. Онъ былъ твердо убѣжденъ, что Богъ неустанио печется о немъ, что Онъ спасаетъ и спасетъ его отъ всякой нужды и отъ всякаго зла. Это убѣжденіе создано въ немъ путемъ всей его жизни. И здѣсь, въ Страсбургѣ, онъ жилъ, какъ истинный христіанинъ. Его матеріальное положеніе было далеко не обезпечено, онъ жилъ изо дня въ день, но при всемъ томъ, онъ былъ всегда веселъ, беззаботенъ, трудолюбивъ и умѣренъ во всемъ. Онъ разсказалъ мнѣ всю свою жизнь и я уговорилъ его составить свою автобіографію. Ничто не поражало въ немъ такъ, какъ его вѣра. Эта вѣра не терпѣла никакихъ сомнѣній, а его убѣжденіе никакихъ насмѣшекъ¹⁾.

Тогда медицинскій курсъ ученія продолжался не такъ долго, какъ въ наши времена. Уже въ 1772 г., черезъ два года послѣ своего прибытія въ Страсбургъ, Юнгъ получилъ и степень доктора и право медицинской практики. Онъ покинулъ Страсбургъ не только съ солидными спеціальными познаніями, но и съ значительно расширеннымъ общимъ образованіемъ. Здѣсь изучилъ онъ между прочимъ англійскій языкъ и открылъ себѣ тѣмъ доступъ къ новымъ литературнымъ сокровищамъ. Въ Страсбургѣ же началъ онъ писать свою автобіографію и вѣроятно окончилъ ее въ скоромъ времени. Юнгъ поселился въ Эльберфельдѣ, онъ женился и открылъ медицинскую практику. Все, повидимому, начало улыбаться ему въ жизни. Онъ сошелся близко съ такими выдающимися свѣтилами тогдашняго литературнаго міра Германіи, какъ: Лафаретъ и братья Якоби, а въ іюлѣ 1774 г. его посѣтилъ Гете. Великій поэтъ, умѣвшій войти въ каждую,

¹⁾ См. Гете, *Dichtung und Wahrheit*, кн. IX, стр. 362 и слѣдующія, изданіе К. Тѣдеке.

повидимому, совершенно далекую и чуждую ему индивидуальность, очаровалъ на этотъ разъ окончательно Юнга, и разставаясь съ нимъ, взялъ съ собою законченную рукопись его автобіографіи. Между тѣмъ нужда начала стучаться въ двери къ неутомимому труженику. Его медицинская практика шла въ разрѣзъ съ его широкою благотворительностью и не могла поэтому доставить ему необходимыхъ средствъ къ жизни. Онъ отдавалъ одною рукою то, что получалъ другою. Онъ не только лѣчилъ бесплатно, но и помогалъ выше силъ своихъ бѣднымъ больнымъ. Вскорѣ средства его истощились и онъ вынужденъ былъ войти въ долги. Къ матеріальной нуждѣ присоединились нравственныя страданія. Его старые друзья, піетисты, относились къ нему съ завистью и недоброжелательствомъ. Юнгъ и молодая жена его страдали по временамъ невыносимо, но твердая вѣра въ Бога и надежда на Его скорую помощь не покидали ихъ ни на минуту. День и ночь призывали Юнга со слезами помощь свыше, и помощь явилась въ тотъ моментъ, когда нужда достигла высшей степени. Супруги были на молитвѣ, когда въ комнату вошелъ почталіонъ и вручилъ Юнгу тяжелый пакетъ съ 150 золотыми рейхсталерами. Адресъ былъ написанъ рукою Гете. Поэтъ напечаталъ безъ вѣдома автора его автобіографію и выслалъ теперь ему гонораръ. То былъ рѣшающій моментъ въ жизни Юнга. Его книга сразу завоевала себѣ выдающееся мѣсто въ литературѣ. Она вызвала восторженное одобреніе во всѣхъ сферахъ общества. Самъ не сознавая того, повѣствуя только правду, только испытанное и пережитое, Юнгъ создалъ въ ней настоящій перлъ народной поэзіи. Юнгъ выступилъ въ своей автобіографіи подъ именемъ Штиллинга; онъ назвалъ себя такъ, какъ члена той тихой христіанской общины, которой присвоено было въ свѣтѣ полунасмѣшливое, полупрезрительное названіе «піетистовъ». Но теперь имя это приобрѣло чисто индивидуальный характеръ и заставило совершенно забыть настоящую родословную фамилію нашего героя.

Помощь оказанная Гете, неожиданный успѣхъ автобіогра-

фіи, не могли, однакоже, избавить Ю. Штиллинга отъ новой нужды и отъ новыхъ испытаній. Разочаровавшись окончательно въ своихъ прежнихъ друзьяхъ, пietetистахъ, онъ оставилъ Эльберфельдъ, и переселился въ Кайзерслаутернъ, гдѣ возникло въ это время общество камеральныхъ наукъ, превратившееся въ скоромъ времени въ академію. Штилингъ, занимавшійся уже въ Страсбургѣ экономическими вопросами и обнародовавшій уже тогда трактатъ по части лѣсного хозяйства, успѣлъ получить здѣсь мѣсто профессора и по своему обычаю занялся съ увлеченіемъ новымъ дѣломъ. Онъ усвоилъ себѣ вполне экономическія воззрѣнія Адама Смита, но старался провести и въ этой сферѣ свою религіозную точку зрѣнія. И въ области чисто матеріальныхъ интересовъ, тамъ гдѣ другіе умы усматривали лишь одну борьбу, онъ видѣлъ смягчающую и направляющую все къ конечной, благой цѣли, руку Творца. А между тѣмъ рука эта продолжала испытывать страдальца и тѣмъ самымъ очищать и возвышать его нравственное существо. Его матеріальное положеніе оставалось, по прежнему, шаткимъ. Долги росли, и къ довершенію несчастія, скончалась его жена, оставивъ послѣ себя двухъ малолѣтнихъ дѣтей. Положеніе Штилинга было безвыходное. Обремененный многочисленными занятіями, онъ не могъ удѣлять достаточно времени для дѣтей, и они должны были расти безъ всякаго призора. Тогда Штилингъ рѣшился вступить во второй бракъ и его выборъ былъ на этотъ разъ чрезвычайно удаченъ. Его вторая жена, Сельма Флорентинъ была не только умная и задушевная женщина, но и превосходная хозяйка. Она сумѣла завести порядокъ и строй въ семьѣ и при ея поддержкѣ Штилингъ могъ начать новую жизнь. Его общественное и служебное положеніе приобрѣло около этого же времени болѣе прочный характеръ. Въ 1784 г. онъ перешелъ на профессуру камеральныхъ наукъ въ Гейдельбергъ, а черезъ три года занялъ такое же мѣсто въ Тюбингенскомъ университетѣ. Здѣсь въ веселомъ, маленькомъ городкѣ, въ кругу любимой семьи, среди излюбленныхъ занятій, онъ чувствовалъ себя привольнѣе, нежели гдѣ-либо.

Онъ взялъ къ себѣ въ домъ своего престарѣлаго, болѣзненнаго отца, и его жена ухаживала за старикомъ съ истинно христіанскимъ самоотверженіемъ. Его ученая извѣстность привлекала къ нему отовсюду слушателей, и въ числѣ его студентовъ были не только лица изъ самыхъ знатныхъ фамилій, но и многіе, пріобрѣтшіе себѣ потомъ почетную извѣстность въ качествѣ выдающихся общественныхъ дѣятелей.

Но счастье Штиллинга было непродолжительно и на этотъ разъ. Уже въ 1789 г. скончалась его обожаемая Сельма и только твердая вѣра въ Божественное Провидѣніе спасла его отъ конечнаго отчаянія. Но и самой вѣрѣ его, недоступной до сихъ поръ никакимъ колебаніямъ и сомнѣніямъ, начала грозить въ это же время страшная опасность. Его философскія занятія не остались безъ вліянія на его внутреннѣйшія и святѣйшія убѣжденія. Изучая философскія системы Вольфа и Лейбница, онъ, самъ не замѣчая того, попалъ въ «тяжелый плѣнъ детерминизма». Ядъ сомнѣнія закрался въ его душу. Тщетно пытался изгнать онъ его молитвою. Къ ужасу своему, онъ замѣчалъ, что онъ не въ состояніи молиться и чувство отчаянія, до сихъ поръ невѣдомое ему, овладѣвало имъ съ неодолимою силою. Трудно сказать, чѣмъ окончилась бы эта страшная, внутренняя борьба, если бы Провидѣніе не подало и на этотъ разъ Штиллингу свою спасающую десницу. Именно въ это время явилась въ свѣтъ «Критика чистаго разума» Канта. Чтеніе этой книги раскрыло глаза Штиллингу. Онъ вынесъ изъ нея убѣжденіе, что человѣческій разумъ способенъ постигать лишь то, что лежитъ въ сферѣ его пониманія. Но какъ скоро разумъ выходитъ изъ этой области, обращается къ міру сверхчувственному и начинаетъ судить о немъ на основаніи своихъ собственныхъ принциповъ, онъ тотчасъ же и неизбежно наталкивается на противорѣчія, или выражаясь словами Апостола Павла: «человѣкъ естественный не постигаетъ дѣлъ, исходящихъ изъ духа Божія; они кажутся ему безуміемъ». Штилингу не могъ успокоиться, однакоже, на этомъ столь утѣшительномъ для него положеніи. Онъ рѣшился повергнуть свои сомнѣнія на судъ самого великаго фило-

софа и лично обратился къ Канту съ обширнымъ посланіемъ. Отвѣтъ Кенигсбергскаго мудреца окончательно успокоилъ Штиллинга и помогъ ему возвратиться всецѣло на прежнюю точку зрѣнія. «Вы поступаете хорошо и правильно», писалъ ему между прочимъ Кантъ, «если ищете утѣшенія единственно въ Евангеліи, ибо оно есть единственный неизсякаемый источникъ всякой истины, и разумъ измѣривъ все свое поприще, нигдѣ не въ состояніи найти иного».

Авторитетъ Канта и его сердечное отношеніе къ Штиллингу являются, можно сказать, послѣднимъ рѣшительнымъ моментомъ и въ жизни Штиллинга, и въ исторіи его внутренняго духовнаго развитія. Гармонія и миръ его души, разстроенные на время наплывомъ сомнѣній, устанавливаются теперь вновь и навсегда. вмѣстѣ съ сомнѣніями прерываются и тяжелыя жизненныя испытанія. Провидѣніе вводитъ Штиллинга въ тихое пристанище и даетъ ему возможность предаться всецѣло своимъ любимымъ занятіямъ и высокимъ истинно-христіанскимъ влеченіямъ своей души. Внѣшнее положеніе Штиллинга упрочилось въ это время окончательно. Онъ приобрѣлъ громкую репутацію не только какъ профессоръ, но и какъ глазной врачъ. Онъ былъ назначенъ проректоромъ университета и пользовался большою популярностью среди всей ученой корпораціи. Только въ семьѣ его господствовалъ настоящій хаосъ. Самъ Штиллингъ былъ плохой хозяинъ, а частыя поѣздки, предпринимаемыя имъ въ качествѣ практикующаго врача, не давали ему возможности обращать должное вниманіе ни на домашнія дѣла, вообще, ни на воспитаніе своихъ пятерыхъ дѣтей. Тогда Штиллингъ вспомнилъ, что его Сельма совѣтовала ему, на смертномъ одрѣ, вступить въ третій бракъ и указывала ему какъ на его будущую жену, на свою подругу, Елизу Коингъ. Штиллингъ рѣшился теперь послѣдовать этому совѣту и на 51 году жизни женился на указанной ему Сельмою дѣвицѣ. Этотъ послѣдній бракъ былъ едва ли не самымъ счастливымъ. Въ Элизѣ Коингъ Штиллингъ обрѣлъ не только душевную подругу, но и спутницу одинаково вѣрную какъ въ жизни, такъ

и въ смерти. Она казалась ему идеаломъ женственности, онъ называлъ ее вѣнцомъ всѣхъ женщинъ.

Тихо и мирно потекла теперь жизнь Штиллинга. Не покидая своихъ экономическихъ и медицинскихъ занятій, онъ пришелъ теперь, однакоже, къ убѣжденію, что его истинное призваніе должно заключаться въ неуклонномъ и неуставномъ служеніи Христу Спасителю. Первоначально онъ былъ пѣтистомъ, затѣмъ превратился въ мистика, теперь онъ вступилъ въ третію фазу своего внутренняго развитія, въ фазу спиритуализма. Вопросъ объ участи безсмертной души за предѣлами земной жизни сдѣлался главнымъ предметомъ его мышленія. Онъ создалъ себѣ особую теорію по этому вопросу, теорію отличавшуюся не столько философскимъ, сколько идеаль-но-фантастическимъ характеромъ. Онъ полагалъ, что души усопшихъ витаютъ въ особомъ царствѣ духовъ, что въ этомъ царствѣ нѣтъ самыхъ основныхъ элементовъ земного существованія, нѣтъ даже пространства, и что именно здѣсь въ этомъ непостижимомъ для человѣческаго ума мірѣ, ожидаютъ онъ рѣшенія своей участи.

Само собою понятно, что это странное ученіе Штиллинга подверглось рѣзкому осужденію со стороны ортодоксальной теологіи и вызвало противъ него цѣлую бурю опроверженій и насмѣшекъ. Но Штилингъ, глубоко убѣжденный въ основательности своихъ мнѣній, ни мало не смутился посыпавшимися на него со всѣхъ сторонъ нападками, и неуклонно продолжалъ идти по разѣ открытому имъ пути. За «Сценами изъ царства духовъ», гдѣ онъ впервые высказалъ свои оригинальные взгляды, послѣдовало его «Духовидѣніе», въ которомъ онъ старался придать своей теоріи болѣе научное, философское основаніе. Понятно, что и этотъ трактатъ былъ встрѣченъ богословскою и философскою критикою крайне недружелюбно. Зато другой трудъ Штиллинга, его «Тоска по родннѣ», гдѣ онъ излагалъ въ чисто популярной формѣ свои воззрѣнія на жизнь, на отношенія человѣка къ Богу и ближнему, гдѣ онъ училъ, что человѣкъ долженъ бѣжать отъ мірской суеты и господствующаго нечестія во внутренній міръ

своей души, что онъ долженъ жить въ Богѣ и для Бога, былъ написанъ съ такимъ теплымъ чувствомъ, съ такою силою внутренняго религіознаго убѣжденія, и въ такой изящной поэтической формѣ, что вызвалъ всеобщее сочувствіе и одобреніе. Эта книга проложила себѣ путь повсюду, начиная отъ царскихъ дворцовъ и оканчивая хижинами нищеты, она была переведена на всѣ европійскіе языки, она повела къ возникновенію Штиллинговскихъ общинъ во всѣхъ христіанскихъ странахъ.

Штилингъ проповѣдывалъ, впрочемъ, свою религію сердца не одними только книгами и брошюрами, но прежде и больше всего своимъ словомъ. Путешествуя то въ качествѣ врача, то миссіонера, онъ приносилъ повсюду не только тѣлесное излеченіе, но и врачеваніе духовное. Въ тысячахъ посѣщаемыхъ имъ семействъ онъ являлся возвѣстителемъ Христа и Его всеобъемлющей, всепрощающей любви. Личное знакомство съ курфюрстомъ Баденскимъ, Карломъ Фридрихомъ, человѣкомъ глубоко религіознымъ, дало ему полную возможность отдаться всецѣло дѣлу христіанской миссіи. По собственнымъ словамъ Штилинга, курфюрсть освободилъ его отъ всѣхъ другихъ обязанностей и поручилъ ему заботиться исключительно, путемъ письменной переписки, литературныхъ изданій и личной проповѣди, о развитіи и поддержаніи религіи и практическаго христіанства, и Штилингъ неутомимо и до конца жизни своей работалъ на указанномъ ему поприщѣ. Широкая благотворительность, издержки по дѣлу миссіи (одна переписка по почтѣ стоила ему ежегодно тысячу гульденовъ), содержаніе многочисленной семьи, истощали нерѣдко всѣ его средства и ставили въ положенія критическія, но какъ настоящій христіанинъ, какъ человѣкъ не отъ міра сего, онъ никогда не падалъ духомъ и не мучилъ себя заботами о завтрашнемъ днѣ. Онъ жилъ скорѣе въ сверхчувственномъ, а не въ земномъ мірѣ, и вѣра въ непосредственное участіе высшихъ духовныхъ силъ въ жизни человѣческой, была однимъ изъ крѣпчайшихъ пунктовъ его религіознаго убѣжденія.

Многія и притомъ важнѣйшія черты въ религіозномъ міросозерцаніи Штиллинга, развились подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ той страшной эпохи, которую пришлось ему пережить въ лучшіе годы своей жизни. Ужасы французской революціи, кровавое владычество Наполеона, всеобщее нравственное разложеніе, исчезновеніе всѣхъ добродѣтелей, торжество грубой силы, оргіи тирани, безпутства и нравственнаго уничтоженія, приводили въ отчаяніе всѣхъ лучшихъ людей тогдашняго вѣка. У однихъ являлось непреодолимое желаніе бѣжать отъ этого погибающаго, разлагающагося міра, тогда какъ у другихъ, умовъ болѣе сильныхъ, естественно возникалъ вопросъ: какъ и чѣмъ можно спасти общество? И повсюду, люди самыхъ разнообразныхъ направленій и характеровъ, приходили къ одному и тому же отвѣту на этотъ вопросъ: нѣтъ иного спасенія, кромѣ пробужденія и углубленія религіознаго сознанія, кромѣ распространенія царства Божія на землѣ.

Штиллингъ съ своею нѣжною и любящею душею принималъ болѣе нежели кто-либо къ сердцу страданія современнаго ему человѣчества. День и ночь скорбѣлъ онъ о бѣдствіяхъ своихъ собратій, и основной, первоначальный источникъ всѣхъ золъ, страданій и извращенія не остался сокрытымъ для него. Онъ усматривалъ этотъ источникъ въ повсемѣстномъ паденіи вѣры, въ преобладаніи матеріалистическихъ воззрѣній и грубаго раціонализма, въ религіозномъ и философскомъ индифферентизмѣ, въ нетерпимости и враждѣ между различными исповѣданіями. Религія сердца, возвѣщаемая имъ, должна была, по его глубокому убѣжденію, поставить надежныя преграды распространенію пагубныхъ мнѣній и страстей; она должна была закрыть источникъ нечестія, безбожія и безнравственности. Торжество этой религіи должно было наступить, когда настанетъ моментъ великаго испытанія. Только посредствомъ этого испытанія будетъ восстановлено единство ученія, вѣры и духа въ церкви Христовой. Тогда не станутъ спрашивать никого, къ какой сектѣ принадлежитъ онъ, католикъ ли онъ, лютеранинъ, реформатъ, геренгутерь, мен-

понить, ибо любовь соединить тогда всѣхъ связью совершенства, и горячая любовь къ Богу, подобная небесному огню, сольетъ всѣхъ въ одно вѣчное единство. Тогда будетъ лишь одна христіанская община».

И великій часъ испытанія наступилъ. Представитель насилія, безбожія, зла повелъ свои безчисленные легіоны въ Россію, но вся его мощь распалась въ прахъ предъ несокрушимымъ поборникомъ Провидѣнія, возставшимъ въ лицѣ Александра. И еще разъ напрягаетъ міръ зла и нечестія всѣ свои силы. Новыя безчисленныя полчища собираются подъ знаменами тирана, и еще разъ возгорается борьба между царствомъ свѣта и царства тьмы. Но вокругъ Александра собираются всѣ народы Европы. Могущественнѣйшій государь міра католическаго и первый властитель міра протестантскаго вступаютъ въ братскій союзъ съ Александромъ, представителемъ міра православнаго. Предъ ихъ соединенными силами рушится владычество Наполеона, царство нечестія, злобы, невѣрія. Ихъ торжество есть вмѣстѣ съ тѣмъ и торжество истинной вѣры. «Чей образъ долженъ стоять», восклицаетъ Штиллингъ, «передъ глазами каждаго христіанина, какъ не образъ Александра Освободителя, но онъ долженъ стоять какъ знаменіе божественной любви и божественнаго состраданія. Не долженъ ли испытывать каждый человѣкъ, а тѣмъ болѣе христіанинъ, при первомъ взглядѣ на это выразительное и прекрасное лицо, чувство живѣйшей и сердечнѣйшей благодарности къ Господу, пославшему сіе великое и избранное свое орудіе? При каждомъ созерцаніи портрета Александра, нашъ внутренній взоръ долженъ обращаться къ Тому, Которому одному приписываетъ Александръ побѣду, и приписываетъ не одними только словами, но и священнѣйшимъ ненарушимѣйшимъ намѣреніемъ посвятить служенію Господа всю свою дальнѣйшую жизнь»¹⁾.

Эти слова вылились изъ подъ пера Штиллинга, послѣ то-

¹⁾ См. Taschenbuch für Freunde des Christenthum's von J. Stilling, за 1814 г., стр. 3.

го великаго момента въ его жизни, когда ему пришлось предстать самому передъ лицо благословеннаго освободителя Европы, но еще ранѣе судьба свела его съ тою женщиною, которой приписываютъ такое вліяніе на императора Александра. Посмотримъ же, кто такая была Криденеръ, что могло сблизить ее съ Штилингомъ и что заимствовала она отъ него.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

МУЗЕЙ И БИБЛИОТЕКА ЛАГИДОВЪ

ВЪ АЛЕКСАНДРИИ.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Періодъ македонскихъ завоеваній составляетъ поворотный пунктъ, съ котораго исторія Греціи вступаетъ на совершенно новый путь. Какъ внѣшнія, политическія отношенія, такъ и весь внутренній строй жизни, нравственное и религиозное міросозерцаніе, бытъ, искусство и литература, характеризующіе время діадховъ и эпигоновъ, стоятъ въ рѣзкой, коренной противоположности съ общимъ направленіемъ греческой культуры временъ независимаго существованія. Въ Греціи и Македоніи возрастающее вліяніе реторскихъ школъ и ихъ методовъ, ограниченіе гимнастики и агонистики, расширеніе элементарнаго преподаванія предметами грамматики, реторики, діалектики, геометріи и музыки, введеніе учебниковъ для школьнаго употребленія представляютъ существеннѣйшіе признаки реформы древней простой *системы воспитанія*, стремившейся только къ тому, чтобы гармонически развить природныя силы и дарованія человѣка. Въ области *религии* разложеніе прадѣдовскихъ вѣрованій, начавшееся уже послѣ персидскихъ войнъ, теперь достигло крайней степени. Изъ сферы образованныхъ классовъ критика религиозныхъ представленій, сомнѣніе и индифферентизмъ стали проникать въ низшіе слои народа. Религія и культъ сдѣлались предметомъ ученыхъ занятій и риторическихъ упражненій. Дельфійскій оракулъ окон-

чательно потерялъ свое нравственно-политическое значеніе и едва влечлъ существованіе. *Искусство* отъ воплощенія возвышенныхъ идеаловъ перешло къ служенію низшимъ инстинктамъ толпы, чувственности и тщеславію магватовъ. При постоянной перемѣнѣ правителей и образовъ правленія, при возрастающемъ разнообразіи потребностей, стремленій и идеаловъ, *литература* утратила прежній характеръ единства и строгой выдержанности. Писатели, поддаваясь заманчивымъ обѣщаніямъ покровительства и милости, стали вести скитальческую жизнь, переходя изъ одного города въ другой, отъ одного государя къ другому. Аѳины, правда, въ силу традиціи, продолжали еще привлекать лучшія силы, но творческая производительность здѣсь изсякла и уступила мѣсто кропотливой учености. Завоевательные походы Александра открыли путь къ изученію далекаго востока, и такимъ образомъ кругъ явленій и фактовъ, доступныхъ наблюденію изслѣдователей, расширился. Разумѣется, сношенія между Греціею и востокомъ существовали и прежде, но они никогда не достигали ни такихъ размѣровъ, ни такой степени глубины и разносторонности, какъ теперь. Персидскія войны, экспедиція десяти тысячъ, походы Агесилая лишь нѣсколько ближе познакомили грековъ съ міромъ варварскимъ, но они не были въ состояніи привести Европу в Азію къ живому взаимодѣйствію, — они не могли перебросить мостъ черезъ Архипелагъ, служившій долго неприступною гранью между эллинами съ одной стороны и варварами съ другой. Въ средѣ грековъ интересъ къ древнимъ цивилизаціямъ востока то пробуждался, то снова померкалъ. Торговя связи и путешествія любознательныхъ туристовъ подготовляли почву для широкаго обмѣна идей, поприщемъ для котораго долженствовало со временемъ сдѣлаться Средиземье, но не были способны непосредственно вызвать этотъ обмѣнъ. Геній Александра разрѣшилъ великую историческую задачу. Онъ сдѣлалъ плоды эллинской культуры достояніемъ востока и положилъ начало тому единенію между Элладаю и остальнымъ цивилизованнымъ міромъ, которое довершалъ Римъ, сумѣвшій при помощи общаго для всѣхъ подвластныхъ ему странъ права и общей администраціи связать разрозненные народы древности въ одно государственное тѣло.

Съ покореніемъ востока явилось въ Греціи естественное стремленіе изслѣдовать исторію и политическое устройство, обычаи и языки, страну и памятники покоренныхъ народовъ. На основаніи добытыхъ результатовъ географія и хронологія, математика и астрономія, медицина и естествовѣдѣніе поднялись на степень самостоятельныхъ областей знанія. Насталъ подлинно *вѣкъ науки*, когда потребность образованія и духовнаго общенія, быть можетъ, стала сознаваться въ обществѣ еще глубже, чѣмъ прежде. Самая литература явилась выраженіемъ этой потребности и, отвѣчая на запросы времени, получила характерный отпечатокъ тяжеловѣсной полимагіи, причемъ форма заняла вполнѣ подчиненное положеніе, такъ какъ интересъ матеріальный совершенно заглушилъ всякія художественныя требованія. Анекдотисты, рассказчики, эпитоматоры, тератологи наводнили книжный рынокъ. На подкладкѣ фактическихъ данныхъ начали соиздаться романическія фабулы, пріобрѣтающія съ этихъ поръ все болѣе и болѣе благосклонность публики. *Исторіографія* соотвѣтственно съ этимъ усвоила себѣ нѣсколько вычурный риторическій тонъ и обогатилась образцами эпидиктическаго стиля. *Краснорѣчіе* пало съ той высоты, на которую оно было вознесено великими аттическими ораторами, и мало-по-малу замкнулось въ тѣсныя рамки адвокатуры и школьной реторики. Съ тѣхъ поръ, какъ свобода Греціи была уничтожена и интересъ къ политикѣ и дѣламъ государственнымъ въ обществѣ окончательно ослабѣлъ, ораторское искусство утратило, естественно, почву для самостоятельнаго развитія и стало по большей части изучаться лишь какъ средство пріобрѣтенія стилистическаго навыка, — другими словами, какъ пропедевтика къ занятіямъ исторіографіей или философіей. Что же касается этой послѣдней, то въ ея области также произошелъ переворотъ. Практическій духъ эпохи сильно отразился на характерѣ *философскихъ ученій*, останавливающихся теперь съ особеннымъ предпочтеніемъ на вопросахъ морали и опирающихся на реальные данныя непосредственнаго внѣшняго и внутренняго опыта. Философія, какъ и краснорѣчіе, въ связи съ общимъ разложеніемъ греческой государственной жизни и эманци-

паціей личности, лишилась прежней возвышенности, утратила прежнюю глубину и, отрѣшившись отъ трансцендентальности Платона, усвоила себѣ эмпиризмъ Аристотеля, сосредоточиваясь при этомъ въ предѣлахъ узкаго субъективизма и стараясь прежде всего объ удовлетвореніи этическихъ запросовъ человѣка. Ея основною задачею стало не постиженіе сущаго во всѣхъ его проявленіяхъ и въ самомъ себѣ, а установленіе извѣстныхъ нормъ поведенія, коимъ должна слѣдовать личность въ видахъ достиженія возможнаго счастья. Это *счастіе личности* сдѣлалось главнымъ объектомъ философствованія всѣхъ опредѣлившихся послѣ Аристотеля школъ и направлений, и такое настроеніе философской мысли, быть можетъ, представляетъ самую характерную черту наступившей по смерти Александра исторической эпохи, самое яркое знаменіе времени.

Собственно съ утратою политической независимости производительная сила греческаго духа отжила свой вѣкъ. Наставшая пора характеризуется уже стремленіемъ къ *репродукціи*, къ *воспроизведенію въ новыхъ формахъ и комбинаціяхъ* всего, что было унаслѣдовано въ области духовной дѣятельности отъ прежнихъ вѣковъ и поколѣній,—и это стремленіе замѣтно повсюду. Источники живого вдохновенія изсякли, воображеніе притупилось, пылъ поэтическаго одушевленія погасъ, идеальная сфера казалась исчерпанною, и не оставалось ничего болѣе, какъ изучать недосыгаемо-великіе памятники старины и подражать имъ. Поэты III-го столѣтія, съ Каллимахомъ во главѣ, усвоиваютъ, себѣ архаическую манеру и пытаются воскресить отжившія и забытыя поэтическія формы. Архитекторы и скульпторы повторяютъ старыя мотивы и не идутъ дальше бездушныхъ и пышныхъ декорацій, ремесленно выполняемыхъ по заказамъ богачей. Грамматики и антикваріи собираютъ древнія рукописи и предпринимаютъ цѣлый рядъ библиографическихъ и историко-культурныхъ изысканій. Мнѳографы стараются спасти отъ забвенія мѣстныя саги, преданія, легенды и проч. Словомъ, разгорается *интересъ къ минувшему*, и все, что отмѣчено печатью древности, привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе.

И дѣйствительно, наибольшая заслуга ученыхъ дѣятелей александрійской эпохи состоитъ въ сохраненіи и распространеніи свѣдѣній о греческой старинѣ, въ кропотливомъ собираніи и ревностномъ изученіи памятниковъ классической литературы и греческаго искусства. И въ дѣлѣ этомъ принимали живое участіе не только одни ученые, но и просвѣщенные правители возникшихъ послѣ Александра В. государствъ, сумѣвшіе сгруппировать вокругъ себя лучшія силы греческой науки. Такимъ образомъ на пути благороднаго соревнованія создалось нѣсколько весьма важныхъ центровъ учено-литературной дѣятельности.

Первое мѣсто среди этихъ центровъ занимаетъ *Александрія*, которая сдѣлавшись резиденціей Птолемеевъ, быстро процвѣтала, благодаря обширной торговлѣ, мудрому управленію и выгодному географическому положенію въ средоточіи трехъ частей свѣта. Ея менѣе счастливымъ соперникомъ былъ *Пергамъ*, гдѣ властвовали Атталиды, раздѣлявшіе съ Птолемееми любовь къ наукѣ, искусству и литературѣ. За Александрією и Пергамомъ тянулись и другіе богатые города, — *Тарсзъ*, славный своими философами и энциклопедистами, *Родосъ*, *Алабанда*, *Ниса*, — очаги «азіатскаго» краснорѣчія (*genus dicendi asianum*), и проч. Александрія, стяжавшая неувядаемую славу въ исторіи человѣческой культуры, какъ мѣсто, гдѣ возникъ музей и была составлена колоссальная бібліотека Лагидовъ, слила въ себѣ, какъ въ фокусѣ, все чѣмъ была богата умственная жизнь эллинскаго и эллинизованнаго общества въ третьемъ до-христіанскомъ столѣтіи. Всѣ греческія школы выслали сюда своихъ представителей, и нѣтъ такой отрасли человѣческаго вѣдѣнія, которая бы не обогатилась здѣсь многими цѣнными вкладами. Философія, математика, физика, медицина, исторія, географія, филологія, — всѣ эти науки и группы наукъ въ лицѣ своихъ корифеевъ нашли пріютъ въ стѣнахъ александрійскаго музея и пользовались тѣмъ необозримымъ аппаратомъ ученыхъ средствъ и пособій, который предоставлялся въ распоряженіе изслѣдователей въ различныхъ вспомогательныхъ учрежденіяхъ, присоединенныхъ къ музею предусмотрительностью его основателей. Прошли

вѣка, измѣнялись отношенія, пало великое политическое могущество города, но не померкъ ореоль, ослѣнявшій это дѣтище Александра, какъ самый главный разсадникъ эллиническаго просвѣщенія, и ничья святотатственная рука не дерзала посягнуть на его образовательные институты, просуществовавшіе болѣе шести столѣтій.

Въ настоящемъ очеркѣ мы намѣрены представить судьбу этихъ институтовъ, начиная со времени ихъ возникновенія и кончая тою порою, когда они совершенно утратили свой основной характеръ придворной академіи и сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ пенсіона или богадѣльни. Этотъ второй предѣлъ заключается между 146 и 47 гг. до Р. Х.,—годами, въ теченіе которыхъ выродился и вымеръ родъ Птолемеевъ и Египетъ окончательно подчинился римскому вліянію.

Александрійскій музей и всемірно знаменитая бібліотека Лагидовъ были такъ тѣсно связаны между собою, что невозможно говорить о первомъ, не касаясь вопроса о второй, и наоборотъ. Если мы даже согласимся не придавать никакого значенія,—на что, повидимому, имѣемъ полное право,—словамъ анонимнаго біографа Аполлонія родосскаго, позволяющимъ разсматривать бібліотеку, какъ *собственность* или *принадлежность* музея; если, далѣе, мы взвѣсимъ надлежащимъ образомъ то немаловажное обстоятельство, что и самыя сферы управленія обоими учрежденіями были совершенно различны, безусловно независимы одна отъ другой и подчинены разнымъ лицамъ,—то все же тысячи нитей связывали музей съ бібліотекою, тысячи отношеній возникали и непрерывно поддерживались между членами одного и распорядителями другой, и есть полное основаніе думать, что и съ самаго начала, по идеѣ учредителя, музей и бібліотека должны были быть частями одного организма, должны были содѣйствовать достиженію однѣхъ и тѣхъ же цѣлей.

Это были несомнѣнно цѣли столько же научныя, сколько и политическія ¹⁾. Онѣ соотвѣтствовали тѣмъ цѣлямъ, которыя пре-

¹⁾ Срв. Matter, Histoire de l'école d'Alexandrie. 2 éd. (1840). I, p. 68 сл.; Droysen, Geschichte des Hellenismus III, 1 (2 Aufl.), стр. 50. Напрасно Тюн-

слѣдовалъ Александръ Великій, когда онъ повсюду на побѣдоносномъ пути своемъ по отдаленнымъ странамъ востока основывалъ новые города и поселенія, долженствовавшіе стѣнъхъ поръ сдѣлаться проводниками эллинскихъ культурныхъ началъ въ средѣ народовъ варварскихъ. Музей представлялъ собою въ сущности учрежденіе въ такой же мѣрѣ интернаціональное, какъ и эти очаги эллинизма. Онъ призванъ былъ стать посредникомъ между наукою востока и запада. Подчиненный съ внѣшней стороны надзору лица, принадлежавшаго къ жреческой коллегіи, онъ, естественно, долженъ былъ напоминать египтянамъ жреческія школы ихъ отечества ¹⁾, тогда какъ грекъ въ академической свободѣ, царившей въ стѣнахъ этого заведенія, легко могъ узнать нравы аѳинскаго лица. По выраженію Филострата, это была трапеза, радушно призывавшая къ себѣ безъ различія всѣхъ людей, выдающих-

мысль (De arte Callimachi poetae, p. 27), *Энерг* (Revue des deux mondes, 1846, 1 févr.) и др. оспаривали эту мысль и старались доказать, что учредителемъ музея не руководили никакія иныя побужденія, кромѣ желанія затмить славу аттическихъ школъ блескомъ академіи александрійской. Если осуществленіе и не вполне соотвѣтствовало первоначальной идеѣ, то не слѣдуетъ забывать, что оно принадлежало уже не самому вчинателю.

¹⁾ *Couat* (La poésie alexandrine sous les trois premiers Ptolemées) говоритъ: «La direction du Musée était confiée, comme dans les musées de la Grèce, à un grand-prêtre». Это не совсѣмъ точно. Завѣдованіе музеемъ въ Александріи было присвоено высшему духовному сановнику, который именуется въ надписяхъ: «ἀρχιερεὺς Ἀλεξανδρείας καὶ Αἰγύπτου πάσης» (*Letronne Inscr. de l'Égypte I p. 279*) и главною функціею котораго было отправленіе вновь учрежденнаго культа Александра и Птолемеевъ, сопрячпленныхъ, по примѣру египетскихъ фараоновъ, къ лику боговъ. Онъ принадлежалъ къ числу такъ называемыхъ «σοῦρετεῖς», т. е. лицъ перваго ранга, и состоялъ въ званіи *эпистомографа*. Это была, стало быть, особа, занимавшая высокій оффиціальныи постъ. Ничего подобнаго невидимъ мы въ знаменитыхъ аѳинскихъ «музеяхъ», каковыми были напр. музей Платона и Теофраста (срв. Diog. Laërt. v. Spreusip. IV, с. I, 1; v. Theophr. V, с. II, 39). Отправленіе культа музъ въ этихъ святилищахъ науки отнюдь не требовало участія лицъ, облеченныхъ непременно жреческимъ саномъ; нѣтъ, — оно лежало на обязанности одного изъ членовъ учрежденія, по всей вѣроятности того, кто стоялъ во главѣ школы, подобно тому, какъ отправленіе культа семейнаго лежало на обязанности главы семейства. Срв. по этому поводу рассказъ Атеней о перипатетикѣ Лионѣ, XII, p. 546 d—f (также статью *Вилламовица* «Die rechtliche Stellung der Philosophenschulen» въ четвертомъ томѣ его «Philologische Untersuchungen», стр. 263 слз.)

ся своими дарованіями (Philostr. vita Dionysii). И какъ широкая научная и литературная дѣятельность немислима безъ соотвѣтствующаго учеваго аппарата, то необходимымъ дополненіемъ къ музею явилась богатѣйшая библіотека, въ которой наряду съ продуктами греческаго генія впервые нашли мѣсто и произведенія восточныхъ литературъ.

До сихъ поръ остается спорнымъ вопросъ, къ какому именно времени должно приурочить возникновеніе этихъ двухъ учреждений ¹⁾. Свидѣтельства нашихъ источниковъ, сюда относящіяся, темны и противорѣчивы. Не давая точныхъ, категорическихъ указаній, они оставляютъ широкое поле для догадокъ и предположеній. Такъ, по словамъ однихъ, истиннымъ основателемъ библіотеки и музея былъ Птолемей Сотеръ ²⁾. Другіе, напротивъ, отодвигаютъ ихъ возникновеніе къ 132 ол., т. е. къ послѣднимъ годамъ царствованія Филадельфа. На сторонѣ такой поздней даты стоитъ между прочимъ и Страбонъ, по свидѣтельству котораго знаменитое книгохранилище Птолемеевъ было обязано своимъ происхожденіемъ тому періоду, когда второй представитель этой династіи, уже удручаемый недугами старости, искалъ забвенія и утѣшенія въ занятіяхъ наукою и литературою ³⁾. Третьи наконецъ, приписывая основаніе библіотеки Филадельфу, приурочиваютъ однако его къ самому началу царствованія этого монарха, когда Деметрій фалерскій, вскорѣ подвергнувшійся опалѣ и изгнанію, находился еще въ Александріи и былъ въ силѣ при дворѣ ⁴⁾. Хронологическіе предѣлы, устанавливаемые всѣми этими разнообразными показаніями, обнимаютъ, стало быть, болѣе нежели полвѣка (305—246).

1) Что основаніе библіотеки и учрежденіе музея не были раздѣлены между собою большимъ промежуткомъ времени, что то и другое было задумано и выполнено одновременно,—въ этомъ всѣ изслѣдователи согласны.

2) Въ такомъ смыслѣ высказываются Плутархъ, Аристей, св. Иринея, Климентъ александрійскій, Θεοδωρ (Praef. in Psalm) и Свидя (s. v. Ζηρόδοτος).

3) Кромѣ Страбона слѣдуетъ назвать Синкелла, Юлія Африкана, Евтропія.

4) Сюда относятся Іоаннъ Тзетзъ и неизвѣстные авторы плавтинскаго схолія, открытаго Озанномъ, и фрагмента «Περὶ ζωγραφίας», найденнаго Крамеромъ.

Многое заставляетъ насъ склониться на сторону мнѣнія, приведеннаго подъ первую рубрикою. Что оба учрежденія возникли по почину перваго Птолемея, на это, мнѣ кажется, дано непререкаемое указаніе главнымъ образомъ въ тѣхъ текстахъ, которые сообщаютъ о прикосновенности къ дѣлу Деметрія фалерскаго. Заподозривать справедливость такого сообщенія мы не имѣемъ ровно никакого права; съ другой стороны думать, что Деметрій могъ дѣйствовать при Филадельфѣ, не позволяють тѣ обстоятельства, о которыхъ рассказываетъ Гермиппъ. Въ самомъ дѣлѣ, если дѣйствительно Деметрій при жизни Сотера интриговалъ противъ сына Береники и настаивалъ на томъ, чтобы престолъ фараоновъ былъ завѣщанъ сыновьямъ Эвридики, то Филадельфъ, хорошо объ этомъ знавшій, врядъ ли могъ долго сохранить за совѣтникомъ и другомъ своего отца его прежнее почетное и вліятельное положеніе и поручить ему дѣло, требовавшее многихъ лѣтъ спокойной и непрерывной работы. Напротивъ, преданіе говоритъ, что, лишь только умеръ Лагидъ, преемникъ его тотчасъ же отдалъ приказъ схватить его злополучнаго клеветника и отправить въ ссылку въ Верхній Египетъ, гдѣ тотъ уже въ 283 г. добровольно лишилъ себя жизни. Другимъ не менѣе краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ служить сказаніе о семидесяти толковникахъ, приписывающее инициативу перевода библіи на греческій языкъ все тому же Деметрію фалерскому. Допустимъ, что въ этомъ сказаніи переводъ еврейскихъ священныхъ книгъ смѣшивается съ основаніемъ библіотеки и музея; положимъ, что то и другое приурочивается въ немъ ко временамъ Филадельфа, когда Деметрія даже не было и въ живыхъ; положимъ, наконецъ, что самая достоверность сказанія оспаривается новѣйшею критикою, — все это такъ, но, какъ справедливо замѣчаетъ *М. Мейеръ*¹⁾, отчего же не другого кого, а именно Деметрія поставила тен.

¹⁾ *M. Meyer* Opuscc. academ. ed. a F. Eckstein et Fr. Haase. Vol. I, p. 79, n. 26: neque vero propterea quod narratio de origine illius interpretationis in numerum fabularum referenda est, credibile Demetrii nomen temere fictum esse; quidni aliud finxerunt, si Demetrii ne fuit quidem ea provincia?

денціозная традиція во главѣ предпріятія? Не говоритъ ли это до очевидности ясно въ пользу того, что аѳинскому изгнаннику принадлежала важная роль въ исторіи просвѣтительныхъ учрежденій Александріи? Не естественно ли предположить, что, переи́шавъ времена и измѣнивъ даже самыя обстоятельства, память народная сохранила однако въ неприкосновенности имя главнаго дѣйствующаго лица?

Но помимо этихъ есть еще и другія соображенія, въ силу которыхъ основателемъ музея и библіотеки долженъ былъ быть именно Сотеръ. Храбрый полководецъ, развившій свои военные таланты подъ знаменами Александра, тонкій политикъ, осторожный и благоразумный правитель, — Птолемей Сотеръ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и глубоко и всесторонне образованнымъ человѣкомъ. Онъ любилъ окружать себя учеными, поэтами и философами, гордился дружбою съ Зенодотомъ и Эвклидомъ, поддерживалъ дѣятельную переписку съ Теофрастомъ ¹⁾, снаряжалъ экспедиціи съ научными цѣлями и не безъ успѣха выступилъ наконецъ самъ на поприщѣ литературы съ *«Исторією Александра В.»*, — добросовѣстнымъ и дѣльнымъ трудомъ, выгодно отличавшимся отъ множества другихъ произведеній на ту же тему отсутствіемъ баснословія и романическихъ подробностей. Располагая громадными средствами и одушевленный любовью къ умственнымъ занятіямъ, онъ, естественно, могъ желать, чтобы Александрія обладала всѣми потребными для такихъ занятій внѣшними условіями и чтобы тѣ даровитые писатели, художники и мыслители, которыхъ привлекали къ его двору собственно лишь его личныя свойства, въ этихъ благопріятныхъ условіяхъ могли найти для себя и объективное побужденіе къ болѣе продолжительному пребыванію въ стѣнахъ новой столицы Египта. Птолемей Сотеръ хорошо сознавалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ оружіе македонянъ раздвинуло предѣлы Греціи на всю переднюю Азію и сѣверо-восточную Африку, Аѳины лишились своего значенія. Рѣдкія выгоды географическаго положенія въ самомъ центрѣ той обширной монархіи, которую Александръ

¹⁾ См. *Pauly's Realencyclopädie* VI, стр. 198 слл.

завѣщаль «достойнѣйшему», преимущества превосходнѣйшей морской станціи на пути торговыхъ сношеній Греціи съ варварскимъ востокомъ, внѣшняя безопасность отъ вражескихъ нападеній,—все это обезпечивало за Александріей право на первенство среди тѣхъ городовъ, которые теперь хотѣли соперничать съ Аѳинами и въ матеріальной силѣ, и въ богатствѣ духовной жизни. Ни Пелла, ни Аптіохія, ни Пергамъ, ни Апамея не могли равняться съ нею ни въ какомъ отношеніи. Городъ на Средиземномъ морѣ, при устьѣ Нила, у самага входа въ богатѣйшую нильскую долину, сразу ставшій громаднымъ складочнымъ пунктомъ, куда Аравія высылала свои пряности, Индія и Цейлонъ—свои драгоцѣнныя ткани, Африка—свое золото и слоновую кость, Испанія—свое серебро, Македонія—свой строевой лѣсъ, острова Архипелага—свое вино, материковая Греція—свои гончарныя издѣлія, маслины и оливковое масло, Кипръ—свою мѣдь и т. д.,—такой городъ, кишѣвшій разноплеменнымъ населеніемъ, не могъ не сдѣлаться средоточіемъ оживленныхъ культурныхъ вліяній между сталкивавшимися здѣсь націями и, стало быть, долженъ былъ представлять благодарную почву для самой широкой научной, литературной и художественной дѣятельности. Попытка создать здѣсь новыя Аѳины, которыя бы затмили своимъ блескомъ славу Аѳинъ Перикла, отнюдь не была безразсуднымъ предпріятіемъ: могучая сила вещей благопріятствовала планамъ Птолемеевъ, а будущее до извѣстной степени оправдало ихъ ожиданія.

Можно думать, что мысль о музеѣ и библіотекѣ зародилась въ головѣ Сотера прежде, нежели онъ сошелся съ Деметріемъ фалерскимъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что только съ переселеніемъ этого послѣдняго изъ Аѳинъ въ Александрію она созрѣла, окрѣпла и стала близиться къ осуществленію. Ко времени этого переселенія во внѣшней политикѣ Египта наступило затишье. Въ 294 г., съ восшествіемъ Деметрія Поліоркета на македонскій престолъ, окончилась многолѣтняя кровопролитная борьба діадоховъ изъ-за наслѣдія Александра, и если спустя шесть лѣтъ деспотической образъ дѣйствій новаго правителя Македоніи вызвалъ противъ

него цѣлую коалицію, къ которой примкнулъ и Птолемей, то дѣло это было рѣшено однимъ походомъ, и, съ низложеніемъ безпокойнаго авантюриста, ничто уже болѣе не грозило разрушить миръ. Мысли престарѣлаго Лагида, утомленнаго продолжительною войною, могли теперь спокойно обратиться къ вопросамъ внутренней политики. Онъ приблизилъ къ себѣ Деметрія фалерскаго, къ которому питалъ особое уваженіе, какъ къ ученику Теофраста и другу Менандра, и, если вѣрить Эліану, сдѣлалъ его первымъ своимъ совѣтникомъ по дѣламъ управленія страной ¹⁾. Нужно замѣтить, что то была пора, когда придавали особенное значеніе политическимъ теоріямъ, и въ литературѣ существовало немало философскихъ трактатовъ «о государствѣ», «объ управленіи», «о законодательствѣ» и т. п., посвященныхъ либо Александру, либо кому-нибудь изъ его преемниковъ ²⁾. Самъ Деметрій фалерскій, громадная эрудиція котораго обнимала и реторику, и грамматику, и исторію, и философію, и науки военныя и политическія, не чуждъ былъ литературѣ этого рода и слылъ авторомъ пяти обширныхъ трактатовъ, затрогивавшихъ различные вопросы политики ³⁾. Немудрено, что, какъ передаетъ Плутархъ, онъ дѣйствительно подалъ совѣтъ своему державному покровителю собирать и изучать сочиненія, трактующія о государствѣ. «Книги», говорилъ онъ, «имѣютъ больше смѣлости высказывать государямъ правду, нежели придворные». И очень можетъ быть, что Сотеръ, давно лелѣявшій мысль объ основаніи библіотеки въ Александріи, нашелъ для себя въ этомъ совѣтѣ ближайшій поводъ

1) Aelian. III, 17: συνὸν τῷ Πτολεμαίῳ (Δημήτριος) νομοθεσίας ἤρξε. Срв. Diog. Laert. V, 78.

2) Уже Аристотель, говорятъ, написалъ спеціально для Александра, въ то время еще юноши, трактатъ «περὶ βασιλείας», а нѣсколько позже другой — «Ἀλέξανδρος ἢ ὑπὲρ ἀποικιῶν» (Ammonius ap. Rose fragm. Aristotel. n° XIV p. 1489). Въ числѣ произведеній Теофраста, кромѣ обращеннаго къ Кассандру разсужденія «περὶ βασιλείας» (срв. Plut. Themist. 25), приводятся: «περὶ τῆς ἀρίστης πολιτείας», «πολιτικά» въ 6 кн., «πολιτικά ἔθνη» въ 4 кн., «νόμοι» въ 24 кн. и проч. Въ школѣ перипатетиковъ вопросы политики и права вообще возбуждали къ себѣ живой интересъ.

3) Сюда относятся его сочиненія: «περὶ πολιτικῆς», «περὶ τῶν Ἀθηνῶν πολιτῶν», «περὶ τῆς Ἀθηνῶν νομοθεσίας», «περὶ δημαγωγίας», «περὶ νόμων».

къ ея осуществленію. Какъ бы то ни было, онъ облекъ Деметрія полномочіемъ собирать отовсюду рукописи, не щадя ни усилій, ни средствъ, и преданіе увѣряетъ, что уже къ концу царствованія перваго Птолемея Деметріемъ было приобрѣтено для него до 200000 свитковъ.

Свитки эти, добывавшіеся изъ разныхъ рукъ и зачастую стоившіе баснословныхъ денегъ, сперва не имѣли особаго, спеціально для нихъ предназначеннаго помѣщенія. Для сохраненія ихъ долго довольствовались кладовыми, куда они безъ разбора сваливались и гдѣ знатоки книжнаго дѣла, такъ называемые *грамматики*, подвергали весь наличный матеріалъ тщательному разсмотрѣнію и распредѣляли книги по отдѣламъ и рубрикамъ (*χωρίζοντες*). Лишь по мѣрѣ возрастанія литературной коллекціи Птолемеевъ стала все живѣе и живѣе ощущаться потребность въ особомъ зданіи, долженствовавшемъ служить книгохранилищемъ, и, кажется, не ранѣе, какъ при Птолемѣ II Филадельфѣ отдѣленъ былъ для этой цѣли большой корпусъ въ Брухін, составлявшій часть дворцовыхъ построекъ и по всей вѣроятности расположенный неподалеку отъ музея ¹⁾. Этотъ корпусъ со всѣми сокровищами, въ немъ собранными, подчиненъ былъ вѣдѣнію одного лица, совмѣщавшаго въ своей особѣ функцію бібліотекаря со многими другими весьма сложными, трудными и отвѣтственными функціями. Въ его распоряженіи находился цѣлый штатъ служителей. Одни изъ нихъ, подъ его наблюденіемъ вели реестры всѣмъ новымъ приобрѣтеніямъ бібліотеки и такимъ образомъ подготавливали матеріалъ для рациональнаго каталога ея; другіе занимались оцѣнкою и разсмотрѣніемъ, манускриптовъ, поступающихъ въ правленіе бібліотеки отъ книгопродавцевъ и комиссіонеровъ; третьи изготовляли копія съ такихъ сочиненій, которыхъ нельзя было приобрѣсти за деньги въ полную собственность ²⁾; четвертые

¹⁾ См. *Somat* p. 4, 14. Дворцовыя постройки занимали почти цѣлую треть всего города.

²⁾ Распорядители александрійской бібліотеки стремились не только къ приобрѣтенію рукописей вообще, но и преимущественно къ приобрѣтенію рукописей оригинальныхъ. Съ этою цѣлью они нерѣдко вымѣнивали старые манускрипты на но-

наблюдали за поддержаніемъ необходимаго порядка въ помещеніяхъ корпуса, за сохраненіемъ рукописей отъ моли, червей, сырости и т. п., за удобнымъ размѣщеніемъ ихъ въ шкапахъ и на полкахъ; пятое завѣдывали частью экономическою и т. д. Словомъ, это былъ довольно сложный механизмъ, въ которомъ библіотекарю принадлежала роль движущей пружины. И какъ его многообразная дѣятельность требовала весьма солидной ученой подготовки, то неудивительно, что въ должности этой по большей части состояли члены музея. Самъ государь выбиралъ изъ ихъ числа лицо, наиболѣе способное по его мнѣнію съ пользою занимать мѣсто библіотекаря, и это лицо сохраняло всѣ свои полномочія до самой смерти. Такъ наследовали другъ другу Зенодотъ, Каллимахъ, Эратосѣенъ, Аполлоній родосскій, Аристофанъ византійскій и Аристархъ ¹⁾.

По размѣрамъ своимъ вновь организованная библіотека Птолемеевъ должна была превзойти всѣ извѣстныя до того времени крупныя собранія книгъ. Передъ ея колоссальностью должны были отступить на задній планъ не только столь нѣкогда славныя библіотеки Эврипида, Эвтидема, Эвклида, Никократа и др. ²⁾, но и едва ли не самая обширная въ дре-

вья, самымъ тщательнымъ образомъ изготовленныя копія содержащагося въ этихъ манускриптахъ текста (*καὶναὶ χάρται, καὶνὰ ἀντίγραφα*) съ приплатою въдобавокъ значительной суммы денегъ. Подобнымъ путемъ приобрѣтенъ былъ напрымѣръ Птолемеемъ III Эвергетомъ отъ аѳинянъ Ливурговъ экземпляръ трагедій Эсхила, Софокла и Эврипида (*Galen in Hippocr. Epidem. T. XVII, 1 p. 607*).

¹⁾ Деметрій фалерскій не былъ библіотекаремъ въ официальномъ смыслѣ этого слова.

²⁾ Возникновеніе библіотекъ въ Греціи преданіе относитъ уже ко временамъ Писистрата аѳинскаго и Поллукрата самосскаго. Естественно, что, какъ только въ греческомъ обществѣ пробудился серьезный интересъ въ изученію прошлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ родились заботы о возстановленіи различныхъ памятниковъ минувшаго, должно было начаться между прочимъ и кропотливое собираніе литературнаго наслѣдія, завѣщаннаго прежними поколѣніями. Спросъ на книги сталъ усиливаться, а въ отвѣтъ на этотъ спросъ явилось предложеніе. Возникли книжныя лавки, и мало-по-малу, подъ эгидою наступившаго послѣ персидскихъ войнъ мира, когда живой ключъ художественной и научной дѣятельности забилъ полною струею, книжная торговля приняла необычайныя размѣры: коммерческія суда, отправляясь къ самымъ отдаленнымъ предѣламъ греческихъ поселеній, вмѣстѣ съ посудою и другими предметами промышленнаго производства, стали уже нагружаться

вности коллекція рукописей, принадлежавшая Аристотелю. Самая эта коллекція, о богатствѣ которой мы можемъ уже отчасти судить по богатству и разнообразію цитатъ, разсѣянныхъ въ сочиненіяхъ Аристотеля. вошла современемъ, какъ интегральная часть, въ составъ бібліотеки Лагидовъ. Говорятъ, что Аристотель завѣщаль ее ученику своему Теофрасту, а Теофрастъ—Нелею скепсійскому, который перевезъ ее на свою родину, въ Троаду, а впослѣдствіи продалъ Птолемѣю Филадельфу. Безъ сомнѣнія это было самое цѣнное и капитальное изъ всѣхъ приобрѣтеній, сдѣланныхъ александрійскими бібліофилами ¹⁾, но оно не удовлетворило ихъ неутолимой жажды новыхъ покупокъ. Старанія ученыхъ, которымъ Птолемѣи поручили веденіе этого дѣла, принесли свои плоды. Александрія мало-по-малу сдѣлалась центромъ обширнѣйшей книготорговли, куда стекались отовсюду бібліографическія рѣдкости и новинки и откуда во всѣ концы древняго міра расходились списки наиболѣе интересныхъ и требуемыхъ публикою литературныхъ произведеній. Здѣсь не отвергались никакія предложенія, коль скоро рѣчь шла о книгѣ. По свидѣтельству Галена, всѣ судохозяева, пристававшіе въ александрійской гавани, какова бы ни была ихъ торговая спеціальность, обязаны были привозить съ собою рукописи ²⁾. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если ко временамъ Цезаря количество свитковъ, хранимыхъ въ Брукіи,

и книгами (Xenoph. Anab. VII 6, 14). Въ большихъ политическихъ центрахъ греческаго міра страсть къ чтенію овладѣла обществомъ съ такою силою, что обратила даже на себя вниманіе комедіи, не замедлившей осмѣять крайности этого благороднаго увлеченія. Въ школахъ, домахъ и публичныхъ мѣстахъ литературныя темы начали составлять любимый предметъ обсужденія и споровъ. Появились страстные книгособиратели, настоящіе бібліоманы, въ числу которыхъ принадлежалъ напр. упоминаемый Ксенофонтъ (Memorab. IV, 2, 1, 8, 10) Эпидемъ. Въ бібліотекѣ этого послѣдняго наряду съ произведеніями Гомера и другихъ поэтовъ имѣлись сочиненія и по медицинѣ, и по архитектурѣ, и по геометріи, и по астрономіи.

¹⁾ Филадельфу досталась впрочемъ не вся бібліотека Нелея: сочиненія самого Аристотеля и Теофраста были повидимому послѣднимъ удержаны въ свою пользу, или же проданы въ неполныхъ спискахъ. Такъ по крайней мѣрѣ заставляютъ думать свидѣтельства Страбона (XIII, 608 сл.) и Плутарха (Sull. 26); срв. также Athen. V p. 214.

²⁾ Galen. Comment. II ad Hippocr. t. III; Epidem. V p. 411.

возросло до семисотъ тысячъ, что, въ переводѣ на болѣе понятное намъ числовое выраженіе, равняется приблизительно 30—40 т. нашихъ томовъ in folio, страницъ въ 900 каждый ¹⁾.

Рядомъ съ библіотекою росъ, развивался и ширился *музей*. Какъ показываетъ самое названіе этого учрежденія, это было святилище музъ, подъ сѣнью котораго должна была процвѣтать наука, культивируемая самыми видными ея представителями, конемъ здѣсь отъ щедротъ просвѣщенныхъ монарховъ предоставлены были всѣ жизненные удобства и полная свобода научныхъ и литературныхъ занятій. Мы бы могли сравнить его съ нынѣшними академіями или, пожалуй, слѣдуя Магаффи, съ университетомъ оксфордскаго типа ²⁾. Разумѣется, образцомъ для него послужили извѣстные «музеи» Аѳинъ, гдѣ давно уже слово *μουσεῖον* получило значеніе высшей школы. Въ этомъ именно значеніи употреблено оно между прочимъ однимъ комикомъ въ примѣненіи къ самимъ Аѳинамъ, составлявшимъ вѣкогда для всей Греціи центръ высшей научной и художественной дѣятельности,—какъ бы школу ея ³⁾. И когда Платонъ, перенесшій преподаваніе философіи изъ гимназіи Академа въ собственный домъ, выстроенный неподалеку отъ этой гимназіи, приобщилъ къ нему храмъ въ честь музъ и далъ всему институту названіе «Музея» ⁴⁾, то въ этомъ случаѣ онъ отнюдь не былъ новаторомъ: онъ слѣдовалъ уже успѣвшему до извѣстной степени установиться обычаю, и еще раньше его пифагорейцы обозначали тѣмъ же именемъ мѣста своихъ ученыхъ засѣданій ⁵⁾. По смерти своего основателя платоновскій музей вмѣстѣ съ библіотекою его сдѣлался достояніемъ его школы, и, какъ прежде въ немъ преподавалъ Платонъ, такъ теперь преподавали

¹⁾ Gellius VI, 17; Ammian. XXII, 16.

²⁾ *Mahaffy Alexander's empire*, 4 ed. (Lond. 1889): the Museum and library were in the strictest sense what we should now call an University, and one, too, of the Oxford type, where learned men were invited to take Fellowships and spend their learned leisure close to observatories in science, and a great library of books (p. 142).

³⁾ Athen. V p. 187 d.

⁴⁾ Diog. Laërt. v. Speusipp. (IV, I, 1).

⁵⁾ Diog. Laërt VIII, 1, 15.

въ немъ и завѣдывали его святынею послѣдовательно Спевсиппъ, Ксенократъ и т. д. Подобнымъ образомъ школа Аристотеля обладала своимъ музеемъ. Теофрастъ на собственные средства прибрѣлъ въ Аѳинахъ обширный участокъ земли съ садомъ, застроилъ его зданіями, спеціально приспособленными къ нуждамъ преподаванія и научныхъ занятій, украсилъ эти зданія подобающими мѣсту произведеніями скульптуры и живописи и завѣщалъ своимъ ученикамъ, какъ общую и неотчуждаемую ихъ собственность, которою они могли пользоваться въ интересахъ знанія и прогресса.

Александрійскій музей по всей вѣроятности воздвигнутъ былъ ближайшимъ образомъ по типу музея перипатетиковъ, который своею обширностью и богатствомъ отдѣлки превосходилъ повидимому всѣ прочія учрежденія этого рода. Такое предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что Деметрій фалерскій, бывшій ученикомъ и другомъ Теофраста, имѣлъ, естественно, возможность ближе ознакомиться именно съ этимъ музеемъ, чѣмъ съ какимъ-либо другимъ, и даже, какъ утверждаютъ, при сооруженіи его самъ оказывалъ значительную матеріальную поддержку строителю -). Дѣйствительно, многое въ планѣ музея александрійскаго, насколько онъ намъ вообще извѣстенъ, напоминаетъ школу Теофраста: обычное святилище въ честь божествъ художественнаго вдохновенія и научнаго знанія (*ἱερόν*), садъ (*κῆπος*) съ аллеями для прогулокъ (*περίπατος*), открытыя залы для чтенія и ученыхъ бесѣдъ (*ἐξέδραι*), общая столовая (*οἶκος*);— всѣ эти существенныя части повторяются здѣсь и тамъ, и разница лишь въ подробностяхъ,---хотя, правда, разница настолько замѣтная, насколько вообще можетъ быть замѣтна разница между частнымъ учрежденіемъ и учрежденіемъ государственнымъ, предпринятымъ и выполненнымъ на средства богатѣйшей казны.

Оба музея представляли интернатъ. Еще до македонскаго завоеванія мы замѣчаемъ въ Греціи изсякновение прежняго духа общественности. Со временъ Алкивіада примѣры открытаго заявленія правъ личности, рѣзкіе протесты противъ под-

1) Diog. Laert. V, 39.

чиненія личности идеѣ государства встрѣчаются все чаще и чаще. Коренное измѣненіе условій политической жизни, наступающее послѣ херонейской битвы, довершаетъ разрывъ между обществомъ, какъ политическимъ цѣлымъ, и индивидуальностью. Случай удаленія людей съ арены государственной дѣятельности въ болѣе тѣсную сферу частной жизни мало-по-малу теряютъ характеръ исключительности, становятся все болѣе обычными и перестаютъ рассматриваться какъ преступленіе ¹⁾. Такое удаленіе совершаетъ наконецъ и паука, оставляющая городскія площади, гимназіи и открытыя портики, чтобы замкнуться въ предѣлы частныхъ школъ. Эсотерическое преподаваніе заступаетъ мѣсто прежнихъ публичныхъ лекцій и диспутовъ. Возникаютъ болѣе интимныя связи между главою школы и его учениками. Совмѣстныя занятія приводятъ къ совмѣстной жизни, которая отличается тѣмъ болѣею замкнутостью, чѣмъ подозрительнѣе становится общественное мнѣніе, желающее подчинить дѣятельность философовъ и реторовъ государственному контролю ²⁾. Наука обо-

1) Не такъ было прежде. По смыслу Солонова законодательства каждый гражданинъ обязанъ былъ посвящать всѣ свои силы, способности и знанія государству, дѣламъ общественнымъ, оставляя свои частныя дѣла и личные интересы на послѣднемъ планѣ. Эгоистическое удаленіе въ кругъ частной жизни безусловно порицалось, и тѣ, которые пытались сохранить нейтральное положеніе въ борьбѣ партій, не принимая въ ней активнаго участія, подвергались даже *атимии*, т. е. лишенію гражданскихъ правъ. Plut. Sol. 20; Gell. II, 12. Срв. *Schoemann Antiquités grecques trad. par. Galuski. I, p. 383.*

2) Въ 306 г. нѣкій Софоклъ, сынъ Амфикида, успѣлъ провести законъ, поставившій философское преподаваніе въ Аѳинахъ въ прямую зависимость отъ воли сената и народнаго собранія. См. Pollux IX. 42; Diog. Laërt. V, 38. Это была первая попытка правительственнаго вмѣшательства въ дѣло преподаванія, вызвавшая уже въ слѣдующемъ году спланный протестъ со стороны Филона, который и добился отмѣны стѣснительнаго постановленія. «Аѳины», говоритъ *Эрнст Курциусъ*,— «первое государство, которое осмѣлилось посмотреть на свободное развитіе чловѣка, какъ на лучшую подготовку гражданина. Позагалясь на природное влеченіе къ знанію и на силу традиціи, регулировавшей тѣлесное и духовное развитіе молодежи, правительство воздерживалось отъ всякаго вторженія въ дѣло, которое рассматривало, какъ дѣло семейное. Поэтому не было принудительнаго обученія, не было оффиціально признанныхъ учебныхъ плановъ, и Солоновъ законъ относительно образованія въ сущности сводился къ тому положенію, что, между тѣмъ какъ въ другихъ государствахъ безусловное почтеніе къ родителямъ

соблается, и между ея областью съ одной стороны и зыбкимъ поприщемъ политическихъ интересовъ — съ другой воздвигается высокая преграда. Она созываетъ подъ свои знамена дѣятелей, которые во имя ея отрекаются отъ всего, чѣмъ нѣкогда всецѣло поглощена была жизнь грека, — отъ функцій гражданина, отъ участія въ борьбѣ политическихъ партій, и въ рѣшеніи жгучихъ вопросовъ дня. Эти люди бѣгутъ отъ празднои сутолоки утратившихъ свое значеніе народныхъ собраній въ уединеніе ученаго кабинета, гдѣ собираютъ вокругъ себя лишь немногихъ друзей, подобно имъ ради высшихъ интересовъ теоретическаго знанія отказавшихся отъ практической дѣятельности. Возникаютъ ученые кружки, сближающіе между собою на почвѣ научныхъ изслѣдованій людей самыхъ различныхъ политическихъ убѣжденій. Духъ партикуляризма, духъ узкой партійности и племенной исключительности мало-по-малу уступаетъ тенденціямъ космополитическаго характера. И въ тотъ самый моментъ, когда стоя подыскала теоретическую формулу для этихъ новыхъ тенденцій, онѣ нашли и реальное выраженіе въ александрійскомъ музеѣ.

Александрія стала новымъ отечествомъ для цѣлой фаланги греческихъ поэтовъ, философовъ, реторовъ и ученыхъ, явившихся сюда изъ разныхъ концовъ эллинскаго міра на зовъ Птолемѣя Лаги и его преемниковъ. Что привлекало ихъ здѣсь? Ничего кромѣ богатыхъ ученыхъ средствъ, которыми располагалъ этотъ городъ, — ничего кромѣ возможности безвозбранно предаваться своимъ любимымъ занятіямъ. Подъ гостепріимною кровлею музея мирно стали уживаться граждане искони соперничавшихъ между собою греческихъ общинъ, позабывъ о всякихъ политическихъ счетахъ. И если между членами коллегіи могло существовать и дѣйствительно существовало соперничество, то конечно единственно только на поприщѣ ученой и литературной дѣятельности.

вмѣнялось дѣтямъ въ непремѣнный долгъ, въ Афинахъ только тѣ родители имѣли право ожидать отъ дѣтей почтенія, которые дали дѣтямъ соотвѣтственное ихъ положенію образованіе» (*E. Curtius* «Alterthum und Gegenwart»).

Что коллегія эта не только собиралась для своихъ занятій, но и жила въ стѣнахъ музея, — это прямо не засвидѣтельствовано ни однимъ древнимъ текстомъ, но тѣмъ не менѣе можетъ быть принято на вѣру, какъ неоспоримый историческій фактъ. Въ самомъ дѣлѣ, невозможно думать, что музей не былъ ничѣмъ инымъ, какъ только лабораторіею, что это учрежденіе представляло собою, такъ сказать, родъ обширнаго ученаго кабинета, гдѣ каждый членъ коллегіи могъ найти лишь потребныя для его ученыхъ работъ пособія и откуда онъ, какъ только дѣловой день кончался, долженъ былъ тотчасъ же удалиться. Не слѣдуетъ забывать, что члены музея были собственно *гости* своихъ державныхъ покровителей, что многіе изъ нихъ пріѣзжали въ Египетъ не надолго, какъ напр. Менедемъ, Тимонъ и др., и что самый музей, по словамъ Страбона, былъ *частью* дворца, — частью, разумѣется, специально предназначенною для этихъ гостей, которымъ Птолемей желалъ предоставить всѣ необходимыя жизненныя удобства и полную свободу занятій. Примѣръ пифагорейцевъ, перипатетиковъ, эпикурейцевъ, жившихъ вмѣстѣ въ своихъ музеяхъ, также не могъ конечно остаться безъ вліянія на Птолемей Лаги и Деметрія фалерскаго, которые тѣмъ скорѣе должны были подумать объ устройствѣ общежитія при александрійскомъ музеѣ, что члены послѣдняго были чужестранцами, не имѣвшими въ Египтѣ осѣлости. Къ этому можно присоединить еще одно замѣчаніе. Какъ извѣстно, Тимонъ фліунтскій, побывавшій при дворѣ Птолемей II, посвятилъ александрійскому музею и его порядкамъ злую эпиграмму, сохранныю намъ Атенеємъ ¹⁾. Здѣсь онъ сравниваетъ учрежденіе это съ клѣткою, въ которой непрерывно грызутся между собою нѣсколько бумагомарателей (*βιβλιοχῶν χαρακίται*). Выраженіе *τάλαρος* (клѣтка, лукошко, курятникъ), употребленное при этомъ Тимономъ, очевидно, могло имѣть отношеніе лишь къ постоянному, а никакъ не временному пребыванію ученыхъ въ музеѣ, — иначе оно не имѣло бы смысла, и вся соль эпиграммы потеряла бы свою силу. Нѣтъ сомнѣ-

¹⁾ Athen. I p., 23.

нія, что не столько ученый задоръ, сколько именно видимая зависимость отъ милостей правителя, на иждивеніе котораго члены музея проживали, могла быть антипатична знаменитому силлографу, который именно поэтому и не захотѣлъ остаться въ Александріи ¹⁾, несмотря на всѣ настоянія Филадельфа. Съ другой стороны и то немногое, что намъ извѣстно относительно внутренней организаціи этого учрежденія, заставляетъ считать александрійскій музей такимъ же интернатомъ, какимъ были академія Платона, музей Теофраста и пресловутые «сады» Эпикура (κῆποι Ἐπιχοῦρου). Такъ Страбонъ, перечисляя въ своемъ описаніи Александріи отдѣльныя части ея музея, сперва называетъ *бульваръ*, предназначенный для прогулокъ (περίπατος), и *экседру*, т. е. обширную галерею или открытый залъ со скамьями и креслами, гдѣ происходили ученые диспуты, а, можетъ быть, также читались и лекціи ²⁾, а затѣмъ упоминаетъ о большомъ помѣщеніи (οἶκος μέγας), въ которомъ находилась *общая столовая* всѣхъ членовъ музея (τὸ κοσσίτιον) и, вѣроятно, расположены были прочіе жилые апартаменты ³⁾. Это послѣднее зданіе было повидимому облечено совершенно частнымъ характеромъ въ противоположность всѣмъ остальнымъ, представлявшимъ собою рядъ спеціальныхъ кабинетовъ и лабораторій. Здѣсь же, можетъ быть, имѣли мѣсто пребываніе и тѣ магистраты коллегія, на обязанности которыхъ лежало завѣдываніе экономической частью, веденіе счетовъ, храненіе казеннаго инвентаря и проч. (ὁ ἐπὶ τῆς εὐχοσμίης, γραμματεὺς, ταμίης и т. д.).

Музей занималъ мѣсто въ ряду тѣхъ построекъ, которыя располагались вдоль Большого Порта (Portus major), къ западу отъ мыса Лохія, и въ своей совокупности составляли об-

¹⁾ Matter (op. cit. I p. 92), дѣлая подобное же замѣчаніе, прибавляетъ: «l'insituation elle même en manquait, si ses membres ne se réunissaient au Musée que pour y manger, discuter et se promener».

²⁾ Vitruv. V, 11; constituuntur in tribus porticis exedrae spatiosae, habentes sedes, in quibus philosophi, rhetores reliquique qui studiis delectantur, sedentes disputare possint.

³⁾ Strab. XVII, 1.

ширный кварталъ дворцовыхъ зданій ¹⁾. Съ внѣшней стороны онъ представлялъ красивое сооруженіе, увѣнчанное куполомъ, украшенное, какъ большинство памятниковъ древне-греческой архитектуры, колоннадою и окруженное разнаго рода службами, дворами, парками, садами и проч., что все вмѣстѣ, разумѣется, имѣло весьма внушительный видъ и солидные размѣры, занимая площадь не меньше какъ въ одинъ квадратный стадій (т. е. около 7425 кв. саж.). Заботливость Птолемеевъ снабдила музей все́мъ, что было необходимо для удовлетворенія тѣхъ требованій, какія могъ въ то время предъявить къ подобному учрежденію ученый изслѣдователь. Великій Александръ, истратившій до восьмисотъ талантовъ на собраніе научныхъ матеріаловъ для Аристотеля и заставившій служить этой благородной цѣли до тысячи человекъ ²⁾, подалъ примѣръ, не оставшійся безъ подражанія. Птолемей пошли по его слѣдамъ и сумѣли создать въ Александріи рядъ самыхъ благопріятныхъ условій для дальнѣйшаго преуспѣянія науки, поднятой на небывалую дотолѣ высоту всеобъемлющимъ геніемъ названнаго философа. Они устроили анатомическій кабинетъ, въ которомъ работали со своими учениками

¹⁾ Александрія была расположена на узкой береговой полосѣ, отдѣляющей Мареотидское озеро отъ Средиземнаго моря, и со своими пригородами имѣла въ окружности, по показанію Плинія, 15 римскихъ миль. Она была выстроена по плану гениальнаго Динократа архитекторомъ Клеоменомъ изъ Навкратиса и представляла правильную сѣть пересѣкающихся подъ прямымъ угломъ широкихъ и красивыхъ улицъ. Описаніе ея сохранилось у Страбона (XVII, p. 791), Діодора (XVII, 52), Плутарха (Alex. 26) и Плиніа (II. N., V, 10, 11). Въ недавнее время важныя топографическія изысканія на мѣстѣ были произведены для Наполеона III, который предполагалъ помѣстить подробное описаніе Александріи въ 3-мъ томѣ своей «Histoire de Jules César». По его порученію придворный астрономъ вице-короля Измаила-Шаши, по имени Махмудъ-Бегъ, получившій образованіе въ Парижѣ, самымъ тщательнымъ образомъ разслѣдовалъ мѣстность древней столицы Птолемеевъ, составилъ топографическій планъ ея и снабдилъ этотъ планъ подробнѣйшими научными объясненіями. Впослѣдствіи, такъ какъ замыслу Наполеона не суждено было осуществиться, Махмудъ-Бегъ самостоятельно издалъ на французскомъ языкѣ результаты своихъ изслѣдованій подъ заглавіемъ: «Memoire sur l'antique Alexandrie, ses faubourgs et environs, découverts par les fouilles, sondages, nivellements et autres recherches faits d'après les ordres de S. A. Ismaïl Pascha par Mahmoud-Beg». (1867).

²⁾ Plin. II. N. VIII, 16, 17; Athen. IX p. 398 l.

Герофилъ и Эрасистратъ, эти достойные послѣдователи Гиппократа и Діокла каристійскаго, творцы семіотики. Они собрали въ садахъ музея богатѣйшую коллекцію рѣдкихъ растений и всевозможныхъ видовъ животнаго царства ¹⁾, послужившую для естественно-историческихъ работъ Стратона. Они сдѣлали все, чтобы облегчить производство астрономическихъ наблюдений, и дали возможность Аристиллу, Тимохариду, Аристарху самосскому, Конону, Гиппарху и др. обогатить астрономію цѣлымъ рядомъ важныхъ открытій. Они не переставали содѣйствовать успѣхамъ народовѣдѣнія и землеописанія путемъ снаряженія специальныхъ ученыхъ экспедицій въ чужія страны. Наконецъ, они затрачивали несмѣтныя денежныя средства на приобрѣтеніе литературныхъ сокровищъ, предприняли переводъ на греческій языкъ важнѣйшихъ памятниковъ письменности востока ²⁾; и тѣмъ не мало способствовали разработкѣ вопросовъ исторіи, въ области которой здѣсь подвизались такіе писатели, какъ Манеѳонъ, Тимагенъ, Филонъ Апіонъ, Гермиппъ и др.

Словомъ александрійскій музей былъ истиннымъ храмомъ науки, культъ которой отпирался здѣсь коллегіею лицъ съ громкою извѣстностью въ ученомъ мѣрѣ и былъ обезпеченъ богатѣйшими матеріальными средствами.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ точности, каковы были

¹⁾ Птолемей II, лично интересовавшійся изученіемъ природы, организовалъ нѣсколько охотничьихъ экспедицій въ южный Египетъ вплоть до Эѳіопіи, и экспедиціи эти значительно расширили кругъ географическихъ, этнографическихъ и естественно-историческихъ свѣдѣній. См. *Matter* op. cit. I, p. 157; II, p. 294.

²⁾ Свидѣтельства древности относительно предпринятыхъ Птолемейми переводовъ съ иностранныхъ языковъ на греческій чрезвычайно разнорѣчивы, и здѣсь не мѣсто пускаться въ критику ихъ. Страбонъ (XVI, 1) упоминаетъ о переводѣ хронологическихъ и астрономическихъ трактатовъ египетскихъ ученыхъ. Евсевій и св. Елифаній привлекаютъ сюда не только литературу Египта, но и важнѣйшія произведенія письменности индусовъ, персовъ, эллантъ, вавлонянъ, ассирійцевъ, финикійцевъ, евреевъ и римлянъ (Euseb. Chron. 66, 2—1. Eriphan. De ponder. et mensur. 9). Что персидскія книги дѣйствительно были переведены, на это указываетъ одно мѣсто у Плинія (H. N. XXX, 1, 4); см. *Ritschl* Corollarium disputationis de bibliothecis Alexandrinis, p. 42 (противъ него *Preller* Jahrb. f. class. Philol. 1836, стр. 170; въ пользу Ричля—*Droysen* Hellenism. III, 1, стр. 50, прим. 2).

эти средства. Страбонъ говоритъ объ этомъ предметѣ довольно глухо. Изъ его словъ явствуется только, что учрежденіе располагало какими-то особыми денежными суммами ¹⁾, составлявшимися, вѣроятно, частью изъ доходовъ съ опредѣленной собственности, которая могла быть утверждена за музеемъ уже его основателемъ Птолемеемъ Лаги, частью же изъ денежныхъ взносовъ, поступавшихъ въ кассу музея отъ получавшихъ въ немъ свое образованіе юношей. Во всякомъ случаѣ суммы эти были весьма значительны: ихъ доставало и на ремонтъ зданій, и на пополненіе ученыхъ коллекцій, и на содержаніе многочисленнаго штата прислуги, и на расходы по устройству общаго стола для членовъ музея ²⁾, и на жалованье этимъ членамъ, труды которыхъ всегда исправно и щедро оплачивались ³⁾. Съ другой стороны не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что это были суммы постоянныя, регулярныя, и что въ годины самыхъ жестокихъ бѣдствій музей продолжалъ ими располагать. Иначе было бы совершенно непонятно, какъ могъ онъ, несмотря на всѣ превратности судьбы, просуществовать около шести столѣтій, вплоть до 273 г. на-

1) Strab. l. c. ἔστι δὲ τῆ συνόδου ταύτης καὶ χρήματα κοινά.

2) Интересное изслѣдованіе Вилламовица «Die rechtliche Stellung der Philosophenschulen» (Philol. Untersuch IV, стр. 263 сл.) показало, что аѳинскіе музеи были въ сущности не что иное, какъ θίασοι Μουσῶν, т. е. религіозныя общества, поставленныя подъ покровительство музъ,—религіозныя, разумѣется, только формально, такъ какъ по аттическому праву никакія общества кромѣ религіозныхъ не допускались. Во главѣ музеевъ стояли ихъ ἄρχοντες, замыкавшіе собою іерархическую лѣстницу низшихъ магистратовъ. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ (ὁ ἐπὶ τῆς εὐχυστίας) завѣдовалъ устройствомъ сисситій (общихъ обѣдовъ), правильно повторявшихся въ опредѣленные сроки, и отбиралъ на этотъ предметъ отъ членовъ общества (учениковъ, ἐπιχειροῦντες) денежные взносы (συμβολαί). Въ александрійскомъ музеѣ такихъ членскихъ взносовъ, характеризующихъ каждый ἔρανος (взносъ), не было.

3) Извѣстный анекдотъ о Сосибіи (у Атеней XI р. 493 f сл.) свидѣтельствуетъ о томъ, что члены александрійскаго музея получали опредѣленное жалованье, и у казначеевъ учрежденія хранились особые для этого списки ихъ (τὰ βιβλία ἐν οἷς αἱ ἀναγραφαὶ εἰσι τῶν τὰς συντάξεις λαμβανόντων). Суммы, выплачиваемыя ученымъ, иногда бывали громадны. Такъ Стратонъ, бывший однимъ изъ воспитателей Филадельфа, получилъ отъ отца его 80 талантовъ (Diog. Laërt. V, 3, 58). Эвергетъ I ассигновалъ Панарету, ученику Аркесилая, 12 талантовъ въ годъ (около 17 т. р. с.). См Athen. XII, с. 13.

шей эры, когда весь Брухій былъ превращенъ въ груды развалинъ солдатами Аврелиана, осадившаго Александрію.

Какъ мы выше уже сказали, верховное управленіе музеемъ было возложено на одного изъ самыхъ видныхъ представителей жречества, который въ надписяхъ именуется <ἀρχιερεὺς Ἀλεξανδρείας καὶ Αἰγύπτου πάσης>. Мы не знаемъ подлинно, пользовался ли этотъ духовный сановникъ дѣйствительнымъ вліяніемъ на дѣла музея, или же главенство его было только номинальнымъ и представляло собою одну изъ тѣхъ почетныхъ должностей, съ которыми обыкновенно не соединяется никакихъ фактическихъ правъ и обязанностей. Последнее довольно вѣроятно въ виду того непосредственнаго участія, какое принимали въ судьбахъ музея сами Птолемѣи, его фактическіе ἄρχοντες. Весьма возможно, что ихъ прямое влѣпательство во всѣ дѣла, касавшіяся этого учрежденія, до значительной степени ограничивало свободу дѣйствій его оффиціального предсѣдателя (ἐπιστάτης) и низводило послѣдняго на уровень простого подручника державныхъ покровителей александрійской ученой коллегіи. Самое назначеніе завѣдующаго музеемъ лица всегда зависѣло отъ государей Египта,—и впоследствии, какъ большая часть ихъ правительственныхъ функцій, перешло къ римскимъ императорамъ въ качествѣ неотъемлемаго права послѣднихъ. Этимъ объясняется, быть можетъ, и то обстоятельство, что источники наши сохранили намъ,—и то случайно,—единственное только имя изъ длиннаго списка жрецовъ, стоявшихъ во главѣ музея въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій,—обстоятельство, которое было бы по меньшей мѣрѣ странно, если бы жрецы эти въ исторіи учрежденія имѣли существенно важное значеніе. Впрочемъ, если такое значеніе и не была ихъ удѣломъ, то прикосновенность ихъ къ музею во всякомъ случаѣ имѣла большое вліяніе на его положеніе. Эта прикосновенность сообщала ему нѣкоторый религіозный авторитетъ,—какъ бы выдвигала на первый планъ его назначеніе служить высшимъ органомъ культа музѣ, поклоненіе которымъ всегда связано было съ поклоненіемъ высшимъ божествамъ греческаго пантеона. Если вспомнимъ, какъ сильно было вліяніе жречества въ Египтѣ. какую широкую область

вообще занимали религиозные интересы въ духовной жизни египтянъ, то само собою возникнетъ предположеніе, что, быть можетъ, именно въ виду этого Птолемѣи съ самаго пачала рѣшили поставить высшее ученое учрежденіе страны подъ протекторатъ духовной особы. Мы знаемъ, что это было совершенно въ духѣ принятой ими политики. И нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что обязанности президента музея могъ исполнять не непременно грекъ, а и эллинически образованный египтянинъ,—и это тѣмъ скорѣе, что въ Египтѣ наука культивировалась преимущественно кастою жрецовъ, искони призванныхъ въ этой странѣ служить хранителями всѣхъ сокровищъ знанія. Я не усматриваю по крайней мѣрѣ ничего, что могло бы препятствовать этому. Та нетерпимость, съ которою нѣкогда относились египтяне ко всему не-египетскому, чужеземному, мало-по-малу стала терять свой острый характеръ уже со временъ саитской династїи и наконецъ подъ вліяніемъ постоянныхъ сношеній съ греками совсѣмъ исчезла. Въѣстѣ съ тѣмъ и на религію египтянъ легъ замѣтный отпечатокъ той *теокрасїи*, дѣйствию которой въ рассматриваемую эпоху вообще подверглись вѣрованія всѣхъ древнихъ народовъ. Въ этомъ отношенїи, какъ извѣстно, произошелъ коренной переворотъ. Если прежде нигдѣ съ такою рѣзкостью не проявлялись расовыя противоположности и племенные особенности, какъ именно на почвѣ религиозныхъ отличій, то теперь этого уже не было. Теперь Гадесъ могъ переселиться изъ Синопы въ Александрїю и подъ новымъ именемъ «Сераписа» получать здѣсь поклоненіе и отъ египтянъ, и отъ грековъ ¹⁾. Представители самыхъ различныхъ народностей могли теперь соединяться въ стѣнахъ одного и того же храма и чествовать однихъ и тѣхъ же боговъ. Родственные культы сближались и отождествлялись, косныя формы священнаго ритуала модифицировались ²⁾. Такимъ образомъ врядъ ли египетскій жрецъ

¹⁾ Plut. De Is. et Osyr. c. 28; de sollert. anim. c. 36; Tacit. Hist. IV, 84. Въ торжественной процессїи перенесенїя статуи бога участвовали грекъ Птоломей и египтянинъ Манеонъ.

²⁾ Дройзенъ (Hellenism. III, 1, стр. 48) указываетъ на два яркіе примѣра, сюда относящіеся. Со времени македонскаго владычества при древнемъ храмѣ Се-

при столь измѣнившихся обстоятельствахъ могъ почестъ чѣмъ-то для себя предосудительнымъ, чѣмъ-то несогласнымъ со своимъ достоинствомъ почетное предсѣдательство въ греческомъ музеѣ. Невозможно думать, что подѣ гнетомъ персидскаго владычества жреческая каста въ Египтѣ ничего не забыла и ничему не научилась. Съ другой стороны Птолемѣи хорошо понимали, что эта каста продолжала еще сохранять свое вліяніе на массу населенія, и потому не упустили изъ виду ничего, чтобы привлечь на свою сторону столь могущественную политическую силу. Они возвратили жречеству многія изъ его прежнихъ привилегій, жертвовали на надобности мѣстнаго культа громадныя суммы денегъ изъ собственной казны ¹⁾ и поддерживали дружескія связи съ наиболѣе вліятельными и видными представителями класса служителей алтаря. Многія свѣтила египетской науки дѣлали для нихъ историческія розысканія въ храмовыхъ архивахъ и имъ посвящали свои ученые трактаты ²⁾. Что же мудренаго, если нѣкоторыя изъ этихъ свѣтилъ стали ближе къ основанному Птолемѣями ученому учрежденію и числились даже въ спискѣ его президентовъ?

Что касается числа постоянныхъ членовъ музея, то врядъ ли оно когда-либо было ограничено извѣстнымъ штатомъ. При Сотерѣ оно, повидимому, не превышало пятнадцати, но, по мѣрѣ того какъ померкала слава прочихъ школъ Греціи, приливъ свѣжихъ ученыхъ силъ въ Александрію все болѣе и болѣе возрасталъ. Не всѣ впрочемъ изъ членовъ музея оставались въ немъ навсегда. Многіе пріѣзжали въ Египетъ на непродолжительное время и лишь временно занимали почетное мѣсто среди ученой александрійской коллегіи. Другіе имѣли несчастіе навлечь на себя гнѣвъ Птолемѣевъ и подвергались

раписа и Исиды въ Мемфисѣ появляются *перодулы-женщины*, тогда какъ дотолѣ жрицы въ египетскомъ культѣ отсутствовали. Вмѣстѣ съ тѣмъ къ числу атрибутовъ этихъ божествъ прибавляется *корзина*, прямо заимствованная изъ аттическаго поклоненія Деметрѣ, въ обрядахъ котораго названный атрибутъ занимаетъ видное мѣсто.

¹⁾ Птолемѣй Сотеръ ассигновалъ на погребеніе Аписа 50 талантовъ серебра. Птолемѣй Филадельфъ лично посѣтилъ Оивы и воздвигъ нѣсколько храмовъ въ честь египетскихъ божествъ.

²⁾ Fabricius Bibl. Gr. I, p. 116.

изгнанію, либо же принуждены были покидать Александрію, потому что не умѣли поладить со своими учеными товарищами. Иные, несмотря на всѣ усилія и происки, никакъ не могли добиться чести быть принятыми въ число постоянныхъ членовъ музея. Вообще по всему можно заключить, что, если въ самомъ началѣ двери этого учрежденія были широко раскрыты для всѣхъ представителей литературы и науки, то мало-по-малу доступъ къ нему сдѣлался значительно труднѣе и всецѣло зависѣлъ отъ державной воли августѣйшаго покровителя музея. Личные вкусы и склонности лица, занимавшаго престолъ Птолемеевъ, повидимому, отражались на составѣ покровительствуемой ими коллегіи, и, какъ Сотеръ отдавалъ явное предпочтеніе философамъ ¹⁾, такъ Филадельфъ особенно благоволилъ къ поэтамъ и грамматикамъ ²⁾, а преемники его, возвратившіе, правда, философіи подобающее ей мѣсто въ музеѣ, простерли свое увлеченіе критико-филологическимъ направленіемъ до того, что ввели и при самомъ дворѣ въ моду безплодныя словопренія по поводу критическихъ трудностей и, какъ особою честью, гордились названіемъ „справщиковъ Гомера“ (διορθωται).

Временемъ процвѣтанія музея былъ вѣкъ Птолемѣя II. Въ эту пору коллегія насчитывала въ числѣ своихъ членовъ по самому осторожному расчету современныхъ изслѣдователей никакъ не менѣе пятидесяти человекъ, а, можетъ быть, и гораздо больше ³⁾. Къ тому же составъ ея былъ блестящій: достаточно указать на Каллимаха и Теокрита, на Зенодота и Сосибіа, на Герофила и Эрасистрата, на Аристилла, Тимоха-

¹⁾ При немъ гедонизмъ Аристиппа имѣлъ въ Александріи двухъ представителей въ лицѣ Θεοδορα и Γεγεσίη; Менедемъ репрезентировалъ собою школу академиковъ, а Стратонъ—ученіе перипатетиковъ. Сотеръ приглашалъ также къ своему двору Θεοφραστα и мегарейца Στυλίωνα,—обоихъ безъ успѣха.

²⁾ Филадельфъ успѣлъ привлечь въ музей такіе таланты, какъ Φιλότης босскій, Καλλιμάχης, Θεοκρίτης, Απολλωνίος родосскій, поэты трагической плеяды, Αράτης и др. При немъ же подвизались на поприщѣ грамматикъ Зенодотъ, Σοσιβίης, Δυρίδις и (правда, временно) Ζώνης ὀρθρωτάτης.

³⁾ Parthey (Das alexandrinische Museum, стр. 58) доводитъ ихъ число до почтенной цифры ста человекъ. Mommsen (op. c. I, стр. 102) останавливается на половинѣ этой цифры, да и половину принимаетъ за maximum.

рида и Конона, не говоря уже о многихъ другихъ менѣе даровитыхъ дѣятеляхъ науки и литературы. И, если въ этой большой семьѣ не всегда царилъ миръ, не всегда молчали темныя побужденія и мелкія страсти, какъ свидѣтельствуеть разрывъ, происшедшій между Каллимахомъ и Аполлоніемъ, то въ ней все же никогда не терялась память о той великой цѣли, которую должно было преслѣдовать созданное Птоломѣями учрежденіе, и все, что только было замѣчательнаго и выдающагося въ ученой и художественной литературѣ александрійскаго періода, вышло изъ стѣнъ музея.

Было бы очень интересно знать, въ чемъ состояли обязанности членовъ музея и какъ протекали обычныя ихъ занятія. Къ сожалѣнію, вопросъ этотъ недостаточно ясенъ, и мы не можемъ даже утверждать съ полною увѣренностью, существовала ли опредѣленная программа, регулировавшая эти занятія, или же они были совершенно свободны, неподчинены никакому плану, никакой системѣ. Отрывочныя показанія источниковъ нашихъ сводятся въ общемъ къ весьма скудному количеству положительныхъ данныхъ, почти не допускающихъ возможности собрать отдѣльныя черты въ одну мало-мальски цѣльную картину дѣловаго дня александрійскихъ ученыхъ. Такъ мы, напр., знаемъ, что въ музеѣ помимо самостоятельной разработки науки шло преподаваніе, читались лекціи; но было ли чтеніе такихъ лекцій обязательно для всѣхъ членовъ учрежденія, или же оно предоставлялось на добрую волю каждаго изъ нихъ,—совершенно неизвѣстно. Мы знаемъ только, что слава александрійской ученой коллегіи гремѣла далеко за предѣлами Египта и что на приманку этой славы въ столицу Птоломеевъ стекались толпы любознательной молодежи со всѣхъ сторонъ,—изъ Азіи и съ европейскаго запада. Возможно, что для слушателей разныхъ возрастовъ существовали и разные курсы, такъ что, въ то время какъ самые юные ученики проходили элементы науки ¹⁾, ихъ старшіе товарищи, подъ опытнымъ руководствомъ своихъ наставниковъ, справлялись уже съ болѣе сложнымъ учебнымъ матеріаломъ. При этомъ, пови-

¹⁾ См. *Conat* op. c. p. 17.

димому, рядомъ съ дѣленіемъ на группы по возрасту существовало и дѣленіе по специальностямъ или, какъ бы мы теперь выразились, по факультетамъ: одни поступали въ музей, имѣя главнымъ образомъ въ виду изучать медицину и науки естественныя, для другихъ существенный интересъ заключался въ грамматическихъ и діалектическихъ упражненіяхъ, въ филологической критикѣ и экзегетикѣ, третьи желали заниматься преимущественно философіей и т. д. Такимъ образомъ лѣтопись этого учрежденія могла бы назвать намъ длинный рядъ именъ, изъ которыхъ одни принадлежали школѣ Каллимаха (*οἱ Καλλιμάχαιοι*) или Аристарха (*οἱ Ἀριστάρχαιοι*), другія группировались вокругъ Герофила (догматисты) или Эрасистрата (эмпирики), третьи примыкали къ Эвклиду и т. п.

Преподаваніе велось въ тѣхъ формахъ, какія успѣли установиться въ аѳинскихъ философскихъ школахъ, т. е. либо въ формѣ живой бесѣды на научныя темы, либо же, какъ это было въ обычаѣ у перипатетиковъ, учитель излагалъ свой предметъ догматически, а слушатели записывали его лекціи. Къ этому присоединялось объясненіе литературныхъ памятниковъ, съ давнихъ поръ считавшееся могущественнѣйшимъ воспитательнымъ средствомъ, такъ какъ этическое толкованіе поэтовъ должно было останавливать вниманіе юношей на общихъ вопросахъ практической морали и такимъ образомъ подготавливать ихъ къ философскимъ занятіямъ. Гомеръ, Гесіодъ, Фокилидъ, Теогнидъ и другіе представители эпоса и дидактической поэзіи служили матеріаломъ для совмѣстнаго чтенія и давали обильную пищу для самыхъ разнообразныхъ толкованій, диспутовъ и разсужденій. Можно безъ преувеличенія сказать, что эти экзегетическія упражненія возведены были учеными музея на степень основнаго предмета преподаванія и частныхъ занятій. Повидимому, устраивались даже особыя засѣданія членовъ съ цѣлью разрѣшенія общими силами разнаго рода экзегетическихъ трудностей, и оживленныя пренія затягивались нерѣдко на цѣлыя часы. Со свойственною натурѣ грека пытливостью толкователи никогда не удовлетворялись прямымъ, непосредственнымъ значеніемъ словъ, но старались отыскать въ нихъ самый глубокій, затаенный смыслъ и дать

имъ самое широкое и общее объясненіе. Вещи ничтожныя и безразличныя казались этимъ придирчивымъ критикамъ загадочными и полными сокровенныхъ намековъ, случайныя противорѣчія въ текстѣ принимались за намѣренныя и т. п. Какъ было женское имя Ахилла въ то время, когда онъ въ женской одеждѣ скрывался между дочерью Ликомеда? Отчего Гомеръ начинаетъ свою *Иліаду* словомъ «*ἔμμεν*», — словомъ, составляющимъ дурное предзнаменованіе? Какъ могъ сынъ Пріама Антифонъ, мѣтившій въ Аякса, попасть дротикомъ въ Левка, тогда какъ воины Одиссея отнюдь не могли стоять рядомъ съ воинами саламинскими? Отчего въ знаменитомъ каталогѣ кораблей Беотія поставлена на первомъ мѣстѣ? Какъ могъ Посейдонъ произвести на свѣтъ такого безобразнаго сына, какъ циклопъ Полифемъ? Какимъ образомъ голова Горгоны въ одно и то же время могла находиться въ аду и на эгидѣ Зевса? Эти и подобные вопросы считались серьезными научными проблемами, требующими подробнаго разьясненія, и вызвали горячіе дебаты. Теперь мы смѣемся надъ такими безплодными и безцѣльными умствованіями, но въ эпоху александрійской учености къ нимъ относились, какъ къ серьезному занятію. Гомеровскіе вопросы (*ζητήματα*, *ἀπορήματα*, *ἀπορίαι*) признавались оселкомъ, на которомъ можно было изощрить свои критическія способности, свой діалектическій талантъ, свою силу логическаго сужденія. Сосибій, на примѣръ, приобрѣлъ громкую извѣстность тѣмъ, что путемъ простой перестановки словъ устранилъ нѣкоторыя трудности изъ текста *Иліады*. Софистъ Зонъ съ другой стороны прославился своимъ умѣньемъ изъ ничего создавать неодолимыя критическія затрудненія и видѣть непримиримыя противорѣчія тамъ, гдѣ непредубѣжденный читатель находилъ все въ совершенномъ порядкѣ. Громоздились томы на томы, комментаріи росли не по днямъ, а по часамъ, и увлеченіе энстатическою филологіею распространялось, какъ повальная болѣзнь.

Не всѣ, впрочемъ, и въ самомъ музеѣ раздѣляли это увлеченіе. Было немало разсудительныхъ грамматиковъ, предпочитавшихъ бесполезнымъ ухищреніямъ энстатики серьезную разработку науки о языкѣ и его формахъ, о сочетаніи словъ въ

предложеніи, о слоудоареніи, объ отличіяхъ стихотворныхъ размѣровъ и проч. Они задумывались надъ тѣмъ, господствуетъ ли въ языкѣ шаткій и неопредѣленный принципъ, или же строгая послѣдовательность и закономѣрность, и для разрѣшенія этого вопроса съ неутомимымъ прилежаніемъ и изумительною настойчивостью собрали громаднѣйшій запасъ интересныхъ наблюденій. Они занялись также вопросомъ о происхожденіи челоуѣческой рѣчи, объ элементахъ слова, какъ чего-то средняго между мыслимымъ и сущимъ, и объ отношеніи слова къ мысли. Они успѣли широко разработать выставленную первоначально стойками теорію падежей, установить основныя категоріи синтаксиса и утвердить довольно удачную терминологию, перешедшую черезъ посредство римлянъ и къ намъ. Цѣлый рядъ трактатовъ лексикологическаго содержанія, изслѣдованій въ области метрики и просодіи, ученыхъ разсужденій на темы философской грамматики, сборниковъ и полемическихъ памфлетовъ былъ нагляднымъ результатомъ ученой дѣятельности этой школы «техниковъ» (τεχνικοί), какъ ихъ тогда называли.

Но не менѣе почтенны и, пожалуй, еще болѣе многочисленны были и работы «критиковъ» (κρίτικοί), — людей, посвятившихъ все свое вниманіе исправленію испорченнаго текста древнихъ литературныхъ памятниковъ и установленію правильнаго чтенія ихъ. Чтобы назвать здѣсь лишь самыя крупныя имена, укажу на труды Зенодота эфесскаго, Аристофана византійскаго, Аристарха самоеракійскаго и ихъ учениковъ. Во всеоружіи глубокаго знанія формальной стороны языка и обширныхъ антикварныхъ свѣдѣній, одушевляемые горячею любовью къ дѣлу и твердою увѣренностью въ правильности своихъ методическихъ приемовъ, эти ученые не оставили въ сторонѣ ни одного мало-мальски выдающагося поэта древности и много разъ провѣрили тексты Гомера, Гесіода, Архилоха, Анакреонта, Пиндара, главнѣйшихъ трагиковъ и комиковъ, Алкмана, Стесихора, Сапфо, Коринны и многихъ другихъ. Какъ изумительны были размѣры дѣятельности этихъ неутомимыхъ тружениковъ науки, видно напрямѣръ изъ того, что Аристарху приписывалось до 800 свитковъ однихъ ком-

ментаріевъ и что кромѣ того ему принадлежало еще изрядное количество отдѣльныхъ монографій, имѣвшихъ частью положительный, частью полемическій характеръ. Онъ оставилъ послѣ себя до сорока учениковъ, которые отличались такою же плодovitостью и съ такимъ же рвеніемъ, какъ и ихъ наставникъ, защищали принципы своей школы. Одинъ изъ послѣдователей его направленія, по имени *Дидимъ*, дѣйствовалъ уже при Цицеронѣ и былъ авторомъ болѣе 3500 отдѣльныхъ сочиненій по разнымъ вопросамъ грамматики. Со свойственною школѣ Аристарха всесторонностью онъ затронулъ все отдѣлы этой обширной дисциплины и наослѣдокъ даже самъ позабылъ многія изъ своихъ произведеній,—такъ они были разнообразны и многочисленны.

Помимо преподавательской и ученой дѣятельности, развивавшейся въ самыхъ стѣнахъ музея, многіе изъ его членовъ несли обязанности хранителей различныхъ коллекцій и смотрителей разныхъ вспомогательныхъ учрежденій, съ нимъ тѣсно связанныхъ. Къ числу такихъ учрежденій принадлежали, на примѣръ, ботаническій и зоологическій сады, анатомическій кабинетъ, обсерваторія и знаменитая библіотека.

Собственно говоря, въ Александріи было двѣ библіотеки. Одна изъ нихъ, о которой мы упоминали выше, находилась въ Врухії и отличалась колоссальными размѣрами; другая была много бѣднѣе, состояла по большей части изъ дублетовъ первой, предназначалась, вѣроятно, для практическихъ цѣлей преподаванія и занимала помѣщеніе въ Серапеумѣ, въ кварталѣ Ракотисъ. Эту малую библіотеку въ шутку называли *дочерью большой* и основаніе ея приписывали тому же правителю, просвѣщенная дѣятельность котораго оставила и въ исторіи музея яркіе и неизгладимые слѣды,—Птолемѣю II Филадельфу.

Высшій надзоръ за обоими книгохранилищами принадлежалъ, повидимому, одному и тому же лицу, которое было облечено званіемъ «библіотекаря» и назначалось изъ числа членовъ музея. Славныя имена первыхъ пяти библіотекарей свидѣтельствуютъ, что эта серьезная и отвѣтственная обязанность возлагалась обыкновенно на самыхъ блестящихъ представите-

лей александрийской учености,—на людей, соединявшихъ въ себѣ обширныя свѣдѣнія съ недюжиннымъ творческимъ талантомъ. И мы легко поймемъ это, если попытаемся опредѣлить, что требовалось отъ лица, завѣдывавшаго библіотеками Птолемеевъ.

Когда Сотеръ приступилъ къ осуществленію своихъ грандіозныхъ предначертаній и сталъ собирать манускрипты, то оказалось, что разобратся въ этихъ манускриптахъ вовсе не легко. Многіе изъ нихъ были безъ надписи, другіе—сомнительной подлинности, иные повреждены или неполны. Къ этому присоединялась зачастую наглая поддѣлка, вызываемая отчасти рвеніемъ книгособирателей, отчасти нѣкоторыми другими причинами. При томъ отсутствіи какой бы то ни было гарантіи авторскихъ правъ, которое заставляло горько жаловаться извѣстнаго греческаго врача Галена, каждый имѣлъ полную возможность не только переписать и продать чужое сочиненіе, но и пустить его въ обращеніе подъ любымъ именемъ. Стоило кому-либо пріобрѣсти литературную извѣстность и снискать расположеніе читающей публики, какъ число выпущенныхъ въ продажу сочиненій его вдругъ быстро умножалось. Подлогъ совершался тѣмъ легче, что переписчики-ремесленники были въ то же самое время и книгопродавцами. Ксенофонтъ, Платонъ, Исократъ, не говоря уже о популярныхъ поэтахъ, сдѣлались весьма рано жертвами подобной фальсификаціи, и потребно было не мало критической проницательности, чтобы очистить творенія ихъ отъ постороннихъ примѣсей, внесенныхъ недобросовѣстными промышленниками. Но не одни только коммерческія цѣли вызывали обманъ. Такъ, напримѣръ, еврейскій философъ Аристобуль, издавшій при Птолемѣ Филометорѣ обширный комментарий къ «Пятикнижію», наводнилъ свое произведеніе множествомъ подложныхъ ссылокъ на стихи Орфея, Лина, Гомера и Гесіода, но сдѣлалъ это не съ инымъ какимъ либо намѣреніемъ, какъ только для того, чтобы доказать превосходство еврейской культуры передъ греческою¹⁾.

¹⁾ *Zeller Philos. der Gr.* III, 2, 258 сл.; *Bergk Gr. Lit.* IV, 534; *Valckenauer Diatribe de Aristobulo Judaeo* (L. B. 1806).

Подобнымъ образомъ реторъ Анаксименъ изъ Лампсака, ученикъ Зоила, желая уронить въ публикѣ репутацію врага своего Теопомпа, не задумался выпустить въ свѣтъ подъ его именемъ свой собственный памфлетъ. Вообще библіофилы имѣли немало поводовъ жаловаться на недоброкачественность манускриптовъ, обращавшихся въ продажѣ, и современемъ установилось даже обыкновение, прежде чѣмъ приобрѣсти ту или другую рукопись, отдавать ее на разсмотрѣніе специалистовъ книжнаго дѣла, которымъ поручалось опредѣлить ея годность и выправить погрѣшности текста. Но и эта мѣра мало приносила пользы; произведенія, успѣвшія уже въ значительной степени пострадать отъ небрежности и невѣжества снисателей, страдали еще и отъ произвола корректоровъ.

Немудрено, стало быть, если покупатель, которому предлагали приобрѣсти рукопись, склоненъ былъ оноситься къ этого рода товару съ большимъ недоувѣріемъ. Въ числѣ безыменныхъ трактатовъ (*ὑπομνήματα ἀδέσποτα*), ходившихъ по рукамъ, было очень много цѣннаго, -- много такого, что принадлежало первокласснымъ авторамъ. Наоборотъ, свитокъ, помѣченный именемъ крупной литературной знаменитости, зачастую представлялъ собою совершенно ничтожный продуктъ беззащитной поддѣлки. Не только заурядный читатель, но и серьезный и опытный грамматикъ легко могъ при такихъ условіяхъ попасть въ просакъ, -- и тѣмъ скорѣе, что историко-литературная критика находилась даже и въ цвѣтущее время александрійской учености еще въ зачаточномъ состояніи.

Послѣднее, впрочемъ, весьма понятно. Въ цвѣтущее время, когда литературная производительность приняла широкіе размѣры, греки интересовались не столько личностью автора и тѣми внѣшними обстоятельствами, среди которыхъ возникло то или другое литературное произведеніе, сколько самимъ произведеніемъ. Впослѣдствіи же, когда пробудилась любознательность и въ этомъ направленіи, то уже естественно ощутился великій недочетъ въ фактическихъ данныхъ, и, какъ это обыкновенно бываетъ, пробѣлы стали пополняться мало достовѣрными анекдотами. Такимъ образомъ историко-литературное преданіе оказалось не только неполно, но иногда просто на-

просто ложно, — особенно тамъ, гдѣ оно касалось классическаго періода литературы. Къ этому присоединялась шаткость хронологіи. Достоверно, что въ хронологіи классическихъ произведеній своей литературы греки были столь же мало свѣдущи, какъ и мы. Документальныя свидѣтельства существовали только для аттической драмы и отчасти для мелическихъ поэтовъ; что же касается прозы, то въ этой области уже александрійцы, подобно намъ, опредѣляли время лишь гадательно. Да, впрочемъ, методическихъ изслѣдованій въ этомъ направленіи собственно и не могло быть до тѣхъ поръ, пока не возникли обширныя публичныя библіотеки и произведенія греческой литературы не стали доступны для многихъ. А въ дѣлѣ устройства публичныхъ библіотекъ начинъ былъ сдѣланъ только въ третьемъ до-христіанскомъ столѣтіи.

Починъ этотъ, какъ мы знаемъ, принадлежалъ Сотеру. Но ни онъ самъ, ни его ученый сотрудникъ Деметрій фалерскій, разумѣется, не въ состояніи были справиться съ такою задачею безъ привлеченія другихъ ученыхъ силъ, и вотъ на долю грамматика Зенодота и поэтовъ Александра этольскаго и Ликофрона выпала трудная работа разсортировать собранный въ царскихъ кладовыхъ рукописный матеріалъ, опредѣлить авторство для безыменныхъ манускриптовъ, оцѣнить подлинность произведеній, отмѣченныхъ знакомыми именами, и расположить всю коллекцію въ удобномъ для обозрѣнія и для пользованія порядкѣ.

Работа эта была не подъ силу одному поколѣнію. Она переходила по наслѣдству отъ одного библіотекаря къ другому и медленно подвигалась впередъ при участіи цѣлой фаланги прилежныхъ грамматиковъ. Она требовала множества побочныхъ экскурсій, справокъ и частныхъ изслѣдованій. Она опиралась на длинный рядъ подготовительныхъ этюдовъ, и знаменитые „Списки“ Каллимаха объединили лишь небольшую часть ея и далеко не выразили собою полный ея итогъ.

Каллимаховы „Списки“ (πίνακες) представляли монументальный трудъ полу-историческаго, полу-библіографическаго характера. Это былъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ вкладовъ, сдѣланныхъ александрійскимъ музеемъ въ сокровищницу чело-вѣ-

ческихъ знаній. Если всей суммой нашихъ свѣдѣній по части внѣшней исторіи греческой литературы мы обязаны тому научному движенію, которое развилось въ школѣ Аристотеля и мало-по-малу увлекло прочихъ ученыхъ, то замѣчательнѣйшимъ продуктомъ этого движенія слѣдуетъ считать александрійскіе «Списки». Важнѣйшіе источники наши, какъ-то: словари Гарпократіона, Свида, Гесихія, Фотія, паросская хроника, хроника Евсевія, спеціальныя трактаты въ родѣ псевдо-плутарховыхъ «біографій десяти ораторовъ» (βίοι τῶν δέκα ῥητόρων) или извѣстной книги Діогена лаэртскаго, — все это восходитъ, какъ къ своему первоисточнику, къ тѣмъ даннымъ, которыя были собраны Каллимахомъ въ его «Спискахъ» и потомъ дополнены и обработаны его учениками (οἱ Καλλιμάχειοι).

Каллимахъ былъ родомъ изъ Кирены и стоялъ послѣ Зенодота во главѣ александрійскихъ библіотекъ. Онъ воплощалъ въ себѣ типъ полиграфа того времени, и не было предмета, о которомъ бы онъ не писалъ стихами или прозою. Какъ поэтъ, онъ не былъ гениемъ, но все же и не былъ совершенно бездаренъ. Онъ отличался удачнымъ выборомъ темъ, гладкостью и изяществомъ стиха, умѣньемъ при богатствѣ и разнообразіи содержанія придать своему произведенію небольшіе размѣры, и въ римскія времена считался образцомъ, — особенно въ элегическомъ родѣ. Но больше всего писалъ онъ прозою, и одни его «Списки» состояли изъ 120 книгъ. Это былъ, такъ сказать, толковый каталогъ (catalogue raisonné) александрійской библіотеки, представлявшій первую въ исторіи попытку систематическаго распредѣленія всѣхъ наличныхъ произведеній греческой литературы по родамъ ея, — другими словами, историко-литературный конспектъ, составленный по идиографическому методу. Онъ распадался на пять отдѣловъ, въ которыхъ были перечислены поэты, историки, философы, ораторы и авторы сочиненій смѣшаннаго содержанія (παντοδαπὰ συγγραμματα). Подъ каждымъ произведеніемъ отмѣчалось полное его заглавіе, начальныя и послѣднія его слова, число строкъ, или стиховъ, счетъ которыхъ замѣнялъ для грековъ нашъ счетъ по страницамъ, имя дѣйствительнаго или предполагаемаго автора, краткое содержаніе и, вѣроятно, также біографи-

ческія свѣдѣнія о писателѣ и его дѣятельности. Если принять во вниманіе, что во времена Каллимаха бібліотека въ Брухіи, не считая дублетовъ, заключала въ себѣ уже до 90.000 названий, то можно составить приблизительное ионятіе о колоссальности этого удивительнаго труда, не перестававшаго служить предметомъ изученія для послѣдующихъ поколѣній.

«Списки» Каллимаха были пополняемы и поправляемы его многочисленными учениками, — Аристофаномъ византійскимъ, Каллистратомъ, Гермиппомъ смирнскимъ и др. Они вызвали съ другой стороны подражаніе и въ Пергамѣ, гдѣ пинакографическая дѣятельность развилась въ школѣ Кратета. Они послужили надежною опорою для частныхъ изысканій историко-литературнаго характера и составили ту почву, на которой созрѣли лучшіе плоды греческой біографіи.

Мы должны были бы расширить свою статью на цѣлыя томы, если бы пожелали обозрѣть другіе ученые труды, возникшіе подъ кровлею александрійскаго музея. Это учрежденіе существовало и дѣйствовало въ теченіе слишкомъ полутысячелѣтія и даже въ пору упадка и зануствѣнія не вполне утратило еще все обаяніе прежней славы. Въ годину борьбы отжившихъ, разлагающихся началъ античной жизни съ новыми, христіанскими вѣяніями здѣсь продолжала кипѣть неустанная работа мысли, и, когда христіанство было возведено на степень государственной религіи, сила традиціи оказалась настолько неокрушимою, что и ученость христіанская утвердилась здѣсь же, въ Александріи, сохранившей за собою всѣми признанную репутацію всемірнаго культурнаго центра.

Первый ударъ цвѣтущему состоянію музея былъ нанесенъ Птолемеемъ VII (около 145 г. до Р. Х.), дикимъ и жестокимъ тираномъ. Рядомъ безсмысленныхъ и несправедливыхъ казней онъ произвелъ такую панику въ стѣнахъ ученаго учрежденія, что началось повальное бѣгство его членовъ изъ Александріи. Грамматики, философы, математики, музыканты, живописцы, медики, профессора наводнили острова Средиземья и греческій континентъ и подъ гнетомъ нужды стали продавать свои знанія по самой дешевой цѣнѣ. Правда, со смертію гонителя музей снова заселился; но прошло столѣтіе, и надъ

нимъ стряслась опять бѣда. Въ Александрію явились римскія войска. Произошелъ мятежь черни; корабли римлянъ, стоявшіе въ гавани, были сожжены; огонь перешелъ на корабельныя верфи и хлѣбныя магазины и охватилъ зданіе бібліотеки, въ которой тогда насчитывалось уже до 700 т. свитковъ. Больше половины этихъ сокровищъ погибло въ пламени. Когда въ послѣдствіи Антоній возмѣстилъ убыль на счетъ пергамской бібліотеки, то онъ все же не могъ пополнить всѣхъ потерь, и многія рѣдкости исчезли безвозвратно. Въ послѣдствіи подобно Антонию Августъ также обнаружилъ интересъ къ великому созданію Птолемеевъ и сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы книги хранились отнынѣ въ помѣщеніяхъ выстроеннаго въ его честь рядомъ съ музеемъ святилища, -- *Себастья*. Но преемники Августа не раздѣляли его заботъ объ александрійскомъ книгохранилищѣ, какъ равно и о прочихъ воспитательныхъ и ученыхъ учрежденіяхъ египетской столицы. Лишь при Адрианѣ музей пользовался короткимъ временемъ высочайшаго покровительства и процвѣтанія. Аврелианъ разорилъ до основанія весь Брухій (въ 273 г. послѣ Р. Х.), и ученая коллегія этого квартала съ печальными остатками бібліотеки перекочевала къ Серапеуму, который унаслѣдовалъ отъ музея его славу и его членовъ и оставался любимую резиденціею дѣятелей науки вплоть до византійскихъ временъ.

Остатки рукописныхъ коллекцій, собранныхъ въ Александрію, уцѣлѣли, говорятъ, до 642 года, когда полководецъ Омара Амру-бенъ-Абасъ отдалъ приказъ топить этимъ бесполезнымъ на его взглядъ хламомъ общественныя бани. Правда, это не болѣе, какъ легенда. Но, если и дѣйствительно при нашествіи арабовъ александрійская бібліотека погибла, то врядъ ли стоитъ о томъ особенно сожалѣть: произведенія, которыя могла еще тогда хранить Александрія, успѣли уже распространиться въ тысячѣ списковъ и безъ сомнѣнія находились также и въ Аѳинахъ, и въ Римѣ, и въ Константинополѣ.

А. Деревницкій.

О БЛАГОДѢЯНІЯХЪ

(«De Beneficiis»).

Л. Аннея Сенеки къ Эбуцію Либералію.

(Продолженіе *).

КНИГА ІV.

Глава 33.

Итакъ, иногда я буду давать нѣчто и человѣку неблагодарному, но не ради него самого. «А если, говоритъ (Эпикуреецъ), ты не знаешь: благодаренъ онъ или неблагодаренъ, то будешь дожидаться, пока узнаешь, или не станешь опускать времени оказать благодареніе? Ждать долго, ибо, какъ говоритъ Платонъ, трудно знать человѣческія мысли; не ждать безразсудно».

На это мы ¹⁾ ему отвѣтимъ, что никогда не надѣемся на

*) См. ж. «Вѣра Разумъ» 1890 г. № 17.

¹⁾ Мн.—разум. Стоики, по ученію которыхъ источникомъ наиболѣе достовѣрнаго познанія о всѣхъ признавались чувственные воспріятія (*κατάληψεις*, *comprehensiones*). Впечатлѣнія, возбужденныя въ нашихъ чувствахъ внѣшними предметами (*φαντασίαι κατάληπτικαί*), по ихъ мнѣнію, самымъ точнымъ образомъ соотвѣтствуютъ находящимся внѣ насъ вещамъ и точно сообщаютъ намъ ихъ свойства. Cic. Acad. I, II, 42; Fin. III, 10, 33.

Не меньшую степень достовѣрности, однако, приписывали они и тѣмъ положеніямъ, которыя выведены изъ первоначальнаго матеріала нашего познанія, т. е. чувственныхъ воспріятій, отчасти посредствомъ природной силы мышленія, отчасти чрезъ научныя доказательства. Что касается ученія Стоической школы о критеріѣ достовѣрности, то здѣсь наблюдается нѣкоторое противорѣчіе. Съ одной стороны достовѣрность чувственныхъ воспріятій и общихъ понятій, образованныхъ путемъ естественнаго мышленія (*λογιστὰ ἔννοια*), опредѣляется присущею имъ внутреннею, непосредственною силою убѣдительности для нашего сознанія. Напротивъ, общія понятія и положенія, образованныя искусственнымъ способомъ, приоб-

достовернѣйшее воспріятіе вещей, такъ какъ познаваніе истины относится къ числу трудностей, но идемъ тѣмъ путемъ, которымъ ведетъ насъ подобіе истины. Этимъ путемъ идетъ всякое дѣло. Такъ мы сѣемъ, такъ плаваемъ по морю, такъ женимся, такъ воспитываемъ дѣтей. Поелику исходъ всего этого неизвѣстенъ, то мы приступаемъ къ тому, относительно чего, по нашему убѣжденію, слѣдуетъ питать хорошія надежды. Ибо кто обѣщаетъ сѣятелю всходъ, мореплавателю пристань, мужу цѣломудренную жену, отцу почтительныхъ дѣтей? Мы слѣдуемъ путемъ, по которому ведетъ насъ разумъ, а не истина ¹⁾. Выжидай, дабы не дѣлать ничего кромѣ того, что обѣщаетъ хорошій исходъ, и ничего не предпринимать, не открывъ истины. и, по прекращеніи всякаго движенія, жизнь остановится. Такъ какъ вѣроятное, а не истинное побуждаетъ меня къ тому или другому дѣлу, то я и стану оказывать благодареніе такому человѣку, относительно котораго будетъ вѣроятнымъ, что онъ окажется благодаренъ.

Глава 34.

«Много, говоритъ Эпикуреецъ, будетъ случаться такого, благодаря чему и худой сойдетъ за хорошаго и хорошій не понравится вмѣсто худого, ибо обманчивы бываютъ тѣ внѣшніе признаки вещей, которымъ мы довѣряемъ».

Кто это отрицаетъ? Но я не нахожу ничего иного, чѣмъ бы сталъ руководиться въ своемъ сужденіи. Мнѣ надобно слѣдо-

рѣтаютъ силу достоверности только при помощи научнаго доказательства. Этому послѣднему иногда приписывается даже большая степень убѣдительности, чѣмъ непосредственному чувству. (Zeller. Philosophie der Griechen. III Th. s. 76).

Доказывая возможность воспріятія вещей, Стоики, въ то же время, утверждали, что знаніе въ собственномъ смыслѣ, полное и совершенное, можетъ быть доступно только совершенному мудрецу, а не обыкновеннымъ людямъ. «Истина неприкровенная, учить Сенека (ер. 135, 6), пребываетъ только горѣ (in alto); она прельще насъ (ер. 65, 10); познаніе ея достигается послѣдовательными усиліями цѣлаго ряда поколѣній: «patet omnibus veritas, nondum est occupata» (Ер. 33, 11).

¹⁾ „*Sequitur qua ratio, non qua veritas trahit*“, т. е. въ своихъ дѣйствіяхъ мы руководимся предположеніями и соображеніями разсудка, а не очевиднымъ и непосредственнымъ созерцаніемъ истины. О различіи между истиннымъ и вѣроятнымъ Сенека, между прочимъ, разсуждаетъ въ ер. 118.

вать истинѣ по этимъ слѣдамъ; болѣе вѣрныхъ у меня нѣтъ. Буду стараться какъ можно тщательнѣе ихъ обсуждать и не стану скоро съ ними соглашаться. Вѣдь такимъ же образомъ и въ битвѣ можетъ случиться, что моя рука, обманутая какимъ-либо образомъ, направитъ копье въ свое же войско, а врага пощажу какъ своего, но это рѣдко будетъ случаться и не по моей винѣ: мое намѣреніе поражать врага и защищать согражданина. Если я буду знать, что (лицо, которому желаю сдѣлать благодѣяніе) неблагодарно, то не окажу благодѣянія.

«Но (положимъ) этотъ человѣкъ прокрался, обманулъ». Здѣсь нѣтъ никакой вины (благодотворителя), потому что онъ далъ какъ бы благодарному. «А если, говоритъ (Эпикурецъ), ты обѣщаешь сдѣлать благодѣяніе, и послѣ того узнаешь, что это лицо неблагодарно, то сдѣлаешь или нѣтъ?—если дѣлаешь это, то сознательно погрѣшаешь, потому что даешь, кому не долженъ давать; если отказываешь, — и въ этомъ случаѣ погрѣшаешь, потому что не даешь тому, кому обѣщаль. Въ этомъ мѣстѣ оказывается несостоятельнымъ ваше постоянство ¹⁾ и гордое обѣщаніе, что мудрецъ никогда не станетъ раскаиваться въ своемъ поступкѣ, никогда не станетъ исправлять того, что сдѣлалъ, и перемѣнять своего намѣренія». Мудрецъ не измѣняетъ своего намѣренія, когда остается все, что было въ тотъ моментъ, когда онъ предпринималъ его. Вслѣдствіе этого никогда не находитъ на него раскаяніе, потому что ничего не могло быть въ то время сдѣлано лучше того, что было сдѣлано: «я ничего не устроилъ лучше того, что устроено». Впрочемъ мудрецъ ко всему будетъ приступать съ ограниченіемъ (такого рода): «если ничего не случится, что можетъ помѣшать (предпріятію)». Поэтому мы утверждаемъ, что у него все идетъ благополучно и ничего не совершается вопреки

¹⁾ „Constantia vestra“, какъ читаютъ *Ruhkopf* и *Nisard*. У *Haase* читаемъ: «conscientia vestra», у *Липсіуса*: «secta vestra». Первое чтеніе можно предпочесть потому, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ относительно ученія Стоиковъ о постоянствѣ, какимъ долженъ отличаться мудрецъ въ своихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ. Нашъ философъ оправдываетъ свою школу отъ обвиненія въ томъ, что она не остается вѣрною своему идеалу неизмѣнности и постоянства. (Сар. XXX V, 2).

его ожиданію, потому что онъ заранѣе предполагаетъ въ душѣ возможность чего-нибудь такого, что можетъ помѣшать достиженію цѣли. Только людямъ безразсуднымъ свойственно обѣщать себѣ счастье: мудрецъ представляетъ ту и другую сторону его. Онъ знаетъ, сколько представляется возможности ошибокъ, какъ непрочно (все) человѣческое и какъ много можетъ явиться препятствій его предпріятіямъ. Онъ съ готовностію слѣдуетъ невѣрной и обманчивой участи и съ опредѣленными намѣреніями слѣдуетъ къ неопредѣленнымъ результатамъ. А та условность, безъ которой онъ не предпринимаетъ никакого намѣренія и ни къ чему не приступаетъ,— и здѣсь предохраняетъ его.

Глава 35.

Я обѣщаль оказать благодѣяніе, если не приключится чего-либо такого, по чему мнѣ нельзя будетъ его оказать. Въ самомъ дѣлѣ—что, если отечество мнѣ прикажетъ отдать ему то, что я обѣщаль этому человѣку? Если будетъ изданъ законъ, чтобы никто не дѣлалъ того, что я обѣщаль сдѣлать для своего друга? Я обѣщаль выдать за тебя дочь, а ты послѣ оказался человѣкомъ пришлымъ: мнѣ нельзя допустить брака съ чужестранцемъ ¹⁾. Меня защищаетъ то самое об-

1) *Non est mihi cum externo connubium*. Бракъ у Римлянъ, какъ извѣстно, былъ двухъ родовъ: «*matrimonium justum*», законный гражданскій бракъ, и «*matrimonium injustum*» признававшійся лишь на основаніи «*jus gentium*» (международнаго права) между Римлянами и чужестранцами. Долгое время „*matrimonium justum*“ могъ быть заключаемъ только между Римскими гражданами: чужестранцы же (*peregrini*) недопускались ко вступленію въ законный бракъ съ Римскими гражданами. Вообще «*peregrini*», какъ извѣстно, въ Римѣ были отстранены отъ участія въ государственныхъ должностяхъ и гражданскихъ привилегіяхъ. Но послѣ того, какъ импер. Каракалла всѣхъ свободныхъ обитателей Римской имперіи объявилъ гражданами, число такъ называемой «*peregrini*» значительно уменьшилось. Позволеніе Римлянамъ вступать въ бракъ съ чужестранцами также дано было уже послѣ Сенеки.

Что касается самого Сенеки, то хотя онъ и былъ родомъ изъ Кордовы, т. е. былъ колонистъ, а не природный Римлянинъ, но тѣмъ не менѣе онъ пользовался, какъ извѣстно, всѣми правами и привилегіями Римскаго гражданина. Это объясняютъ тѣмъ, что Кордова была «*colonia patricia*», выходцы которой могли пользоваться различными правами. (Plin. N. H. III, 1).

стоятельство, которое препятствуетъ (дѣлать это). Только тогда я обману довѣріе, только тогда выслушаю обвиненіе въ непостоянствѣ, когда не выполню своего обѣщанія, не смотря на то, что все будетъ оставаться въ томъ же положеніи, въ какомъ было въ то время, когда обѣщаль. Въ противномъ случаѣ все, что измѣняется, предоставляетъ свободу предпринимать новое рѣшеніе и освобождаетъ отъ даннаго слова.

Я обѣщаль защиту на судѣ, но впоследствии оказалось, что этимъ процессомъ предъявляется судебный искъ къ моему отцу.

Я обѣщаль отправиться вмѣстѣ за-границу, но приходитъ извѣстіе, что путь опасенъ вслѣдствіе грабежей. Я имѣлъ намѣреніе придти для личнаго присутствія по дѣлу ¹⁾, но (меня) удерживаетъ болѣзнь сына, разрѣшеніе отъ бремени жены.

Чтобы ты сохранилъ довѣріе обѣщающаго, все должно оставаться въ томъ же положеніи, въ какомъ было въ то время, когда я обѣщаль. А что можетъ быть важнѣе той перемѣны, когда я открылъ въ тебѣ дурного и неблагодарного человѣка? Что я давалъ какъ достойному, въ томъ откажу недостойному, и притомъ еще, обманутый, буду имѣть поводъ гнѣваться.

Глава 36.

Однако я стану обращать вниманіе и на то, какова цѣнность того, о чемъ идетъ дѣло: размѣръ обѣщаннаго предмета подастъ мнѣ совѣтъ. Если этотъ предметъ ничтоженъ, то дамъ его,—не потому, что ты достоинъ, но потому, что я обѣщаль. И (при томъ) дамъ не какъ даръ, но буду этимъ искупать свои слова и (такъ сказать) дергать себя за ухо ²⁾. Убыткомъ

¹⁾ „*In rem praesentem venturus fui*“. Обыкновенно выраженіе: «in rem praesentem venire» употреблялось о явѣ для самоличнаго осмотра той мѣстности, изъ-за которой шла тяжба. Но здѣсь, очевидно, это выраженіе употреблено въ примѣненіи къ юрисконсульту или адвокату, который обѣщаетъ своему клиенту или другу защищать на судѣ его дѣло и не исполняетъ своего обѣщанія. Rubsopf.

²⁾ „*Aurem mihi percellam*“,—т. е. напомнить себѣ—быть осторожнѣе на будущее время. У древнихъ Римлянъ, какъ извѣстно, былъ обычай въ извѣстныхъ случаяхъ дергать за ухо лицъ, вызвавшихся быть свидѣтелями на судѣ, при чемъ произносилась обычная юридическая формула. Прикосновеніемъ къ уху желали

я накажу безразсудство обѣщающаго: «вотъ,—(скажу),—чтобы тебѣ было больно, чтобы ты былъ осторожнѣе въ своихъ словахъ, я и отдамъ то, что обыкновенно зовется «пошлиною за языкъ»¹⁾).

Если же (обѣщанный предметъ) будетъ большаго достоинства, то я не допущу того, чтобы, по выраженію Мецената,— «быть наказану на сто тысячъ сестерцій», ибо я стану сравнивать между собою то и другое: есть нѣкоторая важность въ томъ, чтобы оставаться постояннымъ въ своемъ обѣщаніи, но, въ свою очередь, — большая важность и въ томъ, чтобы не дѣлать благодѣянія недостойному. Однако надобно обращать вниманіе на то, какой цѣнности это благодѣяніе: если оно незначительно, то станемъ смотрѣть сквозь пальцы,—если же оно можетъ послужить мнѣ къ великому ущербу или позору, то я предпочитаю лучше разъ извиниться въ своемъ отказѣ, чѣмъ всегда извиняться въ своемъ подаваніи.

Вся важность, говорю, въ томъ, какого рода обѣщанія касаются мои слова. Я не только стану удерживать то, что недобдуманно пообѣщаль, но буду требовать назадъ и то, что несправедливо далъ. Безразсуденъ тотъ, кто остается вѣренъ своему заблужденію.

Глава 37.

У Филиппа, царя Македонскаго, былъ одинъ воинъ, храбрый въ дѣлѣ. Испытавъ во многихъ походахъ пользу отъ его услугъ, царь немедленно дарилъ его за храбрость чѣмъ-нибудь изъ военной добычи, и частыми наградами возбуждалъ пылъ въ этомъ человѣкѣ, обладавшемъ продажною душою. Разъ этотъ послѣдній, потерпѣвъ кораблекрушеніе, былъ выброшенъ во владѣнія одного македонянина. Тотъ прибѣжалъ, какъ только было получено извѣстіе объ этомъ, возвратилъ его къ жизни, перенесъ въ свою вилу, уступилъ свое ложе,

какъ бы пробудить память, ибо «est in aure ima memoriae locus, quam tangentes antestamur»,—говоритъ Плиній (Plin. N. N. XI, 45) Сравни. Virgil. Eclog. VI, 4.

¹⁾ „Linguarium“—т. е. какъ бы денежный взносъ за болтливость, — подобный взносамъ, которые платились за приложеніе печатей (segarium) и под.

укрѣпилъ его, ослабленнаго и полуживого, тридцать дней лѣчилъ на свои средства, возстановилъ его здоровье и снабдилъ деньгами на дорогу. Тотъ ушелъ со словами: «я отблагодарю тебя: только бы мнѣ увидать своего государя».

По возвращеніи онъ разсказалъ Филиппу о своемъ кораблекрушеніи, но умолчалъ объ оказанной ему помощи и, въ то же время, упросилъ его подарить себѣ имѣніе одного человека. А этотъ человекъ и былъ именно тотъ самый гостепріимный хозяинъ, который принялъ и вылѣчилъ его. Но цари много даровъ, въ особенности во время войны, раздають съ закрытыми глазами. Недостаточно одного справедливаго человека (для противодѣйствія) столькимъ вооруженнымъ страстямъ.

«Никто не можетъ въ одно и то же время быть и хорошимъ человекомъ и хорошимъ полководцемъ. Какимъ образомъ насытятся столько тысячъ ненасытныхъ людей? Что они будутъ имѣть, если каждый будетъ владѣть только своимъ?» — Такъ говорилъ самъ себѣ Филиппъ, когда давалъ приказаніе ввести этого человека во владѣніе тѣмъ имѣніемъ, котораго онъ просилъ. Но изгнанный изъ своего владѣнія не снесъ обиды безмолвно, какъ сноситъ крестьянинъ, довольный тѣмъ, что и самъ не былъ отданъ въ подарокъ; онъ написалъ Филиппу краткое и благородное письмо. Получивъ это письмо, тотъ до такой степени воспламенился гнѣвомъ, что немедленно далъ приказаніе Павзанію — возвратитъ имѣніе его прежнему владѣльцу, а безчестному воину, неблагодарному гостю, алчному человеку, спасенному отъ кораблекрушенія, приказалъ начертать на челѣ письма, свидѣтельствующія о томъ, что онъ — человекъ неблагодарный ¹⁾. Правда, — кто выгналъ своего гостепріимнаго хозяина въ видѣ обнаженнаго и потерпѣвшаго кораблекрушеніе человека, выгналъ на тотъ берегъ, гдѣ ранѣ лежалъ самъ, тотъ былъ достоинъ не только того, чтобы на немъ были написаны, но даже — вырѣзаны эти слова. Но мы станемъ смотрѣть, какую степень наказанія надоб-

¹⁾ *Stigmata* — слова и знаки, которые въ древности имѣли обыкновеніе выжигать на лбу или другой части тѣла преступниковъ и бѣглыхъ рабовъ.

но было сохранить: главнымъ образомъ надобно было отнять то, чѣмъ онъ овладѣлъ при помощи величайшаго преступленія. На кого, въ самомъ дѣлѣ, подѣйствовало бы наказаніе человѣка, совершившаго такое преступленіе, вслѣдствіе коего никто не сталъ бы оказывать состраданія несчастнымъ? ¹⁾).

Глава 38.

Станетъ ли дарить тебѣ Филиппъ ²⁾ ради того только, что обѣщаль, хотя и не долженъ (этого дѣлать), хотя знаетъ, что причинить обиду и даже преступленіе, что однимъ этимъ поступкомъ запретъ морскіе берега потерпѣвшимъ кораблекрушеніе?—Уклоняться отъ заблужденія, когда оно сознано и осуждено, — не легкомысліе; надобно благородно сознаваться: «я думалъ иначе: меня обманули». Только надменной глупости свойственно такого рода упорство: «что я разъ сказалъ,— пусть будетъ твердо и рѣшено, каково бы оно ни было». Нѣтъ стыда съ переменною положенія дѣла перемѣнять и намѣреніе. Вѣдь, если бы Филиппъ оставилъ этого человѣка владѣльцемъ тѣхъ береговъ, которыми тотъ овладѣлъ благодаря кораблекрушенію, то развѣ тѣмъ самымъ не воспрепятствовалъ бы всѣмъ несчастнымъ пользоваться водою и огнемъ?» ³⁾).

«Лучше бы, говорить (Филиппъ), тебѣ въ предѣлахъ моего царства носить на своемъ безстыдномъ лицѣ эти письма начертанными на самыхъ очахъ. Свидѣтельствуй этимъ, какая священная вещь—трапеза гостепріимства. Предлагай на лицѣ своемъ для прочтенія декретъ, предохраняющій отъ того, чтобы принятіе несчастныхъ подъ кровъ не становилось уго-

¹⁾ Нашъ философъ не одобряетъ наказанія, употребленнаго Филиппомъ. Въ данномъ случаѣ онъ вполне послѣдователенъ въ вѣренъ самому себѣ, такъ какъ, отрицая необходимость суда надъ неблагодарнымъ, отрицаетъ и необходимость возмездія за неблагодарность. См. *De benef. Lib. III, ss. VI—XIV.*

²⁾ «Подарить ли тебѣ и т. д.» — разумѣется: если будешь такимъ же неблагодарнымъ, какъ тотъ человѣкъ, о которомъ шла рѣчь. Вопросительная форма—одинъ изъ обычныхъ риторическихъ приемовъ Сенеки.

³⁾ Смыслъ такой: поощреніе неблагодарныхъ, подобныхъ описанному выше злодѣю, заставило бы людей, изъ опасенія подвергнуться участи гостепріимнаго хозяина, отказывать несчастнымъ даже въ просьбѣ одолжить воды или огня.

ловнымъ преступленіемъ. Это постановленіе такимъ образомъ будетъ имѣть болѣе твердости, чѣмъ если бы я вырѣзалъ его на камень».

ГЛАВА 39.

«Но почему же,—возражаетъ Эпикуреецъ,—когда вашъ Зенонъ обѣщаль кому-то займы пятьсотъ динаріевъ и узналъ, что тотъ мало этого достоинъ, то остался твердымъ въ своемъ намѣреніи ссудить его, потому что обѣщаль, хотя друзья и убѣждали не давать?»

Прежде всего, кредитъ находится въ однихъ условіяхъ, а благодѣяніе въ другихъ. За деньги, хотя бы онѣ и неудачно были повѣрены,—полагается судебное взысканіе; я могу въ известный день вызвать должника въ судъ и если (его иму щество) пойдетъ съ аукціона, то я получу свою часть; благодѣяніе же пропадаетъ все цѣликомъ и немедленно. Кромѣ того, это свойственно дурному человѣку, а то — дурному отцу семейства. Да и Зенонъ, далѣе, не остался бы при своемъ намѣреніи ссудить въ долгъ, если бы сумма была больше. А пятьсотъ динаріевъ—такая вещь, о которой обыкновенно говорятъ: «пусть истратитъ въ болѣзни». Изъ-за такой суммы не стоило измѣнять своего обѣщанія. Я пойду на обѣдъ, потому что это обѣщаль, хотя и будетъ холодно; однако не пойду, если будетъ снѣгъ. Я встану для присутствія при обрученіи, потому что обѣщаль, хотя не переварилъ (пищи), но не встану, если у меня будетъ лихорадка. Я пойду для заключенія контракта, какъ скоро это обѣщаль, но не пойду, если велишь мнѣ заключать контрактъ относительно чего-нибудь невѣрнаго, если свяжешь обязательствомъ съ казною.

Безъ словъ, говорю, подразумѣвается такое условіе: «если буду въ состояніи, если буду долженъ (такъ поступить), если это будетъ находиться въ такомъ (именно) положеніи. Сдѣлай такъ, чтобы то положеніе (въ какомъ я нахожусь), когда (у меня) требуютъ, было такимъ же, какимъ оно было во время моего обѣщанія, и неисполненіе его (съ моей стороны) будетъ легкомысліемъ. Если же привзошло что-нибудь новое, то чему удивляешься, какъ скоро, вмѣстѣ съ перемѣною состоянія обѣ-

щающаго, перемѣнилось и (его) намѣреніе? Предоставь мнѣ все находящимся въ такомъ же положеніи, (въ какомъ оно находилось прежде), и я остаюсь тѣмъ же. Мы даемъ обѣщаніе явиться въ судъ, однако (иногда) оставляемъ его безъ исполненія; тѣмъ не менѣе не всѣхъ нерадивыхъ подвергаютъ судебному взысканію: превосмогающая сила извиняетъ (отсутствіе).

Глава 40.

Тотъ же самый отвѣтъ прими въ соображеніе и при разрѣшеніи вопроса о томъ, всякимъ ли способомъ надлежитъ воздавать благодарность и всякія ли средства пригодны для обратнаго возвращенія благодаренія? Я долженъ явить благодарность въ душѣ своей, но (матеріальнаго) проявленія благодарности иногда не дозволяетъ мое несчастіе, иногда счастье того, кому я обязанъ. Въ самомъ дѣлѣ—что я воздамъ царю, что воздамъ богачу, будучи бѣднякомъ? и особенно въ томъ случаѣ, когда иные считаютъ возвращеніе своихъ благотвореній обидою и одни благодаренія немедленно обременяютъ другими?

Что болѣе могу я со своей стороны сдѣлать въ отношеніи къ такимъ лицамъ, какъ не ограничиться только благожеланіемъ? Да и не обязанъ я, въ самомъ дѣлѣ, отвергать новое благодареніе благодаря тому только, что не возвратилъ прежняго. Стану принимать милости съ такою же охотою, съ какою ихъ будутъ оказывать, и предоставлю своему другу въ лицѣ моемъ матеріаль, воспріимчивый къ проявленію его благотворительности. Кто не желаетъ принимать новыхъ благодареній, тотъ, очевидно, чувствуетъ оскорбленіе отъ полученныхъ.

Я не приношу (матеріальнаго проявленія) своей благодарности, но что за важность? Если мнѣ не представляется удобнаго случая или возможности, то замедленіе происходитъ уже не по моей винѣ. Онъ оказалъ мнѣ (услугу) очевидно тогда, когда имѣлъ удобный случай и возможность.

Не считаю нужнымъ поступать и такимъ образомъ, чтобы снѣшить воздаяніемъ благодарности противъ желанія тѣхъ, кому она воздается, и упорствовать, не смотря на ихъ отказъ: возвращать вопреки желанію то, что ты съ охотою принялъ, не значитъ воздавать благодарности.

Иные, какъ только имъ посланъ какой-нибудь ничтожный подарокъ, немедленно возвращаютъ взамѣнъ его что-нибудь другое, не соображаясь со временемъ, и свидѣтельствуютъ, что они ничѣмъ не обязаны. Но немедленное доставленіе взамѣнъ подарка чего-нибудь другого и уплата за даръ даромъ есть въ своемъ родѣ отклоненіе.

Иногда я не стану возвращать благодаренія и въ томъ случаѣ, когда могу (это сдѣлать). Когда же именно? Это въ томъ случаѣ, когда мнѣ будетъ угрожать опасность болѣе потерять самому, чѣмъ принести пользы благодѣтелю; когда этотъ послѣдній, по моему предположенію, не почувствуетъ никакой прибыли отъ полученія того, при возвращеніи чего я могу понести большой убытокъ. Кто спѣшитъ всевозможнымъ способомъ возвратитъ, у того настроеніе свойственное не благодарному человѣку, а должнику, и, говоря кратко, кто чрезмѣрно старается уплатить долгъ, тотъ съ неохотою сознаетъ себя должникомъ, а кто съ неохотою сознаетъ это, тотъ неблагодаренъ.

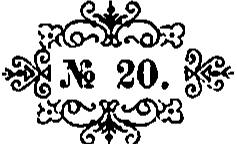
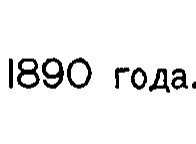
* * *

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Октября № 20. 1890 года.

Содержаніе. Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Правленіе Семинаріи, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, имѣетъ честь выразить глубочайшую благодарность о. благочинному 1-го Купянскаго округа Василю Попову за его щедрое приношеніе, заключающееся въ 5⁰/₁₀₀ 150 рублевомъ билетѣ Государственнаго Банка, на устройство общежитія при Харьковской Семинаріи, а также о. протоіерею слободы Алексѣевки 1-го округа Старобѣльскаго уѣзда, Георгію Попову, изъявившему на торжествѣ освященія новаго зданія для Купянскаго духовнаго училища желаніе сдѣлать еще болѣе значительное пожертвованіе на тотъ же предметъ, когда дѣлу будетъ положено прочное начало. Теперь, по распоряженію Высокопреосвященнѣйшаго Владыки нашего, окончательно рѣшено сдѣлать каменную трехъ-этажную пристройку къ главному семинарскому корпусу для помѣщенія 120 учениковъ Семинаріи, для которыхъ не оказывается удобнаго помѣщенія въ существующемъ корпусѣ, и поручено епархіальному архитектору В. Х. Нѣмкину безъ промедленія составить планъ и смѣту, чтобы наступающею зимою можно было заготовить необходимыя для постройки матеріалы, а весною приступить къ самой строительствѣ. Изысканы, по милости Владыки, и весьма значительныя средства на сей предметъ, но не вполне достаточныя для своей цѣли.

Извѣщая о семъ духовенство Харьковской Епархіи, Правленіе Семинаріи убѣдительно проситъ оное, преимущественно же ду-

ховенство Ахтырскаго и Купянскаго учебныхъ округовъ, не принимающее прямого участія въ расходахъ по устройству общежитія, оказать посильную помощь добровольными пожертвованіями. Настоятельная нужда въ Семинарскомъ общежитіи не требуетъ разъясненія. Она вполнѣ извѣстна всѣмъ духовнымъ лицамъ, воспитывающимъ своихъ дѣтей въ Семинаріи. Нимало не сомнѣваясь въ полномъ сочувствіи духовенства Харьковской Епархіи къ этой неотложной нуждѣ Семинаріи, Правленіе оной покорнѣйше проситъ присылать пожертвованія или на имя Правленія, или оо. благочинныхъ, которые несомнѣнно примутъ сердечное участіе въ этомъ дѣлѣ, начатомъ и приводимомъ въ исполненіе отеческою заботливостію Его Высокопреосвященства о благѣ дѣтей духовенства Харьковской епархіи.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Епархіальное Попечительство честь имѣетъ просить о взысканіи обружными благочинными епархіи, по постановленію XIII Епархіальнаго съѣзда, съ священниковъ и псаломщиковъ положенныхъ взносовъ въ пользу семействъ протоіерея Успенской церкви сл. Верхней Сыроватки, Сумскаго уѣзда, Георгія Исаиченкова и псаломщика Николаевской церкви сел. Подлѣсновки того же уѣзда Николая Рокитянскаго, и о представленіи таковыхъ взносовъ въ Епархіальное Попечительство.

Епархіальныя извѣщенія.

Сынъ псаломщика Яковъ *Поповъ* опредѣленъ на праздно псаломщическое мѣсто при Крестовоздвиженской церкви сл. Нижебараниковки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Успенской церкви с. Пристайлова, Лебединскаго уѣзда, Тимошей *Радовскій* уволенъ за штатъ по прошенію, а на его мѣсто перемѣщенъ псаломщикъ Пророко-Ильинской церкви хут. Андреевскаго, того же уѣзда, Николай *Терофиловъ*.

— Безмѣстный псаломщикъ Георгій *Измайловъ* опредѣленъ и. д. псаломщика Пророко - Ильинской церкви хут. Андреевскаго, Лебединскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ церквамъ Старобѣльскаго уѣзда Вознесенской села Лизина кр. Максимъ *Хмеленко*, Рождество-Богородичной сл. Бунчужной кр. Василій *Кочоненко*, Волчанскаго уѣзда Покровской сл. Хотомли Матвій *Божко*, къ кладбищенской Митроносицкой церкви сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, кр. Титъ *Литвиненко*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Торжество поднятiя «Царскаго колокола».—17-е Октября въ Спасовомъ Святогорскомъ скитѣ и въ г. Харьковѣ.—Новое законоположеніе о военномъ духовенствѣ.—Дѣятельность Общества распространенiя Священнаго Писанiя въ Россiи за истекшій 1889 годъ.—Проектъ введенiя при духовныхъ семинаріяхъ правильнаго обученiя садоводству и огородничеству.—Безплатныя народныя читальни.—О состоянiи Православной Церкви въ бывшихъ сѣверо-американскихъ владѣнiяхъ Россiи.—Проектъ уменьшенiя нищества въ Россiи.—Семейныя участки земель.—Вопросъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель.—О земскихъ начальникахъ.—По поводу переселенiя крестьянъ.—Ослабленіе эмиграціи въ Америку.—Польскіе переселенцы въ Америку.—Обзоръ мѣръ, указываемыхъ въ современной періодической печати, для борьбы съ пьянствомъ въ народѣ.—Борьба съ пьянствомъ въ Финляндіи.

14-го октября, въ Харьковѣ на Соборной площади происходило торжество поднятiя «Царскаго колокола», сооруженнаго въ память событiя 17-го октября на средства духовенства Харьковской епархіи. Послѣ божественной литургiи, совершенной Высокопреосвященнымъ Амвросіемъ архіепискомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, въ сослуженiи съ викаріемъ Харьковской епархіи, преосвященнымъ Владиміромъ епископомъ Сумскимъ, ректоромъ Харьковской духовной семинаріи протоіереемъ о. Іоанномъ Кратировымъ и соборнымъ духовенствомъ, на Соборной площади, изъ главныхъ дверей Успенскаго кафедральнаго собора, на особо устроенномъ помостѣ, предъ иконами Спасителя, Елецкой Божіей Матери и св. Николая Чудотворца, отслужено было молебствіе, во время котораго помѣщенный тутъ же «Царскій колоколъ» окропленъ былъ святой водой. По окончанiи молебствiя «Царскій колоколъ» при звукахъ гимна «Коль славенъ», исполняемаго оркестромъ военной музыки, былъ ровно въ 12 час. поднятъ въ приготовленную для него часовню, устроенную подъ руководствомъ епархіальнаго архитектора В. Х. Нѣмкина. Минуть двадцать дѣлались различныя приспособленiя для укрѣпленiя колокола. Въ это время высокопреосвященный Амвросій благословлялъ въ церкви народъ. Ровно въ 1 часъ 40 минутъ дня раздались первые звуки «Царскаго ко-

локола», слившіеся тотчасъ-же съ народнымъ гимномъ «Боже, Царя храни» и громкими криками «ура», раздавшимся въ громадной толпѣ народа, которая, несмотря на шедшій съ утра проливной дождь, наполняла все время Соборную площадь.

На торжествѣ присутствовали г. начальникъ губерніи т. с. А. И. Петровъ и попечитель Харьковскаго учебнаго округа т. с. Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ.

— 17 Октября, въ день второй годовщины памятнаго для каждаго русскаго сердца чудеснаго избавленія Государя Императора и Его Августѣйшаго Семейства отъ угрожавшей, при крушеніи Императорскаго поѣзда близъ ст. «Борки», опасности, происходило торжественное богослуженіе въ устроенномъ на мѣстѣ этого чудеснаго событія Спасовомъ Святогорскомъ скитѣ.

Въ 7 часу утра изъ Харькова вышелъ въ Святогорскій Спасовъ скитъ, такъ называемый, «дополнительный поѣздъ», въ которомъ находилась Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, начальникъ Харьковской губерніи тайный совѣтникъ А. И. Петровъ, попечитель Харьковскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, Харьковскій губерцскій предводитель дворянства графъ В. А. Капнистъ съ нѣкоторыми дворянами Харьковской губерніи, Харьковскій городской голова И. О. Фесенко, съ нѣкоторыми гласными Харьковской городской думы, Харьковскій купеческій староста Н. А. Жевержеевъ и много публики изъ Харькова.

Вскорѣ послѣ прибытія этого поѣзда въ Святогорскій Спасовъ скитъ, въ церкви скита началась божественная литургія, совершенная высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, въ сослуженіи настоятеля Святогорской Успенской пустыни игумена Вассіана, ключаря Харьковскаго Успенскаго Кааедральнаго собора, протоіерея о. Симеона Илларионова, священника того же собора о. Григорія Виноградова и одного изъ іеромонаховъ скита, при пѣніи хора архіерейскихъ пѣвчихъ. Въ концѣ литургіи Высокопреосвященнѣйшимъ Амвросіемъ произнесено было глубоко прочувствованное слово.

Послѣ божественной литургіи совершенъ былъ крестный ходъ къ тому самому мѣсту, гдѣ Государь Императоръ съ Своей Августѣйшей Семейей 17-го октября 1888 года изволилъ выйдти изъ вагона-столовой. На этомъ мѣстѣ, отмѣченномъ въ настоящее время маленькой часовней, въ которой помѣщается бѣлый деревянный крестъ съ изображеніемъ Нерукотвореннаго Снаса, отслужено

было благодарственное Господу Богу молебствіе по чину, установленному Святѣйшимъ Синодомъ специально по случаю чудеснаго событія 17-го октября 1888 г. Въ 12^{1/2} час. дня молебствіе закончилось провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ, Наслѣднику Цесаревичу и всему Царствующему Дому, и крестный ходъ двинулся обратно въ церковь Спасова скита.

Послѣ богослуженія, въ помѣщеніи, предназначенномъ для Высокопреосвященнаго Амвросія, былъ предложенъ чай.

Большинство пріѣхавшихъ въ сѣнь возвратились въ Харьковъ съ дополнительнымъ поѣздомъ, прибывшимъ въ Харьковъ въ 5 часу по-полудни. Высокопреосвященный же Амвросій прибылъ въ Харьковъ въ 9 час. 24 м. вечера.

Во время торжественнаго богослуженія мѣсто, гдѣ два года тому назадъ произошла памятная для всѣхъ катастрофа съ Императорскимъ поѣздомъ, усѣно было громадной массой народа, среди котораго весьма замѣтно преобладалъ крестьянскій элементъ.

Близъ полустанка «Спасовка» въ настоящее время сооружено небольшое, но довольно изящное зданіе, которое предназначается для Высочайшихъ Особъ, въ случаѣ ихъ проѣзда.

Въ самомъ Спасовомъ скиту предполагается развести садъ, о чемъ свидѣлствуютъ недавнія, очевидно, посадки деревьевъ.

— По случаю празднованія годовщины чудеснаго спасенія Ихъ Величествъ 17-го октября 1888 года, въ Успенскомъ соборѣ божественную литургію совершалъ преосвященный Владиміръ, епископъ Сумскій. По окончаніи литургіи преосвященный, въ сослуженіи городского духовенства, отслужилъ молебствіе по чину, установленному Св. Синодомъ. На богослуженіи присутствовали старшій предсѣдатель судебной палаты д. с. с. Е. Ф. де-Росси, начальникъ артиллеріи 10-го корпуса генераль-лейтенантъ Эсауловъ, начальникъ 31-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенантъ Буде, предсѣдатель окружнаго суда д. с. с. В. В. Ненарочкинъ, и. д. вице-губернатора д. с. с. Кузинъ, генералитетъ, командиры расположенныхъ въ Харьковѣ полковъ, представители правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и масса молящихся. По окончаніи молебствія передъ соборомъ на площади былъ церковный парадъ, въ которомъ участвовало по одной ротѣ отъ всѣхъ воинскихъ частей. Командовалъ парадомъ подполковникъ 61 рез. баталіона Сахаровъ. Принималъ парадъ генераль-лейтенантъ Эсауловъ.

— «Новое законоположеніе о военномъ духовенствѣ». Двѣнадц

цатое іюня текущаго года ознаменовано тремя законодательными актами, имѣющими весьма важное значеніе для православнаго русскаго духовенства. Въ этотъ день Высочайше утверждены: а) положеніе объ управленіи церквями и духовенствомъ военнаго и морскаго вѣдомствъ; б) инструкція церковнымъ старостамъ, и в) положеніе о губернскихъ и земскихъ учрежденіяхъ.

Новое положеніе о военномъ духовенствѣ существенно измѣнило почти весь строй служебныхъ отношеній этого духовенства. Какъ самая главная и отличительная особенность новаго положенія о военномъ духовенствѣ въ данномъ Св. Синоду Высочайшемъ указѣ отмѣчается то, что проектъ означеннаго положенія «начертанъ согласно каноническимъ постановленіямъ Православной Церкви». Въ чемъ же именно выражается эта каноничность? Краткое сравненіе прежняго законоположенія о военномъ духовенствѣ съ новымъ дастъ удовлетворительный отвѣтъ на поставленный вопросъ.

До сего времени все вообще военное духовенство непосредственно подчинено было одному только главному священнику, который по своимъ правамъ въ отношеніи управленія подвѣдомымъ ему духовенствомъ поставленъ былъ наравнѣ съ епархіальными архіереями (указъ Св. Сун. 1853 г. 6 февр.). По прежнему положенію, главный священникъ являлся высшею инстанціею по всѣмъ церковнымъ дѣламъ своего вѣдомства и зависѣлъ только отъ Св. Синода. Онъ избиралъ, перемѣщалъ и увольнялъ подвѣдомыхъ ему священнослужителей по своему личному усмотрѣнію и представлялъ избранныхъ имъ лицъ епархіальнымъ преосвященнымъ только для рукоположенія въ духовный санъ и посвященія въ стихарь, такъ какъ каноническими правилами протопресвитеру не предоставлено правъ ни хиротоніи, ни простого посвященія въ низшія церковныя должности. Наблюдая, наравнѣ съ епархіальными архіереями, чрезъ благочинныхъ за неисправностію и поведеніемъ ввѣреннаго ему духовенства, главный священникъ производилъ и духовный судъ надъ нимъ. Такая, повидимому, несоразмѣрность между пресвитерскимъ саномъ главнаго священника и широтою предоставленныхъ ему административно-судебныхъ правъ отчасти восполнялась и какъ бы уравнивалась тѣмъ, что главные священники, до половины шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія *), обыкновенно присутствовали въ Св. Синодѣ наравнѣ съ

*) Назначенный на мѣсто умершаго протоіерея Кутневича главнымъ священникомъ арміи и флота протоіерей Богословскій уже не засѣдалъ въ Св. Синодѣ.

высшими іерархами русской Церкви. Съ прекращеніемъ же этого важнаго преимущества главнаго священника, естественно было возникнуть вопросу и объ ограниченіи нѣкоторыхъ другихъ его правъ по завѣдыванію подчиненнымъ ему военнымъ духовенствомъ несомвѣстныхъ съ пресвитерскимъ званіемъ, что и сказалось при составленіи проекта объ управленіи церквами и духовенствомъ военнаго и морского вѣдомствъ, Высочайше утвержденнаго 12 іюня текущаго года.

Новымъ положеніемъ о военномъ духовенствѣ самое названіе главнаго священника замѣнено титуломъ «протопресвитера военнаго и морского духовенства». Состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи Св. Синода и завѣдуя всѣми церквами и духовенствомъ военнаго и морского вѣдомствъ, протопресвитеръ въ то же время самъ поставленъ, вмѣстѣ со всѣми своими подчиненными, въ нѣкоторую іерархическую зависимость отъ мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ. Видимымъ знакомъ этой зависимости служитъ то, что, по требованію § 40 «положенія», во всѣхъ церквахъ вѣдомства протопресвитера должно быть возносимо, по чиноположенію, имя мѣстнаго архіерея», согласно постановленію двукратнаго собора (прав. 13); эта обязанность, конечно, распространяется и на самого протопресвитера, какъ настоятеля Преображенскаго всей гвардіи собора въ Петербургѣ.

Въ дѣлѣ замѣщенія священнослужительскихъ мѣстъ при военныхъ соборахъ и церквахъ, имѣющихъ приходы, протопресвитеръ теперь не можетъ дѣйствовать по единоличному своему усмотрѣнію, но обязанъ представлять избранныхъ имъ кандидатовъ мѣстному архіерею для «каноническаго утвержденія» ихъ и рукоположенія, если они еще не посвящены въ пресвитерскій или діакопскій санъ, а для священнослужителей перемѣщаемыхъ онъ испрашиваетъ «святительское благословеніе на пастырское служеніе ихъ въ приходѣ, куда переводятся». Для опредѣленія на священнослужительскія мѣста къ безприходнымъ и подвижнымъ церквамъ хотя не требуется предварительное «каноническое утвержденіе» ихъ со стороны мѣстнаго архіерея, тѣмъ не менѣе за послѣднимъ и въ данномъ случаѣ удерживается несомнѣнное право отказать въ рукоположеніи, если «встрѣтятся къ тому каноническія препятствія» (§§ 35 и 37 «положенія»). На перемѣщеніе же священнослужителей къ означеннымъ мѣстамъ во всякомъ случаѣ требуется «испрашиваніе у мѣстнаго архіерея благословенія службѣ пмъ на новомъ мѣстѣ» (§ 36 «положенія»). Для награжденія священно-

служителей тѣхъ церквей, при которыхъ есть прихожане изъ мѣстныхъ обывателей, протопресвитеръ также входитъ въ предварительное сношеніе съ мѣстнымъ архіереемъ. Исключеніе дѣлается только для священнослужителей, находящихся при дѣйствующихъ въ военное время частяхъ арміи, когда для награжденія ихъ не требуется указанныхъ сношеній и даже ходатайства предъ Св. Синодомъ.

Судебная власть протопресвитера также значительно ограничена новымъ положеніемъ о военномъ духовенствѣ. Его вѣдѣнію подлежатъ теперь лишь такіе проступки священноцерковнослужителей противъ должности и благоповеденія, для обнаруженія которыхъ не требуется производства формальнаго слѣдствія. Протопресвитеру предоставлено право производить только дознаніе, чрезъ кого онъ найдетъ удобнымъ. Всѣ же прочія дѣла о проступкахъ духовныхъ лицъ подлежатъ суду мѣстнаго епархіальнаго архіерея; въ погрѣшительныхъ случаяхъ невѣдѣнія и нечаянности при совершеніи таинствъ и требъ духовныхъ военные священники также подвѣдомы епархіальному архіерею. Слѣдствія по проступкамъ, влекущимъ за собою болѣе или менѣе тяжкія мѣры взыскація, производятся только по распоряженію епархіальнаго архіерея дивизионнымъ благочиннымъ или особо довѣреннымъ лицомъ при участіи военнаго священника, ближайшаго къ мѣсту производства слѣдствія, которое должно производиться на основаніи поставленныхъ въ уставѣ духовныхъ консисторій правилъ. Судебный приговоръ постановляется консисторіею и утверждается епархіальнымъ архіереемъ, а приводится въ исполненіе или протопресвитеромъ или мѣстною консисторіею, смотря по роду назначеннаго виновному наказанія.

Всѣ вообще священноцерковнослужители военнаго и морского вѣдомства, состоя въ непосредственномъ вѣдѣніи и подчиненіи у своего протопресвитера, въ то же время находятся въ постоянной іерархической зависимости отъ мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ и обязаны воздавать имъ подобающую честь. По прибытіи къ мѣсту своей службы, военные священники обязаны явиться къ мѣстному архіерею, а при невозможности личнаго представленія немедленно доносить ему о своемъ вступленіи въ должность. При посѣщеніи архіереемъ тѣхъ уѣздныхъ городовъ и селеній, въ которыхъ квартируютъ полковые священники, послѣдніе обязаны явиться къ нему. Въ случаяхъ, требующихъ епископскаго разрѣшенія и наставленія, полковые священники также обращаются къ мѣстному епархіальному преосвященному.

Вотъ тѣ существенныя черты, которыя составляютъ главную особенность новаго «положенія» о военномъ духовенствѣ въ сравненіи съ прежнимъ законоположеніемъ о немъ и въ которыхъ дѣйствительно строго проводится каноническое начало іерархической зависимости каждаго пресвитера, какое бы высокое служебное положеніе онъ ни занималъ, отъ епископской власти. Съ введеніемъ новаго «положенія», сама собою исчезаетъ та ненормальная обособленность военнаго духовенства, которая почти цѣлое столѣтіе существовала въ русской Церкви и служила соблазномъ для нѣкоторыхъ вѣрующихъ. Между епархіальнымъ и военнымъ духовенствомъ устанавливается единство, какъ въ іерархическомъ, такъ и служебномъ отношеніяхъ. Согласно съ потребностями времени, полковые священники призываются Высочайшею волею къ болѣе ревностному исполненію ихъ учительской обязанности въ качествѣ преподавателей закона Божія въ полковыхъ школахъ и устроителей вѣбогослужебныхъ собесѣдованій (§ 52). Они обязываются ограждать воинскихъ чиновъ отъ вредныхъ ученій, искоренять въ нихъ суевѣрія, исправлять ихъ нравственные недостатки и, вообще, заботиться объ утвержденіи воинскихъ чиновъ въ вѣрѣ и благочестіи. Полковымъ священникамъ внушается также, по долгу ихъ званія, вести жизнь свою такъ, чтобы воинскіе чины видѣли въ нихъ назидательный для себя примѣръ вѣры, благочестія, исполненія обязанностей службы, доброй семейной жизни и правильныхъ отношеній къ ближнимъ, начальствующимъ и подчиненнымъ (§§ 53—54). Нынѣ самый составъ паствы полковыхъ священниковъ требуетъ отъ нихъ гораздо большаго вниманія къ своему пастырскому долгу, такъ какъ, при всеобщей воинской повинности, въ рядахъ войска явилось больше интеллигентнаго элемента. Надо надѣяться, что военное духовенство окажется на высотѣ своего призванія и, при новыхъ условіяхъ своего пастырскаго служенія, постарается доказать самымъ дѣломъ, что получить священническое мѣсто въ полку далеко не то же, что обречь себя на пастырскую бездѣятельность.

Мы не имѣемъ побужденій касаться прочихъ подробностей «положенія» о военномъ духовенствѣ. Дѣлать оцѣнку практической удобоприложимости этого «положенія» также преждевременно, хотя и нельзя не высказать естественнаго опасенія, что усиленно вводимая имъ своего рода двойственность власти въ завѣдываніи военнымъ духовенствомъ можетъ вызывать нѣкоторыя недоразумѣнія между представителями двухъ вѣдомствъ—военнаго и епар-

хiальнаго. Но, съ другой стороны, недоразумѣнiя неизбѣжны во-
обще при всякомъ новомъ дѣлѣ. (С. В.).

— Надняхъ вышелъ изъ печати отчетъ общества распространенiя книгъ св. Писанiя за прошедшiй 1889 г., изъ котораго видно, что все-
го въ 1889 г. распространено 61,784 экземпляра св. книгъ на 19,390 р.
Общество, какъ и въ предыдущiе годы, распространяло лишь книги
св. Писанiя, изданныя по благословенiю Св. Синода; только въ истек-
шемъ году, въ числѣ синодскихъ изданiй явилось одно не бывав-
шее прежде,—это Библия на русскомъ языкѣ съ параллельными
мѣстами, цѣной въ 3 р. 50 к. въ переплетѣ; изданiе это довольно
важно, ибо оно своими параллелями помогаетъ въ дѣлѣ истол-
кованiя Библии, тѣмъ болѣе, что приведенныя въ изданiи парал-
лели хорошо проверенныя и значительно дополнены сравнительно
съ прежними славянскими изданiями. И въ истекшемъ году Обще-
ство продолжало пользоваться разными льготами со стороны нѣко-
торыхъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ обществъ, дававшихъ Об-
ществу право бесплатно провоза св. книгъ, которыхъ перевезено
было бесплатно 881 п. Приходъ Общества въ истекшемъ году былъ
18.821 р. 14 к., а расходъ 18.854 р. 85 к.; такимъ образомъ, пе-
рерасходъ былъ лишь въ 33 р. 71 к., тогда какъ въ 1888, напримѣръ,
году дефицитъ былъ въ 1.106 р. 87 к. Этимъ Общество
обязано усиленнымъ членскимъ взносамъ и нѣкоторымъ крупнымъ
пожертвованiямъ. Къ концу истекшаго года въ Обществѣ состояло
37 дѣйствительныхъ членовъ и 1.332 члена-сотрудника, въ томъ
числѣ 473 духовныхъ лица и 7 книгоношъ.

— Г. министръ государственныхъ имуществъ въ видахъ разви-
тiя обученiя садоводству и огородничеству въ церковно-приходскихъ
школахъ, а также въ интересахъ развитiя сего дѣла въ народѣ,
находитъ весьма полезнымъ, чтобы въ духовныхъ семинарiяхъ и
училищахъ было введено правильное обученiе садоводству и ого-
родничеству, хотя бы на первое время и необязательное. Для се-
го полезно было бы устраивать при этихъ заведенiяхъ питомники
плодовыхъ деревьевъ и огородовъ подъ управленiемъ садовни-
ковъ, съ содержанiемъ 400 руб. въ годъ, и съ тѣмъ, чтобы въ
пользу ихъ поступалъ и частный доходъ отъ питомниковъ и ого-
родовъ. Устройство и содержанiе такихъ питомниковъ было бы
желательно, по заявленiю г. министра, отнести на счетъ мѣстныхъ
средствъ, съ нѣкоторою, въ исключительныхъ случаяхъ, поддер-
жкой отъ министерства государственныхъ имуществъ. Наконецъ,
учебный комитетъ при Св. Синодѣ запрашиваетъ, находить ли

правление семинаріи возможнымъ осуществить на мѣстныхъ средства указанныя предложенія, а также сообщить свое мнѣніе относительно цѣлесообразности организаціи этого дѣла.

— По соглашенію министерства внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, выработаны правила о бесплатныхъ народныхъ читальняхъ и о порядкѣ надзора за ними. На основаніи этихъ правилъ, бесплатныя читальни могутъ имѣть у себя только тѣ книги и повременныя изданія, которыя будутъ одобрены для нихъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Для этой цѣли министерство народнаго просвѣщенія издаетъ каталогъ книгъ и повременныхъ изданій, допускаемыхъ въ бесплатныхъ читальняхъ. Наблюдающіе за читальнями и завѣдующіе ими, при выборѣ книгъ и изданій для читаленъ обязываются принимать въ соображеніе, какъ средства читаленъ, такъ и образовательныя и воспитательныя потребности низшихъ сословій, образъ жизни и занятій ихъ, избѣгая при этомъ односторонняго подбора книгъ, по извѣстнымъ отраслямъ знаній, въ ущербъ книгамъ религіозно-нравственнаго, патриотическаго и вообще назидательнаго содержанія.

— Въ Всеподданнѣйшемъ отчетѣ г. оберъ-прокурора Св. Синода, печатающемся въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», сообщаются любопытныя и трогательныя подробности о состояніи Православной Церкви въ бывшихъ сѣверо-американскихъ владѣніяхъ Россіи, зачѣмъ-то проданныхъ ею въ прошлое царствованіе чуть не за чечевичную похлебку

Въ 1867 году вся территория Аляски была уступлена Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, а въ 1870 году учреждена самостоятельная Алеутская и Аляскинская православная кафедра. Новая епархія имѣла громадное протяженіе—болѣе 500,000 кв. миль, но населеніе на этомъ огромномъ пространствѣ не превышало 11,500 чел. паствы, церквей въ новой епархіи было всего девять; мѣстопробываніе епископа назначено въ Санъ-Франциско.

Вторымъ епископомъ Алеутскимъ и Аляскинскимъ былъ преосвященный Несторъ. Преосвященный Несторъ дважды предпринималъ морскія путешествія для обозрѣнія обширныхъ пространствъ епархіи. Онъ озаботился обновленіемъ обветшалыхъ храмовъ, принялъ мѣры къ развитію миссіонерской дѣятельности среди православныхъ пастырей и рѣшилъ учредить на островѣ Уналашки миссіонерскую школу.

30 іюля 1882 года, преосвященный, во время морского пере-

ѣзда, во время бури упалъ въ море съ палубы корабля и утонулъ. Его тѣло было прибито волнами къ берегу и погребено на островѣ Уналашки около церкви. Надъ могилой безвременно скончавшагося архипастыря поставленъ памятникъ съ иконой, и уналашкинскіе прихожане послѣ каждаго богослуженія приходятъ сюда пѣть заупокойную молитву по усопшемъ святителѣ.

Нынѣшнимъ преосвященнымъ Алеутскимъ и Аляскинскимъ состоитъ преосвященный Владиміръ, полный энергіи и готовности послужить дѣлу миссіонерства. Православіе въ Америкѣ утверждено настолько, что не смотря на скудость средствъ, имѣетъ силы бороться съ натискомъ иновѣрной пропаганды. Общее число православныхъ въ Алеутской епархіи нынѣ доходитъ до двадцати тысячъ, изъ которыхъ большинство алеуты и индѣйцы. Число церковныхъ зданій также умножается: нынѣ въ одной Аляскѣ девять церквей и 35 часовень. При миссіонерскихъ станахъ повсюду учреждены школы и въ этихъ школахъ получаютъ утвержденіе въ православной вѣрѣ сотни дѣтей туземцевъ.

А кто у насъ слѣдитъ за подвигами и трудами насадителей православія на дальнемъ американскомъ Сѣверо-Западѣ? Кого интересуетъ въ Россіи судьба нашихъ единовѣрцевъ, заброшенныхъ на Алеутско-Аляскинскую каюедру? Весьма и весьма немногихъ. Мы привыкли думать, что православіе — религія, существующая только для русскихъ, для грековъ, для румынъ да для восточныхъ и нѣкоторыхъ западныхъ славянъ. Не такъ думали наши предки, не такъ думали лучшіе представители русской мысли. Они видѣли въ православіи свѣтъ, который рано или поздно озаритъ собою весь міръ и спасетъ народы Запада отъ той духовной бездны, въ которую увлекаетъ ихъ съ одной стороны латинство, а съ другой протестантизмъ. Намъ и въ голову не приходитъ, что тѣ народы, передъ цивилизаціей которыхъ мы привыкли «падать до ногъ», рано или поздно, когда возжаждутъ религіозной истины, обрѣтутъ ее въ нашей Церкви. А между тѣмъ есть на это уже не мало указаній. Кто знакомъ съ новѣйшими религіозными движеніями западной Европы, тотъ не будетъ удивляться нашимъ словамъ. Кто знакомъ съ монографіями г. Лопухина о римскомъ католицизмѣ Сѣверной Америки и ея религіозной жизни, тотъ знаетъ, какое обширное поприще, какую прекрасно разрыхленную почву представляетъ заатлантическая республика для насажденія и распространенія православія...

— Въ видахъ уменьшенія нищенства, министерствомъ внутрен-

нихъ дѣль выработанъ проектъ учрежденія домовъ призрѣнія на слѣдующихъ основаніяхъ. Въ каждой волости домъ призрѣнія учреждается въ наиболѣе крупныхъ селахъ и находится въ вѣдѣніи особыхъ попечительствъ, состоящихъ изъ 6 членовъ, избираемыхъ волостнымъ сходомъ подъ предсѣдательствомъ настоятелей церквей. Для опыта такіе дома призрѣнія были устроены на земскія средства въ Псковской губерніи, гдѣ населеніе, убѣдившись въ важномъ значеніи подобныхъ учрежденій, установило особые волостные сборы въ 5—10 коп. съ души на ихъ содержаніе, чѣмъ устраняется необходимость, какихъ бы то ни было, экстренныхъ расходовъ на этотъ предметъ. Такой удачный результатъ побудилъ нынѣ министерство, по сообщенію «Нов. Врем.», къ введенію домовъ призрѣнія и въ другихъ губерніяхъ Имперіи.

— Мы слышали, что въ непродолжительномъ времени въ Государственномъ Совѣтѣ будетъ обсуждаться вопросъ объ учрежденіи семейныхъ участковъ, вопросъ о которыхъ возбужденъ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, дѣйств. тайн. совѣтн. К. П. Побѣдоносцевымъ. Сущность этого вопроса заключается въ томъ, что владѣлецъ имущества, не липаясь свободы кредитоваться, продать или завѣщать свое имущество, можетъ формально объявить свой земельный участокъ неотвѣтственнымъ за долги и запретить раздѣль его послѣ смерти. Установленіемъ семейныхъ участковъ, съ одной стороны, устраняется распаденіе крестьянскихъ хозяйствъ на безконечно малые участки, а съ другой—предупреждается насильственный, посредствомъ судебного понужденія, переходъ крестьянскихъ имуществъ въ чужія руки. Во избѣжаніе возможныхъ злоупотребленій будетъ установлена опредѣленная норма, дальше которой не можетъ простирается запрещеніе, добровольно налагаемое владѣльцемъ на свое имущество. Точно также запрещеніе не будетъ являться безповоротнымъ; лицо положившее запрещеніе можетъ впоследствии отказаться отъ этого и сдѣлать свой земельный участокъ снова предметомъ свободного обращенія. Точно также и размѣръ семейныхъ участковъ будетъ находиться въ зависимости отъ естественныхъ условій хозяйства, почвы и т. д.

— Вопросъ о неотчуждаемости крестьянскихъ земель, по слухамъ, подвигается къ практическому разрѣшенію, чему, конечно, нельзя не радоваться, такъ какъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, сдача крестьянскихъ надѣловъ въ чужія руки, подъ разнородными формами, идетъ съ замѣтной быстротой. Если такъ продолжится еще нѣсколько лѣтъ, то, пожалуй, нечего будетъ и отстаивать пу-

темъ неотчуждаемости, подобно тому, какъ по поводу ожидавшагося въ послѣдніе годы лѣснаго закона говорили, что нечего будетъ охранять, если онъ замедлится.

Наиболѣе трудно искоренимое зло, на нашъ взглядъ, состоитъ, въ данномъ случаѣ, не въ одной только прямой и открытой покупке крестьянскихъ надѣловъ отъ ихъ владѣльцевъ другими лицами, какъ болѣе доступной воздѣйствию ожидаемаго закона; еще болѣе вреда на практикѣ приносятъ обходные пути въ этомъ отношеніи, аренда, залогъ крестьянской земли богатому крестьянину, вообще фактическое чужое владѣніе, безъ особаго форменнаго акта. Какъ видно, это фактическое обладаніе надѣломъ односельцевъ, подъ видомъ залога, даже предпочитается иногда деревенскими кулаками формальному приобрѣтенію земли путемъ выкупа по 165 ст., такъ какъ обходится дешевле, а практическая выгода та же самая. Въ одной изъ книгъ г. Сазонова приводится примѣръ, что «во всѣхъ казачьихъ войскахъ исконовъ вѣку установлена неотчуждаемость, однако сдача въ аренду земель стала распространяться въ широкихъ размѣрахъ и производить удручающее вліяніе на хозяйство казака».

Понятно, поэтому, что появившіеся въ газетахъ, въ видѣ слуха, проекты правилъ по данному предмету говорили не только о прямыхъ, но также и о косвенныхъ случаяхъ неотчуждаемости, хотя, къ сожалѣнію, далеко не полно и не вполне точно. Впрочемъ, извѣстныя до сихъ поръ проекты ограниченій перехода крестьянскихъ земель въ другія руки устанавливаются лишь временно, какъ бы въ видѣ опыта, и возможность болѣе полной постановки вопроса на будущее время остается.

Недостаточная ясность формулированія предложенныхъ правилъ уже была предметомъ критики въ нашей печати; такъ, между прочимъ, въ одной газетѣ справедливо разъяснялось, по поводу запрещенія залога и продажи надѣловъ, что такое запрещеніе должно касаться не только случаевъ добровольной продажи и залога, но также и вынужденной, на примѣръ, по вексельнымъ взысканіямъ. Иначе законъ обратится въ пустую формальность, такъ какъ пойдутъ въ ходъ мнимые векселя и продажа надѣловъ пойдетъ своимъ чередомъ.

Ту же роль могутъ сыграть краткосрочныя аренды. Практики замѣчаютъ, что если крестьянинъ однажды разстался со своимъ надѣломъ, хотя бы въ видѣ краткосрочной аренды, то, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, онъ уже никогда своей земли большъ

ше не получить. Отдача земли въ аренду, хотя бы ненадолго, вызывается недостаткомъ у крестьянина денежныхъ средствъ, который, если появился разъ, то уже обыкновенно не исчезаетъ, а только усиливается, обращаясь въ хроническое явленіе. Подъ вліяніемъ этого безденежья, собственникъ иногда не пользуется даже «аршиномъ своей надѣльной земли». Такимъ образомъ, земля пускается въ оборотъ за недостаткомъ оборотныхъ денежныхъ средствъ; для протпводѣйствія этому злу правила о неотчуждаемости сами по себѣ могутъ остаться мертвы, если не будутъ сопровождаться рядомъ другихъ дополнительныхъ мѣръ.

Но и въ самыхъ правилахъ возможно бы, какъ сказано, болѣе полноты, судя по проектамъ: такъ, кромѣ уже упомянутаго, укажемъ на остающуюся возможность продажи участковъ отдѣльныхъ домохозяевъ, если покупателями явятся члены того же самаго общества, т. е. въ большинствѣ случаевъ именно кулаки, которымъ, въ средѣ сельскихъ обществъ, только и принадлежитъ покупательная, денежная сила. Давно извѣстно, что напѣ «міръ» на дѣлѣ раскололся на двѣ далеко не равныя половины, изъ которыхъ меньшая по численности господствуетъ надъ большей своими капиталами. Какое же значеніе, кромѣ дальнѣйшаго сосредоточенія займа въ немногихъ рукахъ, можетъ имѣть подобное изъятіе изъ проектированныхъ ограниченій, допущенное въ пользу зажиточныхъ сельчанъ.

Наконецъ, въ печати уже было замѣчено, что совершенно не соотвѣтствуетъ цѣлямъ всего проекта дозволеніе отчуждать надѣльные земли, принадлежащія цѣлымъ обществамъ, съ разрѣшенія мпністра внутреннихъ дѣлъ. Безъ сомнѣнія, на практикѣ можетъ встрѣтиться крайняя необходимость и цѣлому обществу развязаться съ непригоднымъ почему-либо надѣломъ, для покупки на средства общества лучшей земли, съ переселеніемъ на нее и вообще по особо уважительнымъ причинамъ. Но подобные случаи не лишне бы примѣнять къ порядку разрѣшеній на отчужденіе казенныхъ земель, которое, для самаго даже незначительнаго клочка, невозможно иначе, какъ по разсмотрѣніи въ высшихъ учрежденіяхъ.

Конечно, неотчуждаемость крестьянскихъ земель вызоветъ на практикѣ еще не мало вопросовъ и, какъ сказано, не обойдется безъ дополнительныхъ мѣръ. Но и теперь, пока окончательная редакція вырабатываемаго закона еще неизвѣстна съ окончательною точностью, должно пожелать, чтобы за правило принято было не допускать изъятій изъ общаго порядка въ тѣхъ случаяхъ, ко-

торые будутъ перечислены при установленіи «неотчуждаемости» крестьянскихъ надѣловъ. «Нов. Вр.»

— Крестьянское самоуправленіе врядъ ли можетъ быть вполне упорядочено посредствомъ надзора со стороны земскихъ начальниковъ прежде, чѣмъ не будутъ измѣнены самыя его основанія. «Какія бы блага ни открывало намъ положеніе 12 іюля 1889 г., говорить по этому поводу симбирскій корреспондентъ «Моск. Вѣд.», нельзя обойти молчаніемъ того, что волостныя правленія остались какъ бы забытыми. Совершенно преобразовавъ и поставивъ на новыя начала волостной судъ, положеніе вовсе не коснулось собственно волостныхъ правленій, тогда какъ современная организація ихъ требуетъ если не коренного, то, по меньшей мѣрѣ, значительнаго переустройства. Функція, отправляемая волостными правленіями, такъ сложна, что, уступая по количеству функціямъ другого какого управленія, стоятъ выше ихъ уже тѣмъ, что имѣютъ дѣло непосредственно съ практикой. При новыхъ порядкахъ обязанности волостныхъ правленій еще болѣе усложняются, увеличиваясь къ тому же въ степени важности. Достаточно вспомнить о томъ, что обязанности ихъ раздѣляются на три главныя категоріи: административную, судебную и полицейскую, чтобы представить себѣ всю громаду работы, лежащей на волостныхъ правленіяхъ».

Въ настоящее время волостныя правленія, по словамъ корреспондента, «дѣлаютъ много лишняго, неимѣющаго никакой потребности; доставляютъ массивную груду свѣдѣній, большинство которыхъ никому не нужно, ибо нѣкогда требовавшія ихъ власти, по измѣненіи порядка, писать объ отмѣнѣ представленія какъ бы конфузятся. Всѣ волостныя правленія нашей губерніи воображаютъ себя какими-то департаментами и до того заражены канцеляризмомъ, что, напримѣръ, даже своего сторожа посылаютъ не къ тому крестьянину, который понадобился, а къ сельскому старостѣ или полицейскому сотнику съ письменнымъ и занумерованнымъ приказомъ или предписаніемъ о высылкѣ этого крестьянина».

Для упрощенія дѣлопроизводства волостныхъ правленій необходимо, однако, прежде всего сократить самый кругъ предметовъ, подлежащихъ его вѣдѣнію. Волость и волостныя правленія должны существовать для крестьянъ, а не для сношеній центральныхъ органовъ съ сельскимъ населеніемъ всѣхъ сословій, какъ это мы видимъ теперь.

— «Харьковск. Вѣд.» полагаютъ, что необходимость крестьян-

скихъ переселеній должна возникать со временемъ даже для такихъ сельскихъ обществъ, на долю которыхъ земельный надѣлъ нѣкогда былъ отведенъ въ количествѣ вполне достаточномъ. Это мы видимъ на примѣрѣ нѣмецкихъ колоній: ихъ земельныя владѣнія во всякомъ случаѣ могутъ считаться обширными, и сравнительно со средними и даже наибольшими размѣрами крестьянскаго душеваго надѣла, даже огромными,—но и то, по мѣрѣ возрастанія состава населенія колоніи часть его постоянно отдѣляется отъ общества и переходитъ на новыя мѣста, приобретаемая покупкой. Но вотъ замѣчательный фактъ: благодаря бытовымъ и экономическимъ особенностямъ нашей нѣмецкой колонизаціи, послѣдняя гораздо лучше и правильнѣе пользуется тѣми условіями для переселеній, чѣмъ это дается русскимъ крестьянамъ. Намъ ежедневно приходится слышать о большихъ земельныхъ покупкахъ, совершаемыхъ нѣмцами, но при этомъ обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что распространеніе этого иностраннаго землевладѣнія не выходитъ за предѣлы довольно въ сущности узкаго района, ограниченнаго нѣсколькими южно-русскими губерніями, во всякомъ случаѣ района, представляющаго на всемъ своемъ протяженіи одинаковыя экономическія условія. О томъ, чтобы нѣмцы-колонисты приобрѣтали земли въ Оренбургской или Уфимской губерніяхъ или еще дальше—на Амурѣ, въ Сибири, нѣкогда не было слышно. И это очень естественно: собственно говоря, въ Россіи еще не существуетъ экономической необходимости въ выселеніи малоземельнаго крестьянства на такія далекія окраины. Говоримъ «экономической», ибо подобнаго рода переселенія крестьянъ на новыя мѣста представляетъ у насъ явленіе очень давнее, но въ старое время вызывавшееся соображеніями посторонняго свойства. «Казна издавна затрачивала значительныя суммы на пособіе переселенцамъ, которые должны были оживить пустующія окраины: Оренбургскую и Уфимскую губерніи, уральскіе заводы и т. д. Даже въ Сибири до нынѣшняго времени сохранились настоящія малорусскія села со всѣми этнографическими особенностями этой народности, изъ потомковъ тѣхъ крестьянъ—уроженцевъ Полтавской и Харьковской губерній, которые также съ пособіемъ отъ казны переселялись въ эту далекую область и тамъ тоже, какъ въ древней Руси, захватывали земли, «куда топоръ, коса и соха ходили». Однако всѣ эти мѣры имѣли въ виду болѣе политическую цѣль, чѣмъ экономическую: «мы не столько стремились къ разрѣшенію земельного вопроса внутри страны, сколько къ обрусенію окраинъ». («Юрид. Вѣст.» 1886 г. № 6, стр. 307).

Что касается переселенія съ цѣлью удовлетворенія собственно земельныхъ нуждъ самого крестьянства, то въ этомъ отношеніи нашей экономической политикѣ предстоитъ еще задача болѣе легкая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе благодарная, чѣмъ движеніе крестьянскихъ семействъ на окраины государства. Эта задача заключается въ болѣе правильномъ расселеніи народныхъ массъ, въ распредѣленіи ихъ болѣе равномернымъ образомъ между отдѣльными частями одного и того же района. У насъ на предѣлахъ одной губерніи можно встрѣтить такіа различныя степени густоты населенія, которыя должны удивлять иностранцевъ. Рядомъ, напр., съ Богодуховскимъ и Сумскимъ уѣздами, гдѣ и крестьянское населеніе представляется не только густымъ, но даже скученнымъ, гдѣ земельныя надѣлы сельскихъ обществъ отличаются размѣрами мизерными до крайности и гдѣ поэтому цѣны на землю поднялись до чрезвычайной высоты, въ той же нашей Харьковской губерніи существуютъ такіе уѣзды, какъ, на примѣръ, Зміевскій и Изюмскій, отличающіеся свойствами прямо противоположными, не говоря уже о такихъ какъ Старобѣльскій и Купянскій, гдѣ почвенныя условія — совсѣмъ иныя. Для малоземельнаго крестьянина Богодуховскаго уѣзда есть прямой расчетъ — продать свой надѣлъ за дорогую цѣну и на вырученныя деньги пріобрѣсти себѣ втрое большій участокъ земли въ Зміевскомъ у. Многіе такъ и сдѣлали, и подобнаго рода покупки земли, которыя также должны быть приравнены къ переселенческимъ, особенно участились со времени открытія Крестьянскаго поземельнаго банка. Безъ помощи этого кредитнаго учрежденія ни собственныхъ средствъ переселяющейсѣ крестьянской семьи, ни той въ сущности скромной суммы, какая можетъ быть выручена ею отъ продажи своего надѣла, не хватало бы для такой рискованной затѣи, какъ переселеніе. Крестьянскій банкъ облегчаетъ переселенцу главную задачу: покупку земли; это дѣло совершается почти цѣлкомъ въ кредитъ, на условіяхъ долгосрочнаго погашенія долга, а всѣ денежныя средства крестьянина могутъ быть употреблены на обзаведеніе, пріобрѣтеніе инвентаря и т. д. Такимъ образомъ, учрежденіе Крестьянскаго банка явилось весьма важнымъ шагомъ нашего правительства въ направленіи той интеллигентной политики, въ предѣлахъ внутреннихъ губерній страны, которая составляла ближайшую задачу нашей экономической политики.

— Особая коммисія, состоящая изъ представителей министерствъ: внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, подробно раз-

рабатывающая вопросъ объ улучшеніи и усиленіи переселенческаго дѣла на дальній Востокъ, получила отъ мѣстной администраціи подробныя изслѣдованія качества земли во всѣхъ тѣхъ пунктахъ Южно-Уссурійскаго края, которые нынѣ предназначаются для раздачи поселенцамъ. Въ предстоящемъ 1891 году предположено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ переселить въ этотъ край 500 душъ крестьянъ и казаковъ. Желаящіе переселиться должны имѣть по 100 р. на душу, безъ различія возраста, на уплату за переѣздъ отъ Одессы до Владивостока, по 600 р. на семью для первоначальнаго обзаведенія на мѣстѣ и по 1 р. 8 коп. на каждый пудъ багажа. Главнымъ мѣстомъ русскихъ поселеній являются бассейны рѣкъ Суйфуна, Лефу и Сучена и южные берега озера Ханка, какъ мѣстности очень удобныя для земледѣлія.

— Министерство внутреннихъ дѣлъ признало необходимымъ воспретить вредную дѣятельность иностранныхъ агентовъ, вербующихъ въ западномъ краѣ эмигрантовъ въ Америку. Теперь намъ сообщаютъ, что въ краѣ неизвѣстно кѣмъ распространялись подробныя описанія пребыванія русскихъ выходцевъ въ Пенсильваніи. Какъ оказывается, русскіе эмигранты устроились въ Америкѣ весьма прочно. Въ настоящее время тамъ построены православныя церкви въ Книгстонѣ, Джерсей-Цитти, Минеаполисѣ и другихъ пунктахъ и эмигранты ходатайствуютъ теперь о присылкѣ имъ православнаго духовенства и регентовъ. Одновременно съ этимъ они выписали изъ Москвы церковной утвари и облачений на 8,000 долларовъ. Такимъ образомъ русскіе переселенцы придерживаются своей прежней религіи, а не слѣдуютъ примѣру эмигрантовъ другихъ странъ, которые, попавъ въ Америку, сейчасъ же спѣшатъ организовать какую-нибудь духовную секту. Переселенцы ходатайствуютъ о командированіи къ нимъ православнаго духовенства съ цѣлью избавиться отъ католическаго духовенства, которое начало захватывать въ свои руки духовную власть надъ православными. Какъ мы слышали, просьба русскихъ переселенцевъ будетъ удовлетворена отправкой въ Пенсильванію нѣсколькихъ студентовъ изъ нашихъ духовныхъ академій.

— Въ настоящее время вслѣдствіе энергичныхъ мѣръ противъ выходцевъ переходящихъ границу безъ паспортовъ, стремленіе къ эмиграціи ослабѣло. Повліяли на это и письма, въ большомъ количествѣ получаемыя здѣшними жителями отъ родныхъ, находящихся въ Бременѣ или прибывшими уже въ Бразилію. Знакомые или родные въ этихъ письмахъ описываютъ очень печальное по-

ложніе выходцевъ и совѣтуютъ не поддаваться на вѣру эмиграціоннымъ агентамъ. Сильное впечатлѣніе, по словамъ «Модзинскаго Дневника», произвело здѣсь письмо одного эмигранта, сообщающаго что партія выходцевъ почти въ 300 человѣкъ, въ томъ числѣ до 80 Томашевскихъ (гор. Томашевъ въ Ровскомъ уѣздѣ, Петроковской губерніи), на половину вымерла въ городѣ Сантошъ, жители коего очень враждебны къ эмигрантамъ, не оказываютъ имъ ни малѣйшаго сочувствія и обращаются съ ними какъ съ невольникамъ. Причиной гибели упомянутыхъ эмигрантовъ былъ пятнистый тифъ, которымъ заболѣла сначала какая-то нѣмецкая семья. Такъ какъ вся партія была высажена вмѣстѣ и помѣщена въ одномъ бамбуковомъ баракѣ, то болѣзнь быстро развивалась; сто человѣкъ умерло въ теченіе восьми дней въ страшныхъ мученіяхъ. Однажды ночью мѣстные власти приказали вывести изъ города всѣхъ эмигрантовъ въ ближайшій лѣсъ и оставили ихъ тамъ безъ помощи, а труны умершихъ закопаны были вмѣстѣ въ глубокой ямѣ безъ религіозныхъ обрядовъ. Кромѣ болѣзней, эмигранты страшно страдаютъ отъ голода. Писавшій объ этомъ письмо, въ счастіе самъ плотникъ, получалъ работу при одной постройкѣ въ Сантошѣ, но лишь на короткое время.

— Въ варшавской газетѣ «Kurjer Codzienny» извѣстный польскій этнографъ и публицистъ Сигизмундъ Глогеръ сообщаетъ интересные факты изъ охватившей въ послѣднее время польское населеніе горячки переселенія въ Америку. На дняхъ, говоритъ г. Глогеръ, возвращался я изъ Варшавы къ себѣ домой въ Мазовецкій уѣздъ. Когда я ѣхалъ на лошадахъ отъ станціи Лапы, мнѣ попалась на пути кучка толбующихъ между собою о чемъ-то людей изъ знакомой деревни, которые вѣжливо попросили меня остановиться. Толпа окружила мой экипажъ и попросила у меня совершенно неожиданныхъ объясненій.

— Видно-невидимо народу изъ разныхъ деревень собирается за море, гдѣ получаютъ даровую землю, воловъ и деньги на обустройство хозяйства, говорилъ мнѣ Гарковскій изъ Погоржалки. А такъ какъ мы окончили уже полевые работы, то хотимъ просить васъ, сударь, чтобы вы рассказали намъ про тѣ края, куда мы намѣрены переселиться.

— А куда же, въ какую заморскую землю вы хотите странствовать? спросилъ я.

Одинъ изъ крестьянъ отвѣтилъ: «въ Гафриву». Другой не согласился съ нимъ и поправилъ: «въ Бранзолю». «Не въ Гафриву

и не въ Бранзолію, а въ Агрипину» — прибавилъ третій... Догадавшись, что это должно было означать Африку, Бразилію и Аргентину, г. Глогеръ, по его словамъ, изъ дальнѣйшаго разговора убѣдился въ томъ, что 1) ни одинъ изъ этихъ людей не зналъ, куда переселится; 2) ни одинъ не имѣлъ понятія объ отдаленности, географическомъ положеніи и условіяхъ того края, который желаетъ избрать своимъ новымъ отечествомъ; 3) никого изъ нихъ не принуждала къ переселенію нужда, такъ какъ у всякаго было въ запасѣ по нѣсколько десятковъ рублей; 4) всѣ они окончательно рѣшились переселиться и безъ сожалѣнія говорили о томъ, что придется на-всегда разстаться съ родной стороной, но ни одинъ не хотѣлъ сказать, кто подговорилъ его къ этому и будетъ руководить имъ въ затѣваемомъ бѣгствѣ.

Далѣе г. Глогеръ пишетъ: «Я пытался подѣйствовать на мужицкій здравый смыслъ этихъ людей и пустилъ въ ходъ рядъ самыхъ сильныхъ аргументовъ, но все это ни къ чему не привело. Я узналъ только, что такія же точно предостереженія, заклятія и убѣжденія они слышатъ уже нѣсколько недѣль съ амвоновъ въ Тыкоцинѣ, Ваневѣ, Кобылинѣ и т. д., но имъ объяснили, что ксендзы отводятъ отъ эмиграціи по просьбѣ пановъ, которые боятся потерять рабочихъ въ хозяйствѣ. Когда, убѣждая простецовъ, я коснулся религіозной стороны и сказалъ, что человекъ долженъ жить на той землѣ, на которой увидѣлъ Божій свѣтъ, то мнѣ отвѣчали съ полною вѣрой, что самъ папа закупилъ землю для переселенцевъ и назначилъ для раздачи имъ большія сокровища (!)».

Г. Глогеру не удалось узнать, кто распустилъ подобные безсмысленные слухи; онъ освѣдомился только, что «эмиграція той мѣстности имѣетъ свое тайное руководство въ Бѣлостокѣ, и что какой-то «жидокъ» за 24 руб. беретъ доставить всякаго безъ паспорта въ Гамбургъ, что по понятію крестьянъ, составляетъ уже половину затѣвимаго путешествія въ «Гамерику»,

Г. Глогеръ возстаетъ противъ общепринятаго мнѣнія, будто нужда гонитъ за море этихъ переселенцевъ. Въ подтвержденіе онъ ссылается на факты: «Изъ Тыкоцина переселился за море лучший и зажиточнѣйшій каменщикъ, сколотившій себѣ работой 2,000 р., а самые бѣдные и менѣе способные остались на мѣстѣ. Изъ деревни П. переселились четверо крестьянъ — вы думаете, быть можетъ, самые бѣдные? Вовсе нѣтъ. Самые бѣдные остались на мѣстѣ, а ушли тѣ, которые боялись отвѣтственности за совершенные проступки. Изъ Ечева переселился единственный сынъ надѣльнаго

крестынина, и собирается въ переселеніе батракъ заработавшій въ лѣто на пахотѣ нѣсколько десятковъ рублей и не жалующійся на недостатокъ заработка, такъ какъ на сбереженныя деньги можетъ уѣхать. Объ избыткѣ рабочихъ рукъ и худыхъ заработкахъ въ нашемъ околоткѣ не можетъ быть и рѣчи, ибо къ намъ ежегодно прибываетъ на лѣто для косыбы съ венгерской границы нѣсколько десятковъ венгерскихъ горцевъ, которые оплачиваются, какъ извѣстно, вовсе не дешево. Я видѣлъ также много парней изъ-подъ Вадовицъ, выписанныхъ на лѣто въ имѣніе М., гдѣ имъ платили за работу при уборкѣ сѣна, бороньбу и т. п. по 25 к. въ день на хозяйскихъ харчахъ. И въ какое время видимъ мы это непомѣрное стремленіе къ заработку въ Америкѣ? Въ то самое время, когда въ здѣшней мѣстности будетъ начата постройка новой желѣзной дороги—Вѣлостоцко-Ломжинской, которая дастъ заработать жителямъ немалыя деньги. Переселяются не бѣднѣйшіе и слабые, а самые сильные, молодые и сравнительно зажиточные. Переселяются преимущественно крестьяне, пользующіеся надѣлами и обширными сервитутами, а мелкая малоземельная шляхта—лишь въ маломъ сравнительно числѣ.

— Еще въ 1859 году Святѣйшій Синодъ циркулярными указами на имя епархіальныхъ Преосвященныхъ благословилъ священнослужителей, живымъ примѣромъ собственной жизни и частымъ проповѣданіемъ въ церкви Божіей о пользѣ воздержанія, содѣйствовать возникшей въ нѣкоторыхъ городскихъ и сельскихъ сословіяхъ рѣшимости воздерживаться отъ употребленія вина, отнюдь не прибѣгая къ такимъ мѣрамъ, которыя не истекаютъ прямо изъ пастырскихъ обязанностей духовенства и не основаны на положительныхъ узаконеніяхъ. Эти благія начинанія не были, однако, по причинамъ отъ духовенства независящимъ, надлежаще приведены въ исполненіе, и возникшія въ многихъ мѣстностяхъ, на основаніи добровольныхъ общественныхъ приговоровъ, общества трезвости, имѣвшія единственно цѣлю объединять между собою всѣхъ ведущихъ трезвую жизнь, мало-по-малу прекратили свое существованіе. Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости неумѣренное употребленіе вина въ народѣ увеличилось, а потому Правительство вынуждено было принять рядъ мѣръ къ возможному ограниченію пьянства, приглашая при этомъ къ содѣйствію не только духовенство и разныя епархіальныя учрежденія, наприм.: приходскія попечительства, братства и церковныя совѣты, но и частныхъ лицъ (Прав. Высочайше утвержд. 14 мая

1885 года). Нынѣ, въ виду того, что пьянство мало уменьшается въ народѣ, Св. Синодъ снова обращается къ духовенству, приглашая его къ усиленной дѣятельности въ дѣлѣ искорененія пьянства въ народѣ (Опред. Св. Синода смотр. 5—11 іюля 1889 года).

Къ чести духовенства нужно сказать, что оно и на этотъ призывъ Правительства, для борьбы съ нравственнымъ народнымъ недугомъ, начинаетъ отзываться съ такою же готовностію, съ какою отзывалось на призывъ его къ распространенію просвѣщенія въ народѣ. Рядъ статей, появляющихся въ нашей духовной періодической печати о мѣрахъ къ искорененію въ народѣ пьянства, свидѣтельствуешь, что духовенство готовится выступить противъ этого нравственнаго недуга со всею энергіею, но вмѣстѣ и съ должною осторожностію; такъ какъ всѣ, предлагаемыя въ печати разными лицами, мѣры, по заявленію самихъ же пишущихъ, печатаются не съ тѣмъ, чтобы считать ихъ неоспоримо полезными для означенной цѣли (борьбы съ пьянствомъ), а для того, чтобы эти мѣры печатно же подвергнуты были общему обсужденію, провѣрены на опытѣ и, въ случаѣ нужды, были исправлены и пополнены новыми (Церков. Вѣстн. № 7-й 1890 г.; Рук. для сел. паст. № 16 и др.).

По словамъ С. А. Рачинскаго, его статья «о трезвости» напечатанная въ минувшемъ году сперва въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а затѣмъ въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ», вызвала собою чрезвычайно обширную съ нимъ переписку. «Пишуть ко мнѣ, говоритъ онъ, изъ всѣхъ краевъ Россіи, люди всѣхъ возрастовъ и званія, люди и всѣхъ степеней умственнаго развитія, начиная отъ высокообразованныхъ лицъ, озабоченныхъ подъемомъ нравственности въ нашемъ простомъ народѣ, и кончая полуграмотными горемыками, одержимыми всѣми степенями *delirium tremens*... Въ числѣ моихъ корреспондентовъ множество и священниковъ, не только отнесшихся сочувственно къ моимъ попыткамъ въ борьбѣ съ пьянствомъ, но уже и занятыхъ устройствомъ въ своихъ приходахъ обществъ трезвости, первыми членами коихъ являются они сами, безусловно отказываясь отъ употребленія спиртныхъ напитковъ» (откр. пис. С. Рачинскаго, прилож. къ № 50 Церк. Вѣдом.).

Болѣе главныя и существенныя мѣры, указываемыя въ разбираемыхъ нами статьяхъ для борьбы съ распространившимся въ народѣ пьянствомъ, суть слѣдующія:

1) *Примѣръ собственной трезвости священника и низшихъ членовъ притча*, и притомъ не только въ домахъ прихожанъ, ко-

гда имъ по обязанностямъ своей службы приходится раздѣлять съ ними трапезу, но и въ домашней своей жизни; потому что, при этомъ только послѣднемъ условіи, примѣръ умеренности и воздержанія духовенства и можетъ быть внушительнымъ для прихожанъ.

2) Чтобы отклонить народъ отъ излишней невоздержности при разныхъ семейныхъ событіяхъ, напр.: при крещеніяхъ, свадьбахъ, похоронахъ и т. п., когда онъ особенно любитъ предаваться излишнему употребленію хмѣльныхъ напитковъ, *священникъ, въ видахъ ослабленія пьянства, долженъ расположить прихожанъ оставить ихъ лишнія*, при упомянутыхъ случаяхъ, домашнія церемоніи, и чрезъ это сократить ненужныя издержки на угощенія.

3) Равнымъ образомъ, чтобы не дать мѣста пьянству и разгулу народа во время храмовыхъ праздниковъ и особенно во дни Пасхи, Святковъ и проч., *бдительный пастырь* еще заранѣе до наступленія этихъ праздниковъ *долженъ предупредить и предостеречь своихъ прихожанъ отъ допускаемой ими неумѣренности*. И нѣтъ сомнѣнія, что его проповѣдь съ церковной кафедры принесетъ извѣстную пользу. Но для того, чтобы не было соблазна и увлеченій, священнику слѣдуетъ также настаивать и на томъ, чтобы прихожане его не посѣщали въ праздничное время питейныхъ домовъ и составляли общественные приговоры о своевременномъ закрытіи этихъ заведеній на праздничное время.

4) *Исповѣдь*.—Но по мнѣнію «Церковнаго Вѣстника» исповѣдь для этого должна быть не та поспѣшная и краткая, которая обыкновенно бываетъ въ селахъ, но подробная и вполне внимательная. Послѣ такой исповѣди, узнавши отъ кающагося истинную причину его нетрезвости, опытный священникъ, какъ врачъ духовный, въ состояніи будетъ предложить кающемуся соответствующее духовное врачевство, дать необходимый ему совѣтъ, и, наконецъ, поддержать и укрѣпить падающаго духомъ человѣка надеждою на всеильную помощь Божию.

5) *Школа*.—«Священникъ, какъ говорится въ одной изъ разсматриваемыхъ нами статей, въ школѣ долженъ быть не преподавателемъ только своего предмета, а руководителемъ дѣтей во всѣхъ путяхъ жизни. Онъ не долженъ ограничиваться въ школѣ сообщеніемъ ученикамъ свѣдѣній, означенныхъ въ программѣ, а долженъ время отъ времени бесѣдовать съ ними о всѣхъ выдающихся въ окрѣжающей ихъ жизни случаяхъ и явленіяхъ. Послѣ каждаго праздника, священникъ долженъ разспросить учениковъ, какъ они провели праздникъ, что ихъ особенно занимало во время праздника,

чѣмъ они особенно остались довольны или что ихъ огорчило и, видя то или другое настроеніе учениковъ, можетъ давать имъ соотвѣтствующіе совѣты, — что можно допускать съ ихъ стороны и на будущее время, и чего должны избѣгать» (Самар. Еп. Вѣд.) Примѣръ неотразимаго вліянія на школьниковъ даже свѣтскаго преподавателя мы видимъ въ лицѣ С. А. Рачинскаго: задавшись цѣлію ослабить пьянство въ народѣ, онъ началъ съ учениковъ своей школы. Съ самаго начала его школьной работы, пьянство, какъ вопіющее зло сдѣлалось предметомъ настойчивыхъ его бесѣдъ съ учениками. «Онѣ оказались успѣшными. Зло столь очевидное, столь горько отзывающееся на жизни дѣтей, не могло представляться имъ иначе, какъ зломъ. Давались обѣщанія, принимались искреннія рѣшенія ему не поддаваться. На счетъ необходимости ограждать отъ него дѣтей, соглашались съ учителемъ и всѣ разумные родители». Но, не довольствуясь простыми увѣщаніями и поучительными рѣчами, онъ, въ видахъ болѣе успѣшнаго образа дѣйствія, задался цѣлію устроить въ тѣсномъ кругу своихъ учениковъ—*общество трезвости*.

Мысль о такомъ обществѣ была встрѣчена большинствомъ учениковъ г. Рачинскаго въ высшей степени сочувственно и 5-го іюля 1882 г. въ день преподобнаго Сергія учителемъ съ дѣтьми, послѣ молебна, произнесенъ былъ въ церкви торжественный обѣтъ такого воздержанія, срокомъ на одинъ годъ. Съ тѣхъ поръ обѣтъ этотъ ежегодно возобновляется 5-го іюля. Число членовъ этого общества первоначально колебалось между 50 и 70 человекъ (кромя дѣтей); общество состояло почти исключительно изъ бывшихъ учениковъ *Татевской школы*, и постоянное его ядро составляли вышедшіе изъ этой школы воспитанники, и затѣмъ сдѣлавшіеся учителями въ другихъ школахъ. Въ настоящее время число членовъ возрасло до 383 человекъ.

б) *Внѣбогослужебныя собесѣдованія*, производимыя въ дни праздничные, когда простой народъ отъ бездѣлья и скуки обыкновенно старается пайти удовольствіе въ водкѣ. На этихъ бесѣдахъ, могущихъ занять досугъ народа пріятнымъ и полезнымъ для него дѣломъ, можно съ большею подробностію и свободою, чѣмъ на церковной каедрѣ—въ проповѣдяхъ разъяснить народу и весь вредъ, какой происходитъ отъ пристрастія къ вину. Такъ, съ церковной каедрѣ неудобно производить изслѣдованія о пьянствѣ съ медицинскою точки зрѣнія, между тѣмъ во время собесѣдованія это можно сдѣлать всегда къ мѣсту и съ пользою. Тутъ мо-

жетъ быть прочитана и какая-либо популярная статья изъ области гигіены и фізіологіи о гибельномъ вліяніи спиртныхъ напитковъ не только на организмъ человѣка, преданнаго пьянству, но и на здоровье всего его поколѣнія.

Признавая вполне важное значеніе виѣбогослужебныхъ собесѣдованій, и въ частности—необходимость распространенія въ народѣ фізіологическихъ и медицинскихъ свѣдѣній относительно вреда на человѣка спиртныхъ напитковъ, мы считаемъ не бесполезнымъ познакомить нашихъ читателей съ взглядомъ на это профессора фізіологической химіи въ Базельскомъ университетѣ г. Бунге *). Думаемъ, что научныя свѣдѣнія почтеннаго профессора, подтверждаемыя статистическими данными, дадутъ не мало назидательныхъ мыслей для собесѣдованія съ народомъ.

Дѣйствіе спиртныхъ напитковъ на духовную природу человѣка можно разсматривать, говоритъ г. Бунге, какъ дѣйствіе паралича. Первое нарушеніе мозгового отравленія отражается на способности сужденія. И потому человѣкъ подъ вліяніемъ спиртныхъ напитковъ, не сдерживаемый болѣе этою способностію, даетъ полную волю своимъ чувствамъ. Онъ дѣлается излишне откровеннымъ, оживленнымъ и безнечнымъ; онъ уже не даетъ себѣ явнаго отчета объ опасности; у него притупляется всякое чувство безпокойства и страданія,—исчезаетъ чувство горя и заботы. Отсюда въ подвпившемъ обществѣ является вообще веселое настроеніе духа. Но вы никогда не увидите, чтобы кто-нибудь подъ вліяніемъ крѣпкихъ напитковъ обнаруживалъ болѣе остроумія. У пьяныхъ являются совершенно ненужныя жесты, усиленная дѣятельность сердца и бесполезное обпаруженіе силы, въ ущербъ самимъ себѣ.

По общепринятому мнѣнію, употребленіе водки укрѣпляетъ человѣка отъ тѣлесной усталости и возвращаетъ ему способность къ новому труду и къ новымъ усиліямъ. Но такой взглядъ на дѣло обманчивъ; чувство усталости человѣка можно уподобить предохранительному клапану въ машинѣ. Усыпляя это чувство, чтобы имѣть возможность снова приняться за работу, человѣкъ уподобляется тому, кто заколачиваетъ клапанъ машины, чтобы нагрѣть ее сверхъ нормы. Особенно пагубна ложная увѣренность въ укрѣпляющемъ свойствѣ водки въ рабочемъ классѣ. Подъ вліяніемъ этого предразсудка, бѣдняки часто тратятъ большую половину своего заработка, вмѣсто того, чтобы на эти деньги доста-

*) «Русское Богатство» за 1889 г. № 1-й. Лекція г. Бунге объ алкоголизмѣ.

вить себѣ обильную и здоровую пищу—единственный источникъ силы, необходимой для работы.

Впрочемъ бесполезное, или скорѣе вредное вліяніе спиртныхъ напитковъ, даже въ умѣренномъ количествѣ, гораздо лучше доказывается совокупностію опытовъ, чѣмъ научными выводами. Опыты производимы были надъ войсками въ Англійскихъ и Сѣверо-Американскихъ арміяхъ, во время ихъ походовъ. И оказалось, что солдаты независимо отъ климата,—жаркаго, холоднаго и дождливаго времени, — гораздо лучше переносили усталость при совершенномъ запрещеніи спиртныхъ напитковъ. Вообще тѣ солдаты Англійской арміи, которые принадлежатъ къ обществамъ трезвости и клятвенно отреклись отъ употребленія всякихъ спиртныхъ напитковъ, оказывались болѣе стойкими въ борьбѣ съ суровостію погоды и усталостію; численная смертность и заболѣваніе между ними замѣчались также менѣе, чѣмъ между остальными солдатами, которымъ давались спиртные порціи. Таковы же были результаты опытовъ, произведенныхъ и во флотѣ. И поэтому, въ послѣднее время, большое число англійскихъ и американскихъ купеческихъ кораблей отправляются въ море безъ одной капли спирта на кораблѣ. Большинство витолововъ, не смотря на то, что отъ нихъ требуется огромная затрата силъ, бывають людьми вполнѣ воздержными.

То же слѣдуетъ сказать и относительно умственнаго утомленія. Всѣ изслѣдователи согласны въ выводѣ, что при полномъ воздержаніи отъ спиртныхъ напитковъ, исполненіе какой бы то ни было умственной работы легче. Словомъ, употребленіе спиртныхъ напитковъ нибого не укрѣпляетъ, но только притупляетъ чувство утомленія.

Употребленіе спиртныхъ напитковъ, говорятъ, заглушаетъ самыя тягостныя чувства, прогоняетъ скуку. Но нужно замѣтить, что чувство скуки, подобно усталости, играетъ въ нашемъ организмѣ роль регулирующаго снаряда. Какъ усталость побуждаетъ насъ къ отдыху, такъ съ другой стороны скука даетъ намъ толчекъ къ работѣ и дѣятельности, которыми обуславливается крѣпость нашего организма и здоровья; но многіе значеніе этого чувства не желаютъ понимать. Они за самый легкій и пріятный способъ избавиться отъ скуки признають употребленіе спирта. Но на самомъ дѣлѣ продолжительное его употребленіе, какъ средство притупленія чувства скуки, ни съ чѣмъ не можетъ сравниться по вредному вліянію на развитіе личности; ни что до такой степени не губить и не заглушаетъ всего, что есть лучшаго въ человѣкѣ, какъ употребленіе алкоголя. Подъ вліяніемъ этого напитка исчезаютъ все

болѣе и болѣе благородныя черты лица и уступаютъ мѣсто безсмысленной фizioномiи.

На ряду съ употребленiемъ водки, г. Бунге порицаетъ и употребленiе пива. Притягательная сила этого напитка дѣлаетъ его самымъ опаснымъ изъ всѣхъ спиртныхъ напитковъ. Во всѣхъ классахъ общества пристрастiе къ водкѣ считается постыднымъ, но неумѣренное употребленiе пива во многихъ странахъ служитъ даже предметомъ національной гордости. Между тѣмъ ни къ какому другому напитку не развивается такъ быстро привычка, какъ къ пиву, и никакой другой не отбиваетъ такъ скоро вкуса къ правильной и здоровой пищѣ, какъ пиво. Защитники пива имѣютъ обыкновенiе выставлять питательныя его свойства; но тѣ питательныя вещества, которыя имѣются въ пивѣ, находятся вполнѣ въ достаточномъ количествѣ и въ тѣхъ веществахъ, которыя мы употребляемъ ежедневно въ пищу.

Существуетъ мнѣнiе, что употребленiе спиртныхъ напитковъ помогаетъ пищеваренiю. Но нынѣ многочисленными опытами надъ людьми и животными доказано совершенно противоположное ихъ дѣйствiе. Доказывается даже, что вино и пиво извращаютъ чувство вкуса и дѣлаютъ его одностороннимъ. Пьющiй водку чувствуетъ обыкновенно отвращенiе къ пищѣ, которая доставляетъ человѣку съ неспорченнымъ вкусомъ наибольшее наслажденiе, напр., къ обсахареннымъ фруктамъ и всѣмъ сладкимъ блюдамъ, между тѣмъ—сахаръ есть источникъ мускульной силы. Не даромъ же дѣти, у которыхъ вкусъ бываетъ еще не испорченъ, обыкновенно любятъ все сладкое; равнымъ образомъ исправляется снова вкусъ и у тѣхъ, которые оставляютъ совершенно употребленiе спиртныхъ напитковъ.

Вредное дѣйствiе даже умѣреннаго употребленiя спиртныхъ напитковъ доказывается несомнѣннымъ образомъ статистикой англiйскихъ обществъ страхованiя жизни. Средняя продолжительность жизни трезвыхъ людей значительно болѣе, чѣмъ людей даже умѣренно пьющихъ. Если же употребленiе вина и допускается иногда докторами для больныхъ, то это единственно можетъ быть примѣняемо въ случаяхъ острыхъ болѣзней для смягченiя тяжелаго состоянiя, но никогда при болѣзняхъ хроническихъ.

Таковы, говоритъ г. Бунге, послѣдствiя умѣреннаго употребленiя спиртныхъ напитковъ. Но несравненно ужаснѣе бываютъ послѣдствiя неумѣренности. Не будемъ указывать на поражающую бѣдность, которая большею частiю бываетъ обязана своимъ про-

исхожденіемъ преданности пьянству, — это признано всѣми, но укажемъ на другія, не менѣе гибельныя, послѣдствія.

Въ неумѣренномъ употребленіи водки кроется причина самыхъ разнообразныхъ и многихъ болѣзней; никакой органъ нашего тѣла не можетъ быть безопаснымъ отъ ея разрушительнаго дѣйствія. Почти всѣ доктора согласны въ томъ, что многія изъ болѣзней, особенно разнообразныхъ нервныхъ болѣзней, начиная съ простаго нервного припадка и до умопомѣшательства наследственнаго, въ значительной степени обуславливаются неумѣреннымъ употребленіемъ вина. Доказано, напр., что на 300 дѣтей съ припадками умопомѣшательства приходится не менѣе 145 дѣтей, происходящихъ отъ родителей, преданныхъ пьянству.

Подобное же отношеніе существуетъ между пьянствомъ и преступленіемъ. Уголовные судьи, полицейскіе чиновники и директоръ тюремъ, въ большей части цивилизованныхъ государствъ, соглашаются въ показаніи, что 70 изъ 80⁰/о всѣхъ преступленій должны быть приписаны невозддержности *).

Къ довершенію описанной картины если присоединить, наконецъ, тотъ ущербъ со стороны экономической, который терпятъ государства чрезъ ежегодное потребленіе громаднаго количества хлѣба на куреніе вина, чрезъ наемъ рабочихъ, заготовленіе орудій и машинъ для винодѣлія, содержаніе трактировъ и питейныхъ

*) По статистическимъ свѣдѣніямъ о 32,837 арестантахъ, содержавшихся въ 120 тюрьмахъ Германіи, найдено, что 46⁰/о всѣхъ преступленій совершены въ состояніи опьяненія. Въ частности убійства даютъ 63⁰/о, важныя раны—74⁰/о, менѣе значительныя раны—63⁰/о, сопротивленія общественной власти—76⁰/о, семейныя ссоры—54⁰/о, посягательства на нравственность—77⁰/о.

Значительная часть разводовъ—въ Даніи 25⁰/о, всѣхъ самоубійствъ—въ Англіи 30⁰/о и въ Россіи 40⁰/о,—результаты пьянства.

По донесенію министра Эверетта, потребленіе крепкихъ напитковъ въ Соединенныхъ Штатахъ, отъ 1860 до 1870 г. привело прямой расходъ въ 3 миллиарда и косвенный въ 600 милліоновъ долларовъ; оно уничтожило 300,000 человѣческихъ жпзней, привело 100,000 дѣтей въ дома призрѣнія и, по крайней мѣрѣ, 150,000 человѣкъ въ тюрьмы и рабочіе дома, оно было причиною около 2000 самоубійствъ; потери отъ пожаровъ и кражъ со взломомъ почти 100 милліоновъ дол., оставило 20.000 вдовъ и 1 милліонъ сиротъ. Подобная статистика представила бы не менѣе прискорбныя цифры для большей части европейскихъ государствъ, если бы она всегда аккуратно и точно велась.

Изъ числа бѣдныхъ семействъ, прибѣгавшихъ къ благотворительнымъ заведеніямъ въ Англіи, 75⁰/о было доведено до этого состоянія пьянствомъ главы семейства, въ Женевѣ и Парижѣ—до 80⁰/о, въ Германіи до 90⁰/о.

домовъ съ ихъ прислугою и т. п., то придется сознаться, что громадное количество цивилизованнаго человѣчества трудится изодня въ день въ потѣ лица, для производства и продажи яда, всѣми покунаемаго, разрушающаго силы рабочихъ, истребляющаго деньги и наполняющаго больницы и богадѣльни, дома сумасшедшихъ, тюрьмы и исправительныя заведенія! Неужели такое занятіе можетъ быть достойнымъ первыхъ націй въ свѣтѣ, участвовавшихъ плоды цивилизацій предшествовавшихъ вѣковъ?

Теперь посмотримъ, какия же средства рекомендуетъ профессоръ Бунге противъ такого зла.

По его мнѣнію, за противодѣйствіе усиливающемуся злу прежде всего должно взятыя само правительство, издавая соотвѣтствующія законоположенія и вводя разныя мѣры къ пресѣченію распространенія его въ народѣ. Если правительство имѣетъ право карать преступленія, то оно должно и предупредить ихъ. Полагаться на собственное благоразуміе народа весьма трудно.

Съ другой стороны это не значитъ, что мы должны ждать помощи отъ одного только правительства. Подготовка почвы для законодательной власти лежитъ на обязанности частныхъ обществъ. Исторія борьбы съ спиртными напитками показываетъ, что полною побѣдою пользовались только тѣ общества, которые дали обѣтъ полнаго воздержанія и не измѣняли ему.

Въ Сѣверной Америкѣ подъ вліяніемъ ихъ приняли къ совершенному запрещенію продажи и производства алкоголя въ пяти штатахъ: Мень, Иова, Вермонтъ, Роді-Элейнтъ и Конзось. Число тѣхъ, которые съ клятвою отреклись отъ совершеннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, — въ Англіи доходитъ теперь до 5 милліоновъ, въ Норвегіи до 100,000, въ Швейцаріи до 60,000 и въ Даніи до 30,000 человѣкъ.

Но кто же, по мнѣнію почтеннаго профессора, должны первыми подать собою примѣръ воздержанія? Это тѣ, которые считаютъ себя призванными къ дѣлу воспитанія народа, — лица образованнаго класса, потому что живой примѣръ руководителей тысячу разъ цѣннѣе всѣхъ разглагольствованій и внушеній.

Итакъ, по мнѣнію г. Бунге, учрежденіе обществъ воздержанія служатъ однимъ изъ вѣрныхъ средствъ противъ распространенія пьянства въ народѣ.

Совершенно въ такомъ же порядкѣ ведется борьба съ пьянствомъ и у насъ въ Россіи. Правительственная власть, издавая съ своей стороны разныя законоположенія и указывая мѣры къ уничтоже-

нію пьянства въ народѣ, въ то же время обращается за содѣйствіемъ и къ обществу, и прежде всего сословію духовному, которое, по долгу своей службы, болѣе другихъ обязано слѣдить за нравственнымъ состояніемъ народа, призываетъ при этомъ на помощь разныя епархіальныя учрежденія, братства, приходскія почительства и т. п., и, наконецъ, обращается къ тѣмъ лицамъ изъ среды свѣтскаго общества, которые по своему образованію и служебному положенію могутъ благотворно вліять на нравственность народа. Цѣль же подобнаго призыва есть та, чтобы, подѣ влияніемъ живого примѣра руководителей, изъ среды самого народа образовались общества трезвости, или лучше—общества полного воздержанія отъ всякихъ спиртныхъ напитковъ.

Много ли въ настоящее время открыто по всей Россіи обществъ трезвости, этого сказать мы не можемъ, но знаемъ, что общества эти начинаютъ привлекать въ свою среду лицъ всѣхъ знаній и состояній. Примѣромъ этого можетъ служить недавно возникшее общество трезвости въ средѣ Петербургскаго населенія. По словамъ «Новостей» это общество встрѣчаетъ полное сочувствіе и въ средѣ духовенства, и аристократическомъ кругу, и въ среднемъ классѣ (№ 108).

Къ распространенію обществъ трезвости, вслѣдствіе распоряженія высшаго начальства, стремятся и власти епархіальныя. Такъ Преосвященный Ярославскій *Ионаанъ*, для ослабленія пьянства въ народѣ, обязалъ духовенство своей епархіи заводить въ каждомъ благочиніи общества трезвости изъ всѣхъ мѣстныхъ священно-церковно-служителей, съ возложеніемъ обязанности привлекать къ обществу всѣми зависящими средствами и мірянъ (Церк. Вѣд. № 5). Искреннее желаніе распространить въ своей епархіи общества трезвости имѣетъ и Смоленскій Архипастыръ, *Преосвященный Гурій*, о чемъ онъ торжественно заявилъ 29-го апрѣля общему собранію членовъ Братства Преподобнаго Аврамія, приглашая членовъ Братства съ своими заботами о распространеніи школьнаго просвѣщенія въ народѣ соединить попеченіе и объ улучшеніи народной нравственности, чрезъ постепенное отвлеченіе народа отъ пристрастія къ хмѣльнымъ напиткамъ. И есть надежда, что благое желаніе Преосвященнаго, при помощи Божіей, не останется безъ добрыхъ послѣдствій. Уже теперь, благодаря энергіи и неутомимымъ трудамъ С. А. Рачинскаго къ распространенію просвѣщенія въ народѣ и усиленію въ средѣ его началъ нравственности, общества трезвости въ этой епархіи не состав-

ляютъ новости *). Благотворное вліяніе ихъ и на самихъ членовъ общества и на окружающую среду сдѣлались здѣсь уже хорошо извѣстными. И потому, кромѣ перваго общества трезвости *Татіевскаго*, открытаго еще въ 1882 г. С. А. Рачинскимъ, благодаря дѣятельности приходскихъ священниковъ, существуютъ теперь общества трезвости въ селахъ: *Травинъ*, *Шопотовъ*, *Меженникъ* и въ селѣ *Дровинъ*, Гжатскаго уѣзда, гдѣ, благодаря дружной дѣятельности учителя тамошней школы *В. А. Лебедева* и его отца, приходскаго священника, число членовъ общества, въ теченіе только одного года, возрасло до 700 человекъ.

Приведенные примѣры свидѣтельствуютъ, что усиленное, энергичное и настойчивое примѣненіе выше указанныхъ мѣръ къ ослабленію пьянства въ народѣ ведетъ къ несомнѣнно добрымъ послѣдствіямъ, хотя бы инициатива этого дѣла принадлежала въ извѣстномъ приходѣ и одному только священнику, и что съ другой стороны можно тамъ же рассчитывать еще на болѣе успѣхъ, когда за ослабленіе пьянства принимаются съ совершеннымъ единодушіемъ два или три уважаемыхъ лица вмѣстѣ. (Смол. Е. В.).

— Пьянство въ народной жизни является такимъ страшнымъ бичомъ, что мѣры, принимаемыя противъ него правительствами разныхъ странъ, заслуживаютъ серьезнаго вниманія. Правительство въ этихъ случаяхъ далеко не такъ безсильно, какъ это стараются представить нѣкоторые. Въ его распоряженіи имѣется достаточно средствъ, чтобы устранивъ злоупотребленіе спиртными напитками въ его крайней формѣ.

Примѣръ Финляндіи, гдѣ въ этомъ отношеніи сдѣлано нѣсколько опытовъ, заслуживаетъ внимательнаго къ себѣ отношенія. Такъ думаетъ, очевидно, и правительство, собравъ официальнымъ путемъ свѣдѣніи о результатахъ вмѣшательства центральной власти

*) Ревнуя о распространеніи обществъ трезвости въ народѣ, достопочтеннѣйшій *Сергій Александровичъ Рачинскій* для руководства лицамъ, которыя съ этимъ дѣломъ еще не знакомы, описалъ даже самый обрядъ, какой имъ употребляется для присоединенія желающихъ къ обществу, и какой, по его мнѣнію, могъ бы быть употребляемъ священниками, состоящими во главѣ общества. Онъ описалъ также форму книги, въ которую должны быть вписываемы имена лицъ, давшихъ обѣды воздержанія, и указалъ, для примѣра, ту формулу обѣщанія, кака я написана на главномъ листѣ «Книги Трезвости» Татевской церкви. При этомъ имъ разяснены и другіе частные вопросы, могущіе встрѣтиться при открытіи обществъ трезвости (открытое письмо С. А. Рачинскаго, 9 ноября 1889 года, напечатанное въ приложеніи къ № 50 Церк. Вѣд.).

въ Финляндіи въ вопросѣ объ ограниченіи злоупотребленія спиртными напитками. Для Россіи это вопросъ первостепеннаго значенія, и мы остановимся поэтому на примѣрѣ Финляндіи нѣсколько подробнѣе.

Главнымъ образомъ мѣры, которыя принимаются правительствомъ въ Финляндіи, основаны на затрудненіи пріобрѣтать для потребленія вино въ деревняхъ и мѣстечкахъ. Закономъ 1886 года розничная и распивочная продажа въ нихъ совершенно воспрещена, а на заводахъ, имѣющихся въ уѣздахъ, можно получать не менѣе 5 ведеръ очищеннаго вина и то не иначе, какъ при условіи, чтобы у покупателя такого количества вина было въ семьѣ не менѣе 10 человекъ взрослыхъ или рабочихъ. Вслѣдствіе такого законоположенія отъ покупающаго на заводѣ вино требуется заявленіе его имени и жительства, для провѣрки его показанія. Кромѣ того, стараются бороться съ пьянствомъ тѣмъ, что держатъ при розничной торговлѣ довольно высокую цѣну на водку. Одновременное употребленіе съѣстного также уменьшаетъ, какъ полагаютъ, вредное и опьяняющее дѣйствіе вина.

Но самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ уменьшенію вреда отъ пьянства служатъ особыя товарищества или общества для торговли крѣпкими напитками, развивающія свою дѣятельность въ городахъ. Эти общества заслуживаютъ не только вниманія, но и подражанія. Они устроены по образцу первоначально устроенныхъ въ Швеціи, въ Готтенбургѣ и извѣстны подъ именемъ готтенбургскихъ. Это акціонерныя компаніи со складочнымъ капиталомъ, достаточнымъ для веденія торговли крѣпкими напитками. Цѣль обществъ фалантропическая, а не торговая, такъ какъ по закону членъ общества не имѣетъ права брать въ свою пользу больше 6 проц. на капиталъ, помѣщенный въ акціяхъ. Весь остальной доходъ употребляется на разныя благотворительныя учрежденія для народа, приспособленныя къ тому, чтобы благотворно воздѣйствовать на умственное и нравственное развитіе рабочаго класса. Средства обществъ идутъ на образованіе стипендій для учениковъ народныхъ школъ, поступающихъ въ народныя училища, для составленія пенсіонныхъ кассъ въ пользу ремесленниковъ и рабочихъ, для постройки и содержанія пріютовъ для дѣтей престарѣлыхъ и увѣчныхъ. Кромѣ того, устраиваются народныя читальни, даются общедоступные концерты, содержатся фребелевскіе сады и ясли для дѣтей, устраиваются публичныя гулянья для рабочихъ и т. д. Такихъ обществъ въ Финляндіи существуетъ значитель-

ное число, по одному почти во всѣхъ городахъ; въ Гельсингфорсѣ ихъ два.

Для надзора за благочиніемъ и порядкомъ въ заведеніяхъ, занимающихся продажей питей и завпсящихъ отъ обществъ, производящихъ торговлю, имѣются особые полицейскіе служители, которые получаютъ содержаніе отъ обществъ, но одѣты въ обыкновенную полицейскую форму и числятся на службѣ по полиціи. Вообще общества чрезвычайно строго наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы въ ихъ заведеніяхъ точно исполнялись всѣ постановленія и требованія закона, имѣющіяся по торговлѣ спиртными напитками. Общества имѣютъ даже своихъ агентовъ для открытія тайной продажи вина. За послѣднія пять лѣтъ, какъ оказывается, потребление вина въ Финляндіи сократилось. Особенно сильное уменьшеніе въ потребленіи вина произошло сразу въ 1887 году. Это зависѣло отъ введенія закона, которымъ воспрещается продажа вина въ уѣздѣ. Затѣмъ въ слѣдующіе два года потребление вина вновь возросло, хотя далеко не достигаетъ прежняго размѣра. Очень любопытно было бы прослѣдить судьбу этого закона. Но уже теперь можно предсказать, что больше всего успѣха надобно ожидать отъ обществъ трезвости, которыя повсемѣстно распространены въ Финляндіи.

Къ числу мѣръ, предпринимаемыхъ противъ пьянства, должны быть отнесены и довольно строгія наказанія, налагаемые закономъ за нахожденіе въ состояніи полного опьяненія. Отвѣтственности за пьянство подвергается всякій, кто напился до того, что по дѣйствіямъ его и по другимъ признакамъ для всякаго дѣлается видимымъ, что онъ находится въ пьяномъ состояніи. Въ случаѣ совершенія преступленія въ пьяномъ видѣ, пьянство не только не служитъ смягчающимъ для обвиняемаго обстоятельствомъ, но, напротивъ, кара, налагаемая на него правосудіемъ, усиливается денежнымъ штрафомъ, до лишенія части гражданскихъ правъ, въ родѣ права на занятіе общественныхъ должностей включительно.

Всѣ эти мѣры, которыя принимаются для борьбы со зломъ, извѣстнымъ подъ именемъ пьянства, могутъ быть легко пересажены и на русскую почву.

Съ 1-го декабря сего года будутъ издаваться слѣдующія сочиненія

СЕВЬСКАГО СВЯЩЕННИКА

АНДРЕЯ ЛЯДСКАГО

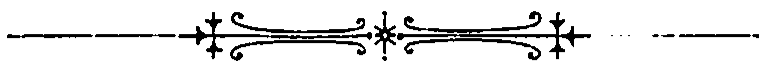
1) Катихизическія поученія на повседневныя молитвы; 2) на Символь Вѣры; 3) о Надеждѣ; 4) о Блаженствахъ; 5) о 7-ми Таинствахъ православной церкви; 6) на заповѣди Закона Божія; 7) о Богослуженіяхъ православной церкви; 8) на праздники Господскіе и Богородичныя; 9) поученія на всѣ воскресные дни, и 10) бесѣды на всѣ воскресные дни.

Всѣ означенныя сочиненія будутъ выходить выпусками; въ каждомъ выпускѣ будетъ помѣщено 8 катихизическихъ поученій и 8 поученій и бесѣдъ на воскресные дни. А такъ какъ эти послѣднія расположены въ связи и по порядку воскресныхъ евангелій (съ 30-й недѣли), то поэтому каждый выпускъ будетъ доставленъ подписчикамъ заблаговременно.

Изданіе назначается въ пользу бѣдныхъ Харьковской епархіи.

ЦѢНА за годовое изданіе 3 руб. 20 коп., вмѣсто мелочи можно высылать почтовыми марками.

Адресъ: Харьковъ, Рождественская церковь, священнику Андрею Лядскому.

Вышла въ свѣтъ

изданная Протоіереемъ Іоанномъ Чижевскимъ брошюра

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

ИНСТРУКЦІЯ ЦЕРКОВНЫМЪ СТАРОСТАМЪ,

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденная 12 іюня 1890 года и послѣдовавшая со дня изданія первой 17 апрѣля 1808 года постановленія и распоряженія, относящіяся къ обязанностямъ ихъ, съ приложеніемъ положеній о «Приходскихъ Попечительствахъ и Церковныхъ Братствахъ». Харьковъ, 1890 года.

ЦѢна съ пересылкою и безъ пересылки 1 руб.

Выписывающіе свыше 10 экз. получаютъ по 80 коп., такая же уступка и книгопродавцамъ.

Открыта подписка на 1891 годъ.

«ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ»

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ

«» ВЫХОДИТЬ ЕЖЕДНЕВНО. «»

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ: I. Правительственныя распоряженія. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и вѣшной политики и общественной жизни. III. Обзоръ газетъ и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ «Южнаго Края» и «Сѣвернаго телеграфнаго агентства». V. Последнія извѣстія. VI. Городская и земская хроника. VII. Вѣсти съ Юга: корреспонденціи «Южнаго Края». VIII. Со всѣхъ концовъ Россіи (корреспонденціи «Южнаго Края» и извѣстія другихъ газетъ). IX. Вѣшнія извѣстія: заграничная жизнь, послѣдняя почта. X. Наука и искусство. XI. Фельетонъ: научный, литературный и художественный. Беллетристика. Театръ. Музыка. XII. Судебная хроника. XIII. Критика и библиографія. XIV. Смѣсь. XV. Виржевая хроника и торговый отдѣлъ. XVI. Календарь. XVII. Справочныя свѣдѣнія. Дѣла, назначенныя къ слушанію и резолюціи по нимъ округа Харьковской судебной палаты и Харьковскаго военно-окружнаго суда. XVIII. Стороннія сообщенія. XIX. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ во многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Кромѣ того, газета получаетъ постоянныя извѣстія изъ Петербурга и Москвы.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Безъ доставки.	10 р. 50 к.	6 р. — к.	3 р. 50 к.	1 р. 20 к.
Съ доставкою	12 » — »	7 » — »	4 » — »	1 » 40 »
Съ перес. иногороднымъ	12 » 50 »	7 » 50 »	4 » 50 »	1 » 60 »

Допускается разсрочка платежа за годовой экземпляръ по соглашенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковѣ — въ главной конторѣ газеты «Южный Край», на Николаевской площади въ домъ Петры.

Кромѣ того подписка и объявленія принимаются: въ Петербургѣ — въ конторѣ подписки и объявленій *Н. Матисена*, Б. Коцюшенная. № 29; въ Москвѣ — въ конторахъ объявленій и подписки: *А. Сенъ-Мартенъ*, Неглинный проѣздъ, д. Молчанова; *Н. Пешковской*, Петровскія линіи; *Л. Шабертъ*, Покровка, д. Соболевыхъ; въ централ. конт. объявленій бывш. *Л. Метиль*, Мясницкая, д. Спридонова и въ справочномъ Бюро *Н. Доминъ* и К^о, Софійка, прот. Лубянскаго пассажа; въ Полтавѣ — въ конторѣ *И. А. Дожмана*. Изъ Франціи объявленія принимаются исключительно въ Парижѣ, у *Navas, Lafite & Co, Place de la Bourse.*

Редакторъ-издатель *А. А. Тозефовичъ*

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.